

ВТ БЕСТСЕЛЛЕРЫ
ГОЛЛУБУДА

ВОССТАВШИЙ
ИЗ АДА

ОЛАРД ДИКСОН

ВОССТАВШИЙ ИЗ АДА

Olard Dixon
«HELLRAISER»

Перевод с английского

Олард Диксон
«ВОССТАВШИЙ ИЗ АДА»

Scan & Bookmaking
by Mr.CROWley, 2014

Боль должна быть бесконечной,
поскольку бесконечна вина
покусившегося на величие
Бога, чье бытие бесконечно.
Но надеяя вечностью муку,
мы увековечиваем зло.

Тертуллиан

ПРОЛОГ

Вдоль торговых рядов торопливо пробивался сквозь толпу молодой человек. Время от времени он бросал взгляды на ломившиеся всякой всячиной прилавки. Здесь можно было купить все — от дешевого опия до диковинных фруктов, о существовании которых в Европе и не догадывались. Это был восточный базар: неизменные осы, гудящие над пряностями, торговцы в чалмах, неустанно зазывающие покупателей, и над всем этим облако густого терпкого аромата, который нельзя спутать ни с чем.

Солнце палило нещадно, молодой человек то и дело вытирал со лба обильный пот.

Пройдя мимо входа в чайхану, он уверенно толкнул следующую дверь с вывеской «Ботаника» на арабском и английском языках. Она открылась под мелодичный перезвон колокольчиков, свисающих с потолка на тонких цепочках.

В лавке было прохладно, большой вентилятор с шумом рассекал воздух своими лопастями.

— Что вам угодно, мистер Коттон? — Продавец гостеприимно развел руками и улыбнулся — он уже знал, за чем пришел этот черноволосый молодой человек с аккуратно подстриженной бородкой.

Осторожно прикрыв за собой входную дверь, молодой человек сделал несколько шагов и огляделся. Перед его глазами на многочисленных полках тянулись вереницы банок с толчеными корешками и листьями, но когда взгляд его остановился на торговце, последнему стало явно не по себе.

— Шкатулку, — сухо произнес посетитель и достал из кармана толстую пачку банкнот.

Взглянув на деньги, а затем в окно, выходившее на рыночную площадь, продавец ухватил покупателя за рукав и подвел его к старинному, обитому красным сукном столику, укрытыму в углу за полками.

Берите, она ваша, — сипло дыша, грузный продавец выложил на сукно небольшую квадратную коробочку. Поверхность ее была испещрена какими-то зигзагами и линиями: они сходились и расходились, образуя сложные фигуры.

Молодой человек бережно взял коробочку, бросил деньги на столик и медленно направился к выходу, внимательно осматривая покупку со всех сторон. Наконец он удовлетворенно кивнул, сунул коробочку в карман пиджака и открыл дверь.

Проводив ушедшего взглядом, продавец не спеша подошел к сейфу и положил туда деньги. Бросая ключи от сейфа в ящик столика, он задумчиво проговорил:

— И всегда была вашей, мистер Коттон.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Но ведь какой-нибудь из них должен подойти к этой чертовой двери! — пробурчал Ларри Коттон, разглядывая связку ключей, висевших на большом кольце с брелоком в виде бычьей головы.

— Слушай, Ларри, я продрогла до костей, — капризно протянула его жена Джулия, передернув плечами.

— Хорошо, хорошо! — отозвался Ларри и с остервенением стал дергать за ручку дверь, украшенную большим витражным стеклом.

— Может кто-нибудь сменил замок? — заметила Джулия.

— Ну, кому это могло приспичить?

— Не знаю... я просто предположила.

Даже не удостоив ее взглядом, Ларри продолжал ковырять в двери ключами.

— Ага, есть! — с этими словами, весьма довольный собой, он повернул ключ в замке и отворил дверь, — хоп и готово.

— Входи, Джулия, — пригласил он, переступая порог с двумя тяжелыми чемоданами в рука.

Джулия последовала за ним, замешкавшись с большой черной сумкой на молнии.

— Наше старое родовое гнездо, — обращаясь к Джулии, промолвил Ларри, широким жестом словно отодвигая невидимый занавес.

Открывшийся перед их глазами холл, как, впрочем, и сам дом, выглядел покинутым и неухоженным. Сквозь завесу паутины на вошедших смотрели, словно прищурив глаза, монгольские и китайские маски. Стены были увешаны предметами самых разных культов, и предназначение многих из них было трудно определить. Слева стоял большой старинный сервант, на полках которого красовались изящные, почерневшие от времени статуэтки забытых богов и чучело большой круглой рыбы. Когда-то глубоко вдохнув, эта рыба так и осталась похожей на футбольный мяч, усыпанный шипами, торчащими во все стороны. Из плавников этой рыбы африканские колдуны варили зелье, превращающее человека в зомби. Рядом с сервантом, но чуть в глубине, виднелась большая статуя Иисуса Христа с лампочками вокруг головы.

«Ну вот и добрались», — подумал Ларри, ставя чемоданы около большого камина с прогнувшейся решеткой.

— Пахнет сыростью, — сказала Джулия, переступив порог вслед за мужем.

— Он же стоял пустым столько лет! — Ларри провел пальцами по запыленной дверце серванта, оставляя на ней ровные полосы. — Ну ничего, зажжем камина, станет тепло и будет здесь, как в настоящем дворце.

— И давно ты здесь не появлялся? — спросила Джулия, вынимая из сумочки пачку сигарет.

— Лет десять, — ответил Ларри, и в голосе его послышалась грусть.

Сейчас ему шел сорок первый год.

Его первая жена Сьюзи умерла одиннадцать лет назад, оставив ему несовершеннолетнюю дочь. Ларри хотел продать дом, но не мог уговорить Фрэнка, своего младшего брата. Фрэнк все хотел получить побольше денег и не соглашался со своей долей.

Пять лет назад Ларри встретился с Джулией. Эта красивая, с хорошими манерами, восхитительными каштановыми волосами и кроткими карими глазами женщина была на семь лет моложе его. Поженившись, Джулия и Ларри стали снимать квартиру в Бруклине, где Ларри представлял фирму, в которой работал. Керсти, дочь Ларри от первого брака, с первого дня невзлюбила Джулию. Когда Керсти исполнился двадцать один год, она заявила, что жить с ними больше не сможет, будет снимать комнату.

— Ты только взгляни на это! — испугалась Джулия, увидев на дне большой полукруглой клетки, подвешенной к потолку, останки какой-то птицы.

— Ничего, не волнуйся... Мы все это выкинем... Всю эту рухлясть, которая никому не нужна, — Ларри снова сделал широкий жест рукой, как бы охватывая весь дом. И повторил: — Мы это все выкинем.

— А разве половина всего имущества не принадлежит твоему брату?

— Фрэнка все равно не будет здесь. Сидит за решеткой или закончил свой путь где-нибудь в притонах Читтагонга.

Судьба не баловала Фрэнка. Он был еще совсем подростком, когда оказался в тюрьме за распространение наркотиков. И утверждать, что это оказало на него благоприятное воздействие, было бы неверно. Выйдя из тюрьмы и помыкавшись без работы, он увлекся оккультизмом. Сразу же после свадьбы Ларри и

Джулии он отправился за счастьем куда-то на Восток, где следы его затерялись.

— Знаешь, — разглядывая фигуру Христа с лампочками вокруг головы, обратился Ларри к жене, — надо бы показать Керсти этот дом, прежде чем мы начнем здесь все убирать и переделывать, — и добавил: — Ей нравится все старинное и таинственное.

— И ты серьезно намереваешься жить здесь? — скривилась Джулия. Бросив на пол сигарету, она раздавила ее черной туфелькой.

— А чем тебе здесь не нравится? Здесь же лучше, чем в Бруклине. Только не начинай снова, Джулия!..

— Что не начинай? — уже чуть гневно спросила Джулия.

— Пойми, нам будет здесь хорошо. У меня есть работа, ты снова будешь среди своих...

— Ну, хорошо, хорошо. Тогда к чему этот спор?

— А никакого спора нет, дорогая. Мы просто мило разговариваем, вот и все. — Ларри повернулся и пошел на кухню, стараясь скрыть раздражение.

О, черт! — выругался он, увидев стоявшую на газовой плите миску. Она была полна червей, которые копошились, доедая давным-давно сгнивший бифштекс.

— Ларри, Ларри, где ты? — услышал он далекий голос жены. По ветхой деревянной лестнице он побежал на второй этаж — призыв раздался оттуда.

Запыхавшийся от быстрого подъема по лестнице Ларри увидел Джулию в бывшей комнате Фрэнка. Она держала в руках фарфоровую статуэтку, изображавшую мужчину и женщину, которые сжимали друг друга в любовных объятиях.

— Что, сквотеры? — спросил Ларри. — Это Фрэнка.

— Он был здесь! — Джулия показала на недоеденный кусок хлеба.

— Там такое творится на кухне, ты не поверишь, — взглянув на ломоть хлеба на полу, сказал Ларри, — значит, здесь он скрывался от полиции.

Ларри взял фарфоровую статуэтку в руки, когда внизу раздался телефонный звонок.

— Это еще кто?

— Быстро спустившись, Ларри поднял трубку:

— Алло, я слушаю.

— Папа, это я!

— Керсти! — обрадовался Ларри.

— Да, папа, это я. Я уже звонила тебе, хотела сказать, что нашла комнату, — услыхал он голос дочери.

- Что ты сказала? Повтори — я не понял.
- Я нашла комнату, — повторила Керсти.
- Подожди... Я думал, ты поживешь с нами какое-то время.
- Папа, мы уже говорили об этом!
- Поверь мне, этот дом тебе понравится, — сказал Ларри, теребя телефонный провод.
- А тебе понравится моя комната, — парировала Керсти.
- Керсти, я действительно хочу, чтобы ты посмотрела дом. Это нечто особенное.

- Не сейчас, папа, может, через пару дней... Мне нужно еще найти работу.
- Послушай, Керсти... Зачем тебе это? Ты ведь уже сделала один шаг, стоит ли продолжать?
- Папа, пожалуйста, поверь мне — так будет лучше. Я хочу посмотреть, на что способна.

Ладно, Керсти, ты уже взрослая. Позвони мне завтра, — Ларри чувствовал, что дочери очень хочется прекратить этот разговор.

- Позвоню обязательно.
  - До встречи.
  - Пока, папа, — ответила Керсти и положила трубку.
- Поднявшись наверх, Ларри увидел, что Джуллия все еще в комнате Фрэнка, она сидела в кожаном кресле, глядя прямо перед собой.
- Это Керсти, — объяснил он Джуллии. — Ну, что ты решила по поводу дома?
  - Почему бы и нет, — ответила Джуллия, защелкивая сумку.
  - Отлично, значит, переезд в воскресенье!

- Тебе действительно понравился дом? — лежа в постели и заложив руки за голову, спросил Ларри у Джуллии.
- Я не говорила, что в восторге от него, — помедлив, ответила Джуллия, натягивая на себя одеяло, — Но в общем...
- Он, конечно, старый, но мы его подремонтируем, покрасим... Это же наш дом. Не какая-то чужая квартира, а наш собственный дом!
- Я же согласилась, к чему все эти разглагольствования?
- Хорошо, не кипятись. Надо выспаться. Завтра у нас куча дел: утрясти дела с работой, запаковать вещи, вызвать машину и грузчиков на воскресенье.

Ларри еще что-то говорил, но глаза Джуллии уже слипались. Какое-то время она еще слышала бормотание мужа. Потом все ушло, растворившись в беспредельных просторах сна.

Только спящий человек по-настоящему свободен. Во сне он встречается с душами тех, кто умер давно, даже неизмеримо давно. Еще в древнем Египте были известны различные сонники и толкователи, предсказывающие судьбу по снам. Джулии снился Фрэнк, брат Ларри. Мокрый от дождя, он пришел к ним на свадьбу с букетом желтых тюльпанов. Затем появилась пещера с останками какого-то доисторического животного с перепончатыми крыльями. И опять Фрэнк. Только на этот раз в черном дождевике и с ухмылкой на губах. Из пещеры выползло огромное липкое чудовище и поглотило его. Джулия побежала. А вот она снова дома — готовит ленч. Кто-то подходит сзади. Она оборачивается: Фрэнк в мокрой джинсовой рубашке, с сигаретой в зубах.

— Потанцуем, крошка?

Джулию разбудил звон будильника, вмонтированного в телефон. О своихочных похождениях она уже не помнила. Но что-то тяжелое осталось на сердце, что-то смутное, ускользающее от сознания.

Джулия повернулась на другой бок. Ларри уже встал и грохотал тостером где-то на кухне. «Сегодня куча дел», — вспомнила она слова Ларри. Зевнув, поднялась, накинула халат и отправилась к мужу, разгоняя последние отблески сновидений.

— Доброе утро, дорогая, — Ларри схватил закипевший чайник за черную термостойкую ручку и разлил воду по чашкам, на дне которых уже был насыпан растворимый кофе в перемешку с сахаром.

— Доброе, — ответила Джулия и опустилась на стул. — Ты сейчас куда?

— Надо бы на работу сходить, уладить формальности с переводом. Ты запакуешь вещи?

— К чему такая спешка? Почему мы должны переезжать именно в это воскресенье? — недовольно проговорила жена.

— Пойми, я хочу, как лучше, — оправдывался Ларри. — Быстрее переедем, жизнь скорее войдет в новое русло. Нам хорошо будет вдвоем в этом доме.

— А Керсти?

— Она же будет снимать комнату, — Ларри помолчал и добавил с укоризной. — Зря ты так.

— Ты же знаешь, я ничего не имею против нее...

Ларри промолчал, ставя на стол тарелку с румяными поджаренными тостами.

День выдался воистину напряженный. Пока Ларри носился по коридорам своей фирмы с документами, Джулия дома

лихорадочно складывала посуду в деревянные ящики, набитые желтой стружкой.

Придя вечером домой, Ларри застал Джулию лежащей на кровати, между пальцев у нее была зажата длинная коричневая сигарета. Вокруг, на полу и на стульях были навалены кучи белья, ящики громоздились друг на друге, как небоскребы.

— Да-а... — протянул Ларри, глядя на тугие пачки перевязанных книг.

— Затянувшись сигаретой, Джулия предложила:

— Может, не стоит брать с собой все вещи?

— Насколько я понимаю, ты считаешь — не стоит? — спокойно сказал Ларри. — Но на завтра я заказал фургон и двух рабочих, они все в него запихнут. Понимаешь — все. А если что-то не войдет, можно снова приехать.

— Ну, ладно, все — так все, — согласилась Джулия. — Надо бы мебель разобрать.

— Сейчас пообедаем, и я этим займусь. Жаль, кровать не разбирается. Не представляю, как ее будут затащивать наверх по узкой лестнице, — задумчиво сказал Ларри и добавил: — Ты еще не ела?

— Нет.

— Ну, тогда пойдем?

— Слушай, а из чего мы будем есть? Я же всю посуду упаковала...

— Значит, надо кое-что достать. Ты пока этим займись, а я пойду умоюсь после работы. Встретимся на кухне, — уже уходя, бросил он.

В этот вечер они довольно поздно легли спать и сразу же заснули, как убитые. Утром нужно было быстро позавтракать и ждать грузовик.

Фургон пришел точно в указанное на квитанции время. Ларри и Джулия все же успели перекусить до его прибытия. В кабине сидели двое — молодой рабочий, на вид лет двадцати пяти, и похожий на колобка водитель, который по совместительству оказался еще и грузчиком.

— Мистер Коттон? — заглянув в квитанцию, повернулся к Ларри водитель фургона.

— Точно.

— Лошадка доставлена по вашему вызову. Осталось только загрузить ее нутро, ведь вы переезжаете?

— Да, — еще раз подтвердил Ларри.

- Я Гарри Уоллес, а это, — водитель кивнул в сторону сидящего рядом молодого рабочего, — мой помощник Крис Патерсон.

За час с небольшим фургон был загружен вещами доверху, а еще через полтора часа тряской езды по пыльной дороге они подкатили к воротам большого старого дома, безмолвно смотревшего на мир полными бездонной черноты окнами.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Осторожней, осторожней! — повторял Ларри, наблюдая, как двое грузчиков, одетых в рабочую одежду, тащили тяжелую двухспальню кровать.

— Не обдерите стену, пожалуйста.

— Давайте заносите, хорошо, хорошо, вот так, — продолжал командовать Ларри.

— Ничего, не волнуйтесь, пройдет, — ответил ему Гарри Уоллес.

— Давайте отдохнем минут пять, — произнес Крис и поставил ножку кровати на лестницу.

— Ну, как тут у вас? — спросила у Ларри подошедшая к ним Джулия.

— Как будто бомба упала, — в тон ей ответил Ларри, поставив ногу на спинку кровати.

— Пивка не найдется? — спросил у него полноватый грузчик, доставая из кармана большой смятый платок.

— Да, есть в холодильнике. Сейчас принесу. Все равно мне нечего делать. — И Ларри пошел на кухню.

— Извините, — послышался голос на пороге.

— Надо же, мне сегодня везет, — Крис весело смотрел на юную черноволосую девушку, стоящую на пороге комнаты, среди наваленных тюков и ящиков с посудой.

— Привет, — продолжил грузчик, — хочешь купить кровать?

— Нет, — ответила она. Увидев Ларри, входящего с запотевшими банками пива в руках, она бросилась к нему:

— Папа!

Ларри бросил грузчикам по банке бельгийского пива и шагнул к дочери, раскрывая объятия.

— Керсти! Здравствуй, здравствуй, дорогая!

— Дочь Ларри была похожа на свою мать. Те же волнистые волосы, черные, как два уголька, глаза, нежная красивая улыбка. Сейчас она была немного уставшей, но на ее внешности это не отразилось.

— Проходи же, — пригласил Ларри. — Дом большой. Нравится? — не дав ей ответить, он продолжил. — Я тебя проведу по комнатам и все покажу, как только мы внесем кровать.

— А где ОНА? — спросила Керсти. Гримаса на ее лице явно относилась к Джулии.

- Наверху, — понял Ларри. — Будь с ней повежливее и поласковее. Она не будет к тебе придираться.
- Ну хорошо, — согласилась Керсти. — Приготовить тебе кофе?
- Да, спасибо, дорогая, кухня там, — и Ларри указал направо.
- Ваша дочь? — осведомился Крис у Ларри, когда Керсти скрылась за дверью.
- Да, — коротко ответил Ларри и взялся за передние ножки кровати, желая помочь рабочим.
- Похожа на свою мать, — заметил Гарри Уоллес, поднимаясь на ступеньку.
- Ее мать умерла.
- О, простите, — сожалея, что вмешался в разговор, извинился Гарри и шагнул через несколько ступенек.

Бросив несколько ложек кофе в кофейник, Керсти подошла к раковине, собираясь набрать в него воды. Кран издал булькающий звук и выдал струю ржавой жижи, пробив соединение вентиля.

- О, черт, — вырвалось у Керсти, и она поспешила в холл.
- Войдя, Керсти обратилась к отцу:
- А полотенце у вас есть?
- Что? — не сразу сообразив, переспросил Ларри.
- Полотенце есть? — повторила вопрос Керсти.
- Посмотри там, в ванне...
- Да, папа... я тебе уже говорила... я нашла комнату... не большую, но уютную, — сообщила Керсти, и, немного подумав, позвала:

- Джулия!

Ей никто не ответил, и, пожав плечами, Керсти направилась в ванную.

Так, поднимайте свой конец, — скомандовал Ларри рабочим, подхватив кровать спереди. — Толкайте, толкайте на меня. Вот так. Вот так. Хорошо, еще немного...

Ржавый гвоздь, торчащий из стены, Ларри заметил слишком поздно. Прорвав кожу, гвоздь, по-видимому, зацепил вену. Из рваной раны толчками выплескивалась темно-красная кровь.

Вскрикнув от острой боли, Ларри выпустил из рук край кровати, которая с грохотом обрушилась на ступеньки, преграждая путь вниз. Зажав рану здоровой рукой, он устремился наверх, надеясь найти помошь у Джулии.

Джулия была в комнате Фрэнка, отрешенная от всего, она сидела в старом кресле и перебирала фотографии. На них были только она и Фрэнк — в постели, в разных позах и положениях. Еще в первый свой приезд сюда она нашла их в маленькой тумбочке возле торшера.

Нахлынувшие воспоминания туманили голову. Память об этих прекрасных мгновениях Джулия не променяла бы ни на какие деньги.

— Фрэнк, Фрэнк... где ты? — с головой погруженная в поток сладостных воспоминаний, она судорожно прижимала фотографии к груди, откинувшись на спинку кресла.

Память. В ней откладываются, до мельчайших подробностей, все события жизни. Время от времени она дает о себе знать, охватывая все сознание, погружая его все глубже и глубже в бездну воспоминаний и заставляя сердце замирать от заново переживаемых ощущений. Как живут люди, потерявшие память по не зависящим от них обстоятельствам? Кем была бы она, Джулия, потеряв память? Ведь последние несколько лет она жила только благодаря ей.

События накладывались одно на другое: они превращали воспоминания в калейдоскоп ярких картинок, с бешеною скоростью вращавшихся в сознании и делавших жизнь невыносимой.

Вот и сейчас они всплыли перед мысленным взором Джулии с небывалой четкостью, захватывая ее разум.

— Можно войти? — услышала она голос за дверью, — Войти можно?

Дверь открылась, и на пороге появился красивый, слегка небритый молодой человек с крепкой спортивной фигурой.

— Ты ведь Джулия, да? — спросил он, улыбаясь в усы.

— Да, а кто ты? — поинтересовалась Джулия, поправляя подвенечное платье.

— Я Фрэнк, — ответил он, все еще улыбаясь, — я брат Ларри.

— О да, конечно, — обрадовалась Джулия.

— Я пришел на свадьбу. Так могу я войти или нет?

— Простите, — смутилась Джулия, — конечно, входите! — и добавила, когда Фрэнк вошел, — Мы очень рады вас видеть!

— Приятно слышать, — удовлетворенно сказал Фрэнк, подсаживаясь к Джулии на кровать и доставая бутылку вина.

— Выпьем? — спросил он, наполнив два высоких бокала, — За семейное счастье...

— Да, я счастлива, — попыталась улыбнуться Джулия.

— Не сомневаюсь.

Выпив, они посидели молча.

— Ты позволишь поцеловать невесту? — спросил Фрэнк, проводя пальцем по щеке Джулии и наклоняясь к ней.

Ощущив его поцелуй, Джулия замерла с приоткрытым ртом. Изрядно выпив в тот вечер, она уже плохо контролировала свои действия. Все это больше походило на сладкий сон.

— А как же Ларри? — опомнилась она, когда Фрэнк раскрыл ее грудь.

— Забудь его, — целуя грудь, проговорил Фрэнк, и эти слова,казалось, усыпили ее бдительность.

Трясины трепетных грез и желаний затягивала Джулию все глубже и глубже. Она застонала, почувствовав приближение взаимного оргазма, и это ощущение еще больше сблизило ее с Фрэнком. Она рывками догоняла его, как бегун своего соперника... и тут разразилась гроза. Внутри каждого из них, в центре их тел. Джулия закричала, потому что ей захотелось кричать: ее лицо было искажено гримасой страдания: дрожь, страх, слезы — все эти неотъемлемые элементы глубокой страсти смешались в ней.

— Все, Фрэнк, достаточно, — прохрипела она.

— Никогда не бывает достаточно, — ответил Фрэнк.

— Прошу тебя... Я сделаю все, что ты захочешь. Все! — повторила она, утопая в объятиях Фрэнка.

Из воспоминаний Джулию вывел скрип резко открывшейся двери. В комнату вошел Ларри. На его лице застыла гримаса боли. Он был весь в крови, из зажатой раны по руке текла кровь, капая на пол и протекая в щели между досками.

— Вот, посмотри, пожалуйста, — показывая на свою руку, произнес Ларри, не разжимая плотно стиснутых зубов.

— Глубоко? — забеспокоилась Джулия.

— Не разглядел. Ты ведь знаешь, я не выношу крови... Могу упасть в обморок...

— Не упадешь, если возьмешь себя в руки, — попыталась успокоить его Джулия.

— Черт, сколько крови уже вытекло!

— Дай-ка я взгляну, — Джулия убрала его руку от раны, кровь пошла сильнее. Она часто закапала на пол, заливая пол.

Рана была довольно большая, с рваными краями. Получше рассмотреть ее Джулия не могла — кровь прибывала с каждым ударом сердца.

— Черт, придется накладывать швы.

— Меня тошнит, — прохрипел Ларри, покрываясь белыми пятнами.

— Ничего, ты успокойся, успокойся, — Джулия погладила Ларри по плечу. — Все будет хорошо. Зажми Руку. Сейчас мы ее чем-нибудь перевяжем.

Ларри послушно зажал рану и, опираясь на Джулию, стал спускаться вниз.

Грузчики догадались убрать с лестницы кровать и теперь в нерешительности мялись, стоя возле холодного камина.

— Сейчас поедем в больницу, — помогая Ларри преодолевать ступеньки, сказала Джулия.

— Что-нибудь случилось? — Керсти выбежала из ванной и бросилась к отцу.

— Несчастный случай. Все будет в порядке, — по-прежнему помогая Ларри спускаться, ответила Джулия. — Ты поведешь машину. Ему нужно будет наложить швы.

— Конечно-конечно!

— Ключи на кухне, — бросила Джулия вдогонку уже убегавшей Керсти. — А я пока чем-нибудь забинтую ему рану. Дьявол! Все бинты где-то в коробках. Как глупо...

Ворвавшись на кухню, Керсти окинула ее взглядом, ища что-нибудь, хотя бы отдаленно напоминающее ключи.

«Папе плохо, а ты...», — ругала она себя, топчась на месте. Керсти случайно зацепила плечом кастрюлю, стоявшую на холодильнике, та с грохотом упала на линолеумный пол. В стену над холодильником был привинчен пластмассовый крючок, на котором мирно висели ключи от машины.

Сорвав их с крючка, Керсти бросилась обратно в холл.

В холле никого не было. Джулия и бледный Ларри ждали ее в машине.

— Долго же ты возишься! — упрекнула девушку Джулия.

Керсти обиделась, но выяснить отношения было не время, поэтому она молча села за руль, громко хлопнув дверцей. Она старалась вспомнить, где находится больница, но абсолютно ничего не приходило на ум. С той поры, когда они жили здесь, прошло уже более десяти лет. Да и что могла знать девочка, даже еще не ставшая подростком. Керсти помнила, как однажды Сьюзи, ее мать, вывихнула лодыжку, и Ларри ее куда-то возил. Но это было так давно...

— Куда ехать-то? — обернувшись, спросила Керсти. И тут же, обрадовавшись внезапно пришедшей мысли, она опустила боковое стекло и крикнула растерянно стоявшим на крыльце рабочим:

— Где здесь поблизости есть больница? Мне кажется, вы знаете, — она взглянула на Криса.

Крис действительно раньше работал на ферме недалеко отсюда — косил сено для скота. «Откуда ей известно об этом? — растерявшись, подумал он. — Я же мог не знать, где находится больница. Впрочем, в момент опасности у человека бывают прозрения». И он начал сбивчиво объяснять.

— Садись! — прервала его Керсти, открывая дверцу автомобиля.

Быстро перебежав через двор, парень занял переднее сиденье рядом с водителем.

— Прямо! — скомандовал он. — Там до светофора, и налево.

— Ясно, поехали.

Керсти включила зажигание и вывела машину на дорогу.

Мимо мелькали одинокие строения и яркие вывески магазинов, оповещающие, что у них есть «Все для вас». Уже через пятнадцать минут Керсти остановила машину у выкрашенного в белый цвет корпуса больницы. Ларри было совсем плохо — и не столько от того, что болела рана, сколько от вида крови. Он сидел с лицом, позеленевшим пятнами и еле удерживал себя от обморока. Джулия, пока они ехали, успели перетянуть ему руку выше локтя жгутом из автомобильной аптечки, и кровотечение значительно уменьшилось.

Керсти и Джулия помогли Ларри выбраться из машины и дойти до стеклянных дверей, ведущих в приемный покой.

В комнате Фрэнка деревянный пол медленно и неустанно поглощал в себя темные лужи крови. Алые ручейки прокладывали себе путь в щели между половицами. Когда крови уже почти не осталось, лишь бурые пятна на полу напоминали о том, что здесь недавно разыгралась драма, половицы пришли в движение, равномерно вздрагивая в такт ударам человеческого сердца. Словно под чьим-то сильным напором снизу, они трещали, вырываясь из плотно выложенного настила. Гвозди, скрепляющие доски пола, все дальше и дальше выходили из своих пазов, поднимаясь шляпками вверх дюйм за дюймом. Еще напор — и одна из половиц с тягучим скрипом отлетела в сторону.

В комнате стало холодно и сырьо, как в могиле. Из открывшейся дыры высунулись и опустились на пол кости человеческой руки со следами мышц и сухожилий, покрытых слизью, кусками падавшей на пол и тянувшейся за костями. Половицы снова протяжно заскрипели, и вторая доска выскочила, роняя гвозди. Из открывшегося проема показалась... вторая рука. Кости, казалось, напряглись, вытягивая из-под перекрытия туловище. Голова, издав шлепок, безвольно упала в лужу гнили и, полежав мгновение, поднялась, потянув за собой нити слизи. Из кульяпок ладоней стали почковаться пальцы. Еще одно усилие — и из-под досок пола в комнату выползло все существо, оповещая о себе нечеловеческим воплем и распространяя вокруг отвратительный смрад.

— Так, что у нас здесь? — промывая рану слабым раствором марганцовки, сказал маленький лысоватый хирург.

Джулия, Керсти и Крис сидели в ожидании на кушетке, молчаливые, с встревоженными лицами.

Ларри морщился, когда тупой конец промывочного шприца касался раны.

— Ну, ну, — успокаивал его доктор. — Все идет нормально.

Придя в себя после инъекции анестезола, Ларри выглядел розовым и полным сил.

— Когда вам в последний раз делали прививку от столбняка?
— осведомился хирург.

— В этом году, — соврал Ларри. Он, как ребенок, боялся уколов и старался их избегать.

— А то, знаете, дело нешуточное, — понял его хитрость врач.

— Ну, может, мы не совсем... — попытался выйти из положения Ларри.

— Вот и хорошо! Минута — и все будет готово, обрадовался хирург, бросаясь к стойке готовить раствор.

«Боже мой», — подумал Ларри, покрываясь потом. Но через двадцать минут все было позади, и он, размахивая здоровой рукой, шагал вместе со всей своей свитой к машине, ожидавшей их на стоянке.

Уже подъехав к дому, они увидели, что оставшийся в одиночестве грузчик сидел на ступеньках крыльца и дымил своей ужасно вонявшей сигаретой.

— Вот и вы! — поднялся он им навстречу. — Все закончилось благополучно?

— Вполне, — отозвался Ларри, показав свою забинтованную руку, висящую на марлевой петле. — Будет как новая, даже еще лучше.

— Ну и хорошо, а то я уже начал волноваться, — Гарри Уоллес посмотрел на ящики с кухонными принадлежностями. — Вносить?

— А что, если сначала мы выпьем пива, мистер...

— Просто Гарри, — сказал Уоллес.

— Ну вот, Гарри, сейчас мы двигаем на кухню и открываем по баночке холодненького пивка. Как вы все на это смотрите? — Ларри обернулся к стоявшим рядом Джулли, Керсти и Крису.

Предложение Ларри было принято единогласно, шумной гурьбой все вошли в дом, в холле которого сиротливо стояла тяжелая двуспальная кровать.

— Ты мне обещал все показать, — обратилась Керсти к отцу, когда кровать, с Божьей помощью, затащили наверх.

— Да, конечно, дорогая, — согласился Ларри, — Тебе понравится. Холл ты уже видела, так что пойдем наверх.

— Па, да я не успела ничего увидеть, — возразила Керсти, — только я вошла и...

— Ну, тогда начинай с холла — здесь, внизу.

Керсти подошла к серванту и стала рассматривать безделушки, стоящие на его полках, потом ее заинтересовали развешанные по стенам ритуальные маски.

— А когда мы жили здесь, всего этого не было, так ведь?

— Да, дорогая, — сказал Ларри, стоящий рядом. — Все это сюда Фрэнк натащил. Он в последние дни своего пребывания здесь просто свихнулся на старине. Знаешь, я бы все это выкинул, Джулии по ночам снятся кошмары — и я не удивляюсь, от всего этого хлама можно просто с ума сойти.

— Что, если я возьму себе какую-нибудь вещицу?

— Конечно, Керсти, забирай все, что захочешь. А кстати, если не секрет, что тебе здесь приглянулось?

— Да много чего, па. Вот эта рыба, например.

— Хорошо, хорошо. Только прошу тебя: вещи, которые тебе понравились, забирай сразу же, чтобы они не попали в хлам, который мы будем выбрасывать. Сама ведь знаешь, с этими переездами столько хлопот, что уследить за каждой мелочью просто невозможно.

— О черт, — взглянула на часы Керсти. — Мне надо бежать. Сегодня уже не получится.

— Но послушай, куда ты спешишь? — огорчился Ларри. — Я думал, ты пообедаешь с нами.

— Я должна встретиться насчет работы, помнишь, я говорила тебе по телефону?

— И что это будет за работа?

— Продавцом в зоомагазине.

— Ну, смотри. Я бы...

Керсти чмокнула Ларри в щеку.

— Не расстраивайся, па! Это хорошая работа. Я позвоню, как только дела утрясутся. Постарайся не выбросить все вещи. А чучело я все-таки сейчас возьму, ладно?

— Ладно, — кивнул ей, сразу сникнув, Ларри. — Как знаешь. Пока...

Пока, папа. До скорого! — бросила она остальным, сбегая с крыльца и устремляясь на улицу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Сразу после ленча в холле зазвонил телефон. Ларри сунул ноги в тапочки и зашаркал по паркету гостиной.

Гостиная была единственной комнатой, которую успели привести в относительный порядок. Здесь была расставлена мебель, которую Ларри и Джулия привезли с собой из Бруклина. В центре гостиной красовался большой стол на резной ножке, а у стены стоял гарнитур из орехового дерева, на одной из полок которого пристроился новый цветной телевизор. Старое убранство, по большей части, оказалось в руках старьевщика.

Из мелочей оккультного назначения, украшавших до их переезда гостиную, Джулия оставила лишь большой, идеально отполированный хрустальный шар на позолоченной подставке, сделанной в виде двух человеческих ладоней. Джулия нашла его забавным. Говорят, точно такой же шар был обнаружен в каком-то древнем захоронении, вместе с золотыми колдовскими амулетами и драгоценными камнями.

Остальные вещи были свалены в холле и ожидали прихода Керсти.

Ларри откашлялся и снял с висевшего на стене телефона трубку, которую с аппаратом связывал провод, свернутый в спираль.

- Слушаю вас.
- Па, это я!
- Здравствуй, Керсти. Ну, как ты?
- Все хорошо. А вы... расставили все по местам?
- Куда там... Только в гостиной. Завтра надо будет в спальне убраться.
- А как рука? — заволновалась Керсти.
- Почти прошла, — Ларри немного приврал, так как рука в данный момент сильно болела.
- Ну, хорошо. Вещи Фрэнка не выкинул?
- Нет, конечно. Тебя дожидаются. Как с работой?
- Все о'кей. Пройду медосмотр — и можно будет приступать.
- Может, зайдешь?
- Я вообще-то поэтому и звоню. Завтра утром я буду проезжать мимо. Заскочу ненадолго. Заодно чучело возьму. Ты будешь дома?

- Да, до двенадцати.
- Отлично. А что вы решили насчет новоселья?
- Я думаю... послезавтра можно было бы собраться и отметить...
- Прекрасно. Ну, ладно, па. До завтра.
- Пока.

Повесив трубку, Ларри немного постоял в холле, рассматривая маску, изображающую нечто вроде людоеда, держащего в руках фигурки людей, а затем пошел обратно, в гостиную. Там, свернувшись калачиком на диване, с книжкой в руках лежала Джулия.

— Керсти звонила, — сообщил Ларри, подходя к дивану.

На миг оторвавшись от книги, Джулия отрешенно взглянула в его сторону и снова углубилась в чтение.

Только к вечеру следующего дня Ларри и Джулия навели лоск в спальне. На другие комнаты уже не хватало времени. Чтобы развеяться и отдохнуть среди друзей, они решили не откладывать вечеринку и собрать гостей в ранее намеченное время.

Ларри пригласил сослуживцев. Некоторых он не видел со времени своего переезда в Бруклин, все эти годы поддерживая отношения посредством поздравительных открыток к Рождеству и ко дню рождения.

Рука Ларри потихоньку заживала, лишь время от времени давая о себе знать тупой ноющей болью в запястье. Сидя за столом, окруженный друзьями, Ларри, уже навеселе, рассказывал о проишествии, но с явной поправкой на время. Людям свойственно рассуждать о своих болезнях, особенно когда все уже в прошлом.

— Нет-нет, — разглагольствовал Ларри, обращаясь к уже седеющему Биллу Бастквиллу, своему старому товарищу по колледжу, демонстрируя ему перевязанную руку. — Я не шучу. Этот доктор копался в моей руке с деликатностью Йозефа Менгеле. Я думал, что упаду в обморок, а он стоит с таким видом, будто это ему, а не мне нужна помощь.

— О, Господи, — воскликнула сидевшая напротив Дороти Мэрфи, полнеющая жена начальника отдела.

— Ох уж эти доктора, — протянул Пол Уоллес, сидевший слева от Ларри, и налил себе в бумажный стаканчик очередную порцию джина.

— Стиви, минутку! — обратился Ларри к сидевшему на табурете рядом с Керсти юноше в джинсовом костюме, увидев,

что тот поднял свой стакан. — Давайте выпьем все вместе. За успех!

Сын Дороти и Коула Мэрфи, Стив рос порядочным человеком. Ему уже исполнилось двадцать три, он заканчивал курсы зубных техников при медицинском колледже и писал грустные рассказы о зыбкости бытия. Керсти и Стив сразу подружились, чем вызвали улыбки своих родителей.

— А что сегодня пьет моя дорогая? Не помню, — сказал Ларри Джулии, пытаясь налить ей шотландского виски. — О, извини, дорогая, — пробормотал он, видя, что Джулия накрыла свой стаканчик ладонью. Она объяснила:

- Спасибо, а то я не встану.
- Тогда ложись, — отпустил пьяную шутку Ларри.
- Джулия, вы прекрасно готовите, — восхищенно сказала Дороти Мэрфи, поддавая на вилку шницель по-африкански.

— Один из источников наслаждения пищей — это когда не знаешь, из чего она приготовлена, — явно невпопад, заплетающимся языком прокомментировал Пол Уоллес.

— Простите, я что-то не понимаю, — перебил его Коул. — Вы хотите сказать, что наша хозяйка, мисс Коттон, приготовила для всех нас угощение из плохих продуктов?

— Я этого не хотел сказать! — попытался объяснить Пол и явно потерял нить разговора.

— Нет-нет, мне хватит! — отодвинула от себя бокал, уже изрядно захмелевшая, Керсти — в ответ на предложение выпить еще.

Керсти сегодня была просто великолепна. В белой кружевной блузке и такой же юбке. На груди сверкало искусно выполненное колье с голубыми камешками — подарок отца к совершеннолетию. Волосы заплетены в аккуратную косичку, начинающуюся от затылка и с белым бантом на конце.

Посидев еще немного, Джулия встала и обратилась к гостям:

- Вы извините меня, если я вас покину и немного полежу.
- С тобой все в порядке? — спросил Ларри.
- Да, дорогой — ответила она, поправив складку на своей красно-белой кофточке.

Джулия еще раз извинилась и вышла.

— Я думаю, нам всем пора собираться, — поднялся Бастквилл.

— К чему торопиться, Билл, — запротестовал Ларри, — Такой хороший вечер. Мы только что въехали, сам понимаешь, сколько всяких забот с новосельем связано. Посидите еще пожалуйста!

Ларри попытался усадить Билла на стул.

— Нет, нам действительно уже пора ехать. — Билл тронул за плечо свою жену.

— Да, все верно, Ларри, нам пора. — сказала она,

- Приезжайте к нам, будем рады.
- Басткиллы удалились.
- Все еще болит? — забеспокоилась Керсти, видя, как отец после рукопожатия схватился за забинтованную руку.
- Нет-нет, только когда я пью, — весело ответил Ларри, поднимая бумажный стаканчик. Все последовали его примеру, подкладывая в тарелки салат и вареный картофель.

Джулия поднялась на второй этаж и, немного помедлив, открыла дверь в комнату Фрэнка.

- О, Господи! — воскликнула она, увидев в центре комнаты с писком копошащихся трех здоровенных крыс, и вошла, плотно притворив за собой дверь.

Крысы, почувствовав ее шаги, скрылись в темных углах комнаты.

Джулия успела сделать только один шаг, направляясь к креслу, когда на затянутую в прозрачный капрон щиколотку опустилась мужская рука, и нога оказалась крепко зажатой. Джулия вскрикнула, ее сердце бешено забилось.

- Джулия...

Голос, который она услышала, кого-то ей очень напоминал. Она резко повернулась и посмотрела в ту сторону. То, что она увидела, заставило ее отшатнуться и закрыть лицо руками. Едва шевелящимися губами она тихо произнесла:

- О, Господи...

Она увидела человека, вернее то, что от него осталось после того, как над ним поработали черви. Глазные яблоки пялились на Джулию, вываливаясь из глазниц, нос был полуразрушен, все его тело, если это можно было назвать телом, покрывала тошнотворная желто-зеленая слизь. Беззубый рот хрюпlo произнес:

- Не смотри на меня.

Кости его руки еще крепче сжали ее ногу.

- Кто ты? — еле выдавила из себя Джулия, холдея от страха.

- Я сказал — не смотри на меня! — рука сжала ее ногу так, что даже сквозь капрон было видно, что та посинела.

Джулия еле смогла повернуть голову на занемевшей шее и заставила себя смотреть на одиноко торчащий в углу сломанный торшер.

- Помоги мне! — голос эхом отозвался в ее мозгу, рассыпавшись на тысячу осколков.

- Скажи мне — кто ты? — повторила она, боясь услышать ответ.

- Фрэнк.

Джулия вскрикнула, прикусив руку, и прошептала:

- Нет, нет! — что-то оборвалось в ее груди.

— Поверь мне, это я — с его скулы скатилась капля слизи, протянувшись нитью до пола. — Это правда — я. Его кровь на полу... Она вернула меня.

— Вернула, — еле выговаривая слова, повторила Джулия. — Откуда?

— Помоги... Прошу тебя... Помоги мне... Я потом тебе все расскажу...

Рука, тисками сжимающая ногу Джулии, затряслась.

Керсти к этому времени уже порядочно напилась. Она вышла из гостиной и, крепко держась за перила лестницы и стараясь не упасть, стала подниматься наверх, улыбаясь своим мыслям.

Поднявшись до половины лестничного пролета, она остановилась, задумалась, нахмурив брови, потом с большими предосторожностями спустилась, и направилась в ванную.

Из гостиной до ее слуха доносились смех и громкие восклицания гостей, которые весело отмечали переезд ее отца в «старое родовое гнездо».

Услышав шаги Керсти на лестнице, чудовище ослабило захват, но видя, что за дверью все спокойно, снова вцепилось в ногу Джулии.

— Не оставляй меня так... Не оставляй...

— Что я должна сделать? — содрогнулась Джулия.

— Кровь... — донесся до нее хриплый шепот того, что некогда было человеком. — Кровь вернула меня... Мне нужно еще... Ты... должна меня вылечить...

Джулия попыталась что-то сказать, но ее остановили:

— Помнишь вот это? — чудовище, назвавшееся Фрэнком, покрутило перед лицом Джулии «этим», держа его за золотую цепочку двумя отростками, заменявшими ему пальцы.

На Джулию нахлынули воспоминания, своей яркостью взорвавшие сознание. Помнила ли она «это»? Как она могла забыть?

Фрэнк соскользнул на бок, так и не разъединившись с ней, в ожидании, когда утихнет восхитительная буря. Джулия вытянулась во весь рост в опьяняющем оцепенении. Затем повернулась и достала из стола коробочку. В ней оказался восхитительной работы мужской кулон, в виде льва, заглатывающего свой хвост, на толстой золотой цепочке. Это был свадебный подарок для Ларри. Задумчиво посмотрев на него, Джулия приподнялась, облокотившись на руку, и так же

раскачивая на кончиках пальцев с ярко-красными накрашенными ногтями цепочку, протянула ее Фрэнку.

— Это тебе...

Очнувшись от нахлынувших грез, Джулия еще раз взглянула на кулон и тихо промолвила:

— Фрэнк...

— Ты сделаешь? — спросило то, что было когда-то Фрэнком.

Глаза Джулии наполнились слезами, грудь задрожала в беззвучном рыдании.

— С тобой все в порядке, Керсти? — спросил Стив, вызвавшийся проводить ее до квартиры, где она снимала комнату.

— Да, я в порядке, только в голове шумит, — Керсти прижала ладони к вискам.

— А почему ты не осталась в доме у Ларри? — взял ее под руку, осведомился Стив. — Насколько я представляю, место тебе там нашли бы.

— Места-то там много, но там есть Джулия...

— А-а, понятно, — протянул Стив.

Какое-то время они шли молча, прислушиваясь к шуршанию опавшей листвы под ногами. Осень в этом году выдалась сравнительно ранней, поэтому быстро темнело.

— Интересно, что ты имеешь против нее, — задумчиво проговорил Стив. — Она такая вежливая...

— Не знаю, — отозвалась Керсти, немного поколебавшись. — Она какая-то дерганая... фригидная.

— А мы не фригидные? — Стив обнял ее за плечи.

— Конечно, нет.

— Нет? — насмешливо переспросил Стив. — Совсем нет? А я слышал иное.

Он набросил на нее свою кожаную куртку, почувствовав, что девушка мерзнет.

— Значит, ты не с теми людьми говорил, — засмеялась Керсти, оборачивая все в шутку.

— Они замолчали.

— Ты любишь читать? — подал голос Стив.

— Люблю, — почему-то грустно ответила Керсти, — Про любовь.

— А как тебе Эдгар По?

— Так себе. Я его не понимаю. Помнишь, в школе учили «Ворона»? — почему-то развеселилась Керсти. — Я просто тряслась от его строк, — и Керсти, сделав загадочную физиономию, начала декламировать:

«Шелковый тревожный шорох в пурпурных портьерах, шторах Полонил, наполнил смутным ужасом меня всего, и чтоб сердцу легче стало, встав я повторил устало: «Это гость лишь запоздалый у порога моего. Гость какой-то запоздалый у порога моего. Гость — и больше ничего».

— Почитай еще что-нибудь! Здорово у тебя получается, — подбодрил ее Стив.

— Это я так... — замялась Керсти. — Я больше и не помню ничего. Лучше ты расскажи мне что-нибудь, ты ведь, кажется, сочиняешь. Это правда?

— Да так, ерунда это, больше от нечего делать.

— Да ладно тебе, — возразила Керсти. — Нам с тобой все равно еще порядочно шагать, а автобусы не ходят.

— Давай остановим такси.

— А ты этого хочешь?

— Я... нет.

— Ну, тогда рассказывай — и Керсти теснее прижалась к Стиву.

— Хорошо, что же тебе рассказать?

Подумав, Стив начал:

«Вонг-Хон снова подошел к большому прямоугольному зеркалу в резной оправе и дотронулся до его холодной поверхности. Отражение повторило действие, и пальцы, казалось, соприкоснулись. Не отнимая руки, он приложил ухо к зеркалу, немного постоял, и отошел в противоположный угол комнаты, ближе к окну. Там стоял низкий столик ручной работы, изготовленный древними китайскими мастерами. Ножка стола была искусно вырезана из цельного куска дерева и изображала двух драконов, соприкасающихся животами и держащими в зубах солнечный диск.

Вонг-Хон издали еще раз взглянул в зеркало и опустился в удобное плетеное, стоявшее около столика.

Этот тридцатипятилетний китаец, видимо, давно обосновался в Гонконге. Он жил в островной части города Вэнчай: от материковой — Каулуна она отделялась узким проливом, который можно было преодолеть запять минут.

Два года назад большая квартира на побережье, в которой он жил, опустела. Не прожив вместе и года, он и его жена Джо-Эн решили разойтись. Джо-Эн не устраивала страсть мужа к разного рода диковинкам, собранным со всех частей света, его неуемное увлечение алхимией, тяга к приготовлению различных составов, по рецептам, вычитанным в древних манускриптах.

И действительно, стены его квартиры были сплошь увешаны ритуальными масками, оскаленными черепами, кабалистическими амулетами и фигурами. А по вечерам из вытяжки над его лабораторией поднимались ядовитые струйки испарений ртути.

Вонг-Хон был очень замкнут и необщителен, все свободное время просиживал за лабораторным столом, изучая загадки земли.

В последнее время ему стали сниться навязчивые сны: будто он подходит к зеркалу, протягивает к нему руку, и она, не встречая препяды, проходит сквозь стекло. Он просыпался от ужаса, веря в реальность снов. Ему казалось, что сон и явь поменялись местами. Он вспомнил высказывания гречанки Маседонии, которая любила повторять:

- Единственная подлинная реальность — это сон и воображение. Мир, бытие, реальность — это все сновидения наяву. Все существующее — сон, все, что не сон, — не существует. Действительность реальна только тогда, когда она — сновидение.

Откинувшись на спинку плетеного кресла, Вонг-Хон в задумчивости тер виски. Вот уже с неделю, как ему стало казаться, что он слышит доносиившиеся из глубины зеркала неясные звуки, напоминающие отдаленное бряцание оружием. И он не мог понять их причину. Вонг-Хон боялся сойти с ума, не давая воли своим взвинченным нервам.

В который раз сегодня он подошел к зеркалу и хотел было снова приложитьсь к нему ухом, но заметил в его глубине тонкую полоску непонятного цвета. Отшатнувшись он увидел, что полоска извиваясь, как угорь, подплыла к краю зеркала и исчезла за резной рамой. В течение дня Вонг-Хон несколько раз замечал эту полоску, плавающую в глубине зеркала.

Ночью во сне его опять мучили кошмары, в которых ему особенно запомнилась безобразная рыба, вылезающая из зеркала. Раздувая жабры, она хватала Вонг-Хона холодными липкими плавниками. Проснувшись утром весь в поту, он обнаружил у себя на груди прилипшую пластину рыбьей чешуи. Только приняв освежающий душ, он пришел в себя и смог выстроить свои догадки в какую-то логическую цепь рассуждений. Этой ночью он решил экспериментально подтвердить правильность своей теории, согласно которой предмет имеет форму и облик, до тех пор, пока мы уверены, что эти форма и облик соответствуют данному предмету.

Наспех съев пару бутербродов и выпив чашку кофе, он надел легкий полотняный костюм, взял соломенную шляпу, и вышел на улицу, отправляясь к парому, чтобы переправиться на материк.

На набережной Каулунга было оживленно. Торговцы из разных частей света громко кричали, расхваливая свой товар. Повсюду сновали рикши, уступая дорогу редкому автомобилю, в котором обычно сидел, развалившись, холеный джентльмен, несмотря на жару, в котелке и галстуке, с сигарой в зубах.

Растолкав ринувшуюся на подошедший к причалу паром толпу, направлявшуюся на Вэнчай, Вонг-Хон быстро зашагал вдоль торговых рядов. Ему были нужны простые восковые свечи».

Раскуривая сигарету, Стив замолчал и, взглянув на внимательно слушавшую его рассказ Керсти, продолжил:

«Поздно вечером Вонг-Хон начал приготовления, время от времени прислушиваясь к звукам, исходящим из недр зеркала, и поглядывая на тонкую полоску, изредка пронзающую его гладь.

Прямо против большого зеркала Вонг-Хон установил точно такое же, прикрепив к его раме подсвечники с вставленными в них свечами. Отойдя вглубь комнаты, он критически осмотрел свою конструкцию и остался доволен. Облачившись в белую одежду и повесив на грудь медальон с изображением Соломона, сделанный из чистого золота, он дождался, когда стрелка на часах подойдет к цифре одиннадцать, приблизился к зеркалу и написал на нем сверху буквы «JHS», под ними поставив маленький крестик. Затем Вонг-Хон, подошел к алтарю, и зажег на нем листы алоэ и две свечи. Зеркала отражались друг в друге, образуя бесконечный коридор, освещенный по стенкам вереницей зажженных свечей. Взял в одну руку шпагу с богато украшенным эфесом, в другую — склянку со святой водой и, встав между двух зеркал, он произнес:

Повелитель мертвых, пусть прикажет тебе Владыка через живого и посвященного змея! Херуб, пусть прикажет тебе Владыка через Адама — Иотхавах! — с этими словами он простер руки к небу. — Блуждающий Орел, пусть прикажет тебе Владыка через Вестника и Льва! Михаель, Габриэль, Рафаель, Анаэль! Ангел с мертвыми глазами, повинуйся или исчезни вместе со святой водой.

После этих слов Вонг-Хон плеснул святой водой из склянки на четыре стороны света и продолжил:

— Крылатый Телец, работай или возвращайся к Земле, если не хочешь, чтобы я проколол тебя шпагой, — и он острием шпаги начертил в воздухе букву «Z», — Орел, прикованный цепью, повинуйся этому знаку или удались от этого дуновения, — с этими словами он дотронулся рукой до золотого знака Соломона.

— Ползущий Змей, скользи у моих ног или терзайся от священного огня и улетучивайся вместе с благовониями, которые я сжигаю. Вода, возвращайся к воде! Огонь, гори! Воздух, растекайся! Да упадет земля на землю силой Пентаграммы, которая есть утренняя звезда, и во имя тетраграммы, которая написана в центре креста света. Аминь.

Когда затихло последнее слово заклинания, по зеркалу прошла рябь и его поверхность исчезла, оставив вместо себя сизую дымку.

Вонг-Хон поставил на алтарь склянку, которую держал все это время в руке, и, крепче сжав шпагу, шагнул в неизвестность.

В глубине туннеля слышался звон оружия. Озираясь по сторонам, Вонг-Хон медленно двигался по полутемному коридору на звук металла. Вдруг, выскочив из стены, мимо промелькнуло довольно крупное существо серебристого цвета, похожее на рыбу с двумя головами. Глаза его были навыкате, губы отвислые. Оно было покрыто пятигранной чешуей и источало запах застоявшейся воды. От неожиданности Вонг-Хон отшатнулся и чуть не упал, с содроганием сердца признав в существе Рыбу из своего кошмара, только чуть подросшую. Взглянув под ноги, пытаясь рассмотреть, обо что он споткнулся, Вонг-Хон увидел лежащий на каменном полу скелет. На черепе, слипшиеся в грязные пряди, еще сохранились остатки белокурых волос, вместо ног был рыбий хвост. Утерев рукавом выступившие на лбу капельки пота, со шпагой наизготовку, Вонг-Хон двинулся вперед, оставляя за спиной вход в туннель.

В это время проем в резной раме зеркала вновь покрылся рябью, пространство преобразилось: с матовой до обыкновенной зеркальной глади. А Вонг-Хон все шел вперед, не оборачиваясь, изредка вздрагивая, он пронзил воздух острием клинка, когда Рыба проносилась слишком близко».

Раскурив потухшую сигарету, Стив продолжал:

«Опять он не убрал за собой, — проворчала старая вьетнамка, которая приходила убираться к Вонг-Хону по утрам. — Зеркало зачем-то из гостиной притащил, а сам куда-то ушел из дома. Вот и свечи совсем оплавились, еще пожар будет», — и она затушила последнюю догоравшую свечу.

— Надо бы успеть навести порядок до его прихода, — с этими словами она взялась за тяжелую раму и повернула зеркало.

Все еще сохранявший до этого свои округлые очертания, полутемный туннель сомкнул свои стены — откуда-то из глубины послышался приглушенный крик.

Вздрогнув, вьетнамка чуть не выронила от неожиданности зеркало, подумала про себя: «Совсем старая стала, слышится всякое», — и потащила зеркало в гостиную, по-старчески тяжело передвигая ноги.

Стив выдержал паузу перед эпилогом и закончил:

«В эпоху Желтого Императора мир зазеркалья и мир людей не были разобщены. Они сильно отличались, не совпадали ни их обитатели, ни их формы, ни запахи, ни цвета. Оба царства,

зазеркалье и мир людей, жили в согласии, а через зеркала можно было входить и выходить.

Однажды, грозовой ночью, народ зазеркалья хлынул потоком на землю, сила его была очень велики, так как вместе с ним поднялись и все водяные твари, чтобы соединить водную стихию с царством зеркал и вернуть все в первоначальное состояние, когда землю покрывала единая толща океана. В ходе кровопролитной битвы на людей из туч сыпались водяные воины с острыми мечами — и не было им числа.

Желтый Император обратился со своими молитвами к Солнцу — и его лучи поглотили водяное воинство, а те, кто остались в живых, были заточены в зеркала, и им было приказано повторять, как в неком сне, все действия людей. Желтый Император лишил их силы и облика и низвел до рабского положения. Но наступит час, и они пробудятся от этой колдовской летаргии.

Первой проснется Рыба. В глубине зеркала появится тонкая полоска, и цвет ее будет не похож ни на какой иной цвет. Затем, одна за другой, пробудятся остальные формы. Постепенно они станут отличными от нас и перестанут нам подражать. Они разобьют стеклянные и металлические преграды, и на сей раз их не удастся победить...»

— Это был миф об эпохе царствования династии Желтого Императора, — завершил Стив свой рассказ, посмотрев на задумавшуюся Керсти.

— Скажи, ты сам все это придумал? — спросила она.

— Да нет, это просто мой перевод, — ответил Стив. — Я еще в колледже увлекся древним Китаем, а это написал, просто чтоб не забыть интересный сюжет.

Да ладно тебе. Здорово получилось. Напечатать не пробовал?

— Нет, а зачем?

— Ну... просто, — пожала плечами Керсти, — А что там за молитва, я не хотела тебя перебивать?

— Это древняя молитва для вызова демонов, да и вообще умерших.

— Гм... — протянула Керсти.

— Это заклинание Четырех. Оно читается на латыни, но я перевел его, чтоб интересней было.

— А почему Четырех? — к Керсти вновь вернулось хорошее настроение.

— Не знаю... — ответил Стив, подумав, и поддал ногой ворох опавших листьев. — Просто так оно называется.

— Вот мой дом, — Керсти кивнула на большое невзрачное строение, возле которого они остановились.

На парадной двери висела пожелтевшая от времени табличка «Сдается внаем».

— Я бы пригласила тебя на чашку кофе, — смутившись, сказала Керсти, — но уже поздно... У меня есть разные безделушки, которые тебе понравятся. Я забрала их из дома отца, это наследство его брата.

— Хорошо, в другой раз, — сник Стив.

Когда он наклонился, чтобы поцеловать Керсти, она через его плечо увидела, что какой-то бородач в кепке и рваной накидке наблюдает за ними из-за угла соседнего дома. Было в нем что-то неприятное.

Керсти ничего не сказала Стиву об увиденном, решив, что это ей показалось, что не надо было так много пить и что ничего другого после страшной истории, услышанной от Стива, она уже не смогла бы увидеть.

Попрощавшись со Стивом, Керсти с улыбкой поднялась к себе в комнату. Со стен на нее глядели волосатые маски, сверкая стеклянными глазами.

Успев забыть о бородатом незнакомце, Керсти, вертя в руке полотенце, отправилась в ванную принять душ. Ей пришлось пройти по длинному коридору, по обе стороны которого тянулся ряд дверей, ведущих в другие, точно такие же комнаты, как у нее.

Включив воду и встав под прохладные струи воды, Керсти смыла с себя последние пары алкоголя, все еще дававшие о себе знать тяжестью в голове.

Постояв так минут пять, она завернула кран и босой ногой ступила на маленький квадратный коврик, лежавший на белом кафельном полу. Вода капнула, издав громкий булькающий звук. Керсти, посмотрев на кран, завернула его плотнее. Тщательно вытервшись махровым полотенцем, Керсти набросила на себя халат, подпоясалась и пошла к себе в комнату.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В этот вечер Ларри напился, как никогда. Когда гости разошлись, его пришлось буквально втаскивать в спальню. После того, как Джулия проделала это, сил на то, чтобы его раздеть, у нее просто не хватило. Так он и остался на кровати в одежде.

Вообще-то Ларри не пил, но раза два в год позволял себе расслабиться. На своей свадьбе он тоже перебрал и был в аналогичном состоянии.

Джулия с неприязнью смотрела на пьяно посапывающего мужа и воспоминания снова нахлынули на нее сбивающим дыхание водопадом.

Волны наслаждения набегали, унося ее в неведомую даль. Джулия стонала и билась, как раненное животное, с ее губ срывались какие-то слова, слова рождающиеся из стона и продолжающие его; и были эти слова уже не словами, а неистовые криком наслаждения, вырывавшемся из глотки Джулии:

— Еще! Еще! Еще! Еще!

Потом она долго лежала без сил, с ног до головы в горячем поту, не открывая глаз. Фрэнк подумал, что она заснула. Наконец она открыла омытые страстью глаза и, тихо сказав, что получила наслаждение, поцеловала его в грудь.

Свесив ноги с кровати, Джулия с нескрываемым презрением смотрела на Ларри, ворочавшегося в хмельном сне. Чтобы не включать везде свет, она зажгла свечу и тихо выскользнула из спальни; пройдя по коридору, она вошла в комнату Фрэнка.

— Фрэнк, — тихо позвала она. — Фрэнк...

— Ты сделаешь? — вместо ответа отозвался Фрэнк.

— Да, сделаю, — тихо сказала Джулия. Она побледнела! когда слабый свет свечи выхватил фигуру, бывшую Фрэнком, выглядывающую из-за платяного шкафа.

Перед мысленным взором Фрэнка предстал медленно, со скрипом вращающийся вокруг своей оси квадратный столб, с вершины которого на ржавых цепях свисали острые металлические крюки с ключьями человеческих внутренностей. Неясный свет выхватывал из темноты уши, прибитые к дереву

столба, вытекшие из орбит глаза и обвисший силуэт ужасного существа, сплошь утыканного гвоздями. С трудом отогнав от себя кошмарное видение, Фрэнк произнес прерывающимся шепотом:

— Помоги мне...

Вытянув руки перед собой, Керсти шла, обволакиваемая плотным мертвенно-сизым светом. Где-то впереди плакал ребенок, которого отняли от материнской груди. Плач становился все громче и ближе с каждым новым шагом Керсти. Туман растекался по полу, клубясь около стены. Поворот, цель где-то совсем близко. Еще поворот. Кирпичная стена с цементом, вылезающим из швов кладки. Керсти огляделась. Дубовая дверь на бронзовых петлях. Ухватившись за кольцо, Керсти потянула ее на себя. Дверь поддалась с трудом, со скрипом поворачиваясь на старых штырях. Летает пух. Много пуха. Маленькие перышки-пушички. Плач совсем близко. «Перья, — забилось в мозгу Керсти. — Маленькие перышки. А где же ребенок? Бедные птички». Склеп. Гроб, подвешенный к потолку. Качающийся гроб. Кач — Кач. И тучи пуха, взлетающие в воздух. Повсюду пух. От него некуда деться. Он лезет в нос, забирается под ночную рубашку и... сугробом оседает на гроб. В гробу тоже пух. Кач, Пух улетает, чтобы снова опуститься. Кач. Под пухом саван. Белый саван. Белый, как пух саван. Керсти подошла к гробу и толкнула его «Кач» — отозвался гроб. Она еще раз толкнула и ухватилась за край савана. Кто там? О, Боже! По телу Керсти прошла мелкая дрожь и горло сжалось, не пуская крик наружу. «Иди к папочке!»

— Папа!!! — с этим криком Керсти проснулась вся в холодном поту.

— Боже мой, — пролепетала она, вспоминая ночной кошмар, — Папа!

Предчувствуя недобро, Керсти сняла телефонную трубку и дрожащей рукой набрала номер.

— Алло, — услышала она сонный голос отца.

Она помолчала, успокаиваясь.

— Слушаю вас, — снова отозвался Ларри, — Кто говорит?

— Па? Это я, — тихо проговорила Керсти.

— Керсти? С тобой все в порядке?

— Это я хотела убедиться, что с тобой все в порядке.

— Со мной все, как никогда хорошо, а что такое?

— Знаешь, мне сон приснился. Не очень хороший...

— Ну-ну, сон — ведь это только сон. Спи спокойно. Я люблю тебя, дочь.

- Я тоже люблю тебя, па.
- Вот и хорошо, пока, Керсти, — и Ларри положил трубку на рычаг, немного удивленный этим звонком.
- Кто это был? — подала голос Джулия.
- Да, ерунда, кошмар приснился.
- Кому?
- Керсти, — Ларри почесал взъерошенную со сна голову. «Черт, — выругался он про себя. — Кажется, я вчера здорово перебрал. Голова раскалывается. А ведь еще на работу идти...» — и он полез в аптечку за аспирином.

Полдень застал Джулию в баре. Народу было мало. Завсегдатай обычно собирались часам к пяти — шести, а в такое время бар частенько пустовал.

Джулия сидела за столиком и размышляла над тем, что с ней случилось. Все ей казалось диким и нереальным.

Фрэнк. В голове не укладывается. Как, почему он стал таким. Но это точно он. Голос его, манера говорить. Этот кулон с пожирающим себя львом. Фрэнк, фрэнк!

— Что, не очень весело одной? — нарушил ее уединение лысоватый мужчина лет сорока, говоривший с немецким акцентом.

Джулия ответила не сразу, крутя в пальцах пустой бокал из-под пива.

— Да, не особенно, — согласилась она.

Мужчина перенес с соседнего столика свою кружку и поставил ее рядом с бокалом Джулии.

— Меня зовут Отто Бауэр. Я из Германии. В командировке по заданию корпорации. Я подумал, может, мы, ну... — он помедлил, — может нам выпить вместе?

— Почему бы нет, — подумав, сказала Джулия.

— Я принесу пиво. Вы не против?

Джулия промолчала. А лысый Бауэр уже спешил к стойке. Она думала о чем-то своем.

Через какое-то время Бауэр появился, неся в обеих руках кружки с шапками свежего пива. Пил он много, и, пока они шли до ее дома, успел посетить все туалеты по дороге.

— Знаете, я совсем не часто... вот так... — смущенно пробормотал Бауэр.

— Ничего все когда-то бывает в первый раз, — пожала плечами Джулия.

— Наверно, так, — согласился немец, смешно коверкая слова.

— Может, вы хотите выпить? — спросила Джулия, когда они вошли в холл.

— Нет-нет, — запротестовал было он, но помявшись, сказал: — Вообще-то, не отказался бы.

Она принесла ему виски, он выпил порцию одним глотком и произнес банальную фразу, скорее потому, что в подобной ситуации такое говорят все мужчины.

Вы знаете, у меня такое чувство, что мы знакомы много лет...

Набравшись смелости, он подошел и хотел расстегнуть на ней блузку. Джулия отстранилась.

— В чем дело? — недовольно спросил он. — Ты ведь для этого меня привела, не так ли?

Джулия промолчала.

— Почему бы тебе не раздеться? — произнес он пьяным голосом, делая более решительную попытку.

— Похоже, в эротических фантазиях своего детства Бауэр подстерегал свои жертвы и набрасывался на них, срывая одежду..

— Действительно, почему бы мне не раздеться, — повторяя его слова, попыталась отвлечь его внимание Джулия.

— Тогда в чем дело? Давай приступим. — Своей пухлой, с широкими и короткими пальцами, рукой он стал хватать ее за грудь.

Джулия не сумела скрыть, что ей стало противно. Увидев это, он разозлился:

— Ну, что еще? Передумала?

— Прости, лучше не здесь... Давай поднимемся наверх, — Джулия с трудом высвободилась из жарких объятий Бауэра.

— Хорошо, — согласился он, отпуская ее. — Наверх, так наверх.

Они поднялись по лестнице, Джулия отворила дверь в комнату Фрэнка.

— Это же не спальня! — удивился немец.

— А что, кровать нам нужна обязательно? — Джулия попыталась улыбнуться.

— Ну, в общем-то, нет... наверно, — окидывая взором комнату, согласился Бауэр.

— Лично я всегда предпочитаю пол...

— Сама говоришь: «Все когда-то происходит впервые».

— Почему бы тебе не снять пиджак, — предложила Джулия, поворачивая в двери ключ. Она чувствовала, как по спине у нее потекли струйки пота.

— Действительно, почему бы не снять, — и он стянул с себя клетчатый пиджак, сидевший на нем отвратительно.

— А почему бы и тебе не сделать то же самое? — прыгая на одной ноге, он с кряхтением снял брюки и стоял перед ней в рубашке и белых носках.

— Может, и сделаю... — ответила она и увидела Фрэнка, стоявшего за платяным шкафом. Ставяясь скрыть страх, она опустила голову и начала расстегивать блузку.

— Знаешь, ты просто прелесть, — посмотрев на Джулию без блузки, тихо сказал Бауэр. — *Du bist Wunderbar.*

— Неужели? — не поняв, что он там прибавил на своем языке, ответила Джулия и бросила блузку на стул.

— Ты ведь знаешь, что это так, — не отрывая от нее глаз, продолжал Бауэр. — Ты самая прекрасная женщина из тех что, я видел.

Отто стал подходить к ней, но вдруг остановился, выругавшись.

— Что такое? — осведомилась Джулия, бросив взгляд за шкаф.

— Момент! — он повернулся к ней спиной и направился к двери. — Слишком много пива. Мой мочевой пузырь... заставляет о нем думать...

Он взялся за дверную ручку и подергал ее.

— Зачем ты заперла дверь? — Он повернулся к ней в тот момент, когда Джулия наносила ему удар молотком по голове. Молоток соскочил и ударили Бауэра в плечо, дробя ключицу.

— Пожалуйста, не надо! — заголосил он.

Но второй удар достиг цели, с хрустом проломив череп. Третий удар пришелся уже по трупу.

Джулия выронила окровавленный молоток и уставилась на труп, содрогаясь от содеянного. Как могла — она это сделать? Как? Это ведь бойня. Настоящая бойня. Во имя чего? О, Боже! Во имя чего?...

Но тут в ее сознании всплыло имя. Одно короткое имя. Для нее оно означало все.

— Фрэнк! — она резко обернулась. Несмотря на то, что она была готова увидеть его, сердце ее ухнуло куда-то вниз, надавив на желудок и вызывая рвоту.

— Не смотри на меня! — предостерег он, медленно подползая на четвереньках к трупу.

Джулия закрыла лицо руками и выбежала из комнаты.

Лицо ее было в слезах, когда она, вбежав в ванную, увидела себя в зеркале. Слезы смешивались с кровью и красноватыми ручейками стекали вниз, повинуясь закону земного притяжения. На нее смотрело чужое лицо. Серое от страха. Глаза ввалились, щеки впали, ноздри дрожали, как у испуганной лани.

Джулия, быстро сбросив одежду, подставила мокре от пота тело под струю холодной воды.

Умывшись и наспех приведя себя в порядок, Джулия направилась в комнату Фрэнка. Открыв дверь и войдя в комнату, она содрогнулась, увидев кошмарную картину

— Господи! — воскликнула она, отступая к порогу

На полу, в центре комнаты, лежала обескровленная груда мяса. Это было все, что осталось от Отто Бауэра, и узнать его было невозможно.

— Господи, помоги мне, — прошептала Джулия, отводя глаза от трупа.

— Он тебе не поможет, — эхом отозвался голос Фрэнка. — Он вообще ни на что не годится...

Джулия взглянула в ту сторону, откуда доносился голос и замерла, не в силах вымолвить ни слова.

На нее, одетый в костюм Отто Бауэра, смотрел человек. Человек без кожи. Он смотрел на нее не мигая, глазами, на которых не было век.

— Видишь, — сказал человек, — я снова становлюсь целым. Каждая капля крови, которую ты проливаешь, это плоть для моих костей. Ведь мы оба хотим этого?

Джулия промолчала.

— Иди же сюда, — и человек вытянул вперед руку, от чего белые сухожилия пришли в движение. — Подойди, я хочу прикоснуться к тебе, черт возьми!

Деревянными ногами Джулия сделала два шага вперед, не имея сил сопротивляться. Сопротивляться? Зачем? Это ведь Фрэнк... ее Фрэнк.

— Иди ко мне, дорогая... — произнес Фрэнк. Его окровавленные пальцы коснулись ее щеки.

— Джулия! — услышала она голос вернувшегося Ларри и стук закрывающейся двери.

Отшатнувшись от Фрэнка, Джулия не сразу сообразила, что делать.

Весело насвистывая какую-то мелодию, Ларри еще раз крикнул:

— Джулия! Выходи, где ты прячешься?

Кровь в висках Джулии запульсировала в такт четкой мысли: «Должен быть выход, должен». Она повернула ключ в двери, услышав, что Ларри вошел дверь в ванную, и выглянула. Постояв на пороге и взяв себя в руки Джулия направилась было по коридору к лестнице, но остановилась. Лицо ее было белым, как мрамор.

— Я звонил тебе, ты разве не слышала? — спросил Ларри из кухни.

Шагнув обратно в комнату, Джулия споткнулась о труп Отто Бауэра. С трудом подняв его, хотя он оказался легче, чем она ожидала, она затолкала ногой окровавленный молоток под шкаф и вышла на лестничную площадку, торопясь к черному выходу. Там должен стоять контейнер для мусора. «Только бы не упасть, только бы не упасть», — стучало в голове, когда Джулия спускалась, преодолевая повороты узкой железной лестницы.

С трудом свалив труп в мусорный контейнер, уже на грани нервного срыва, Джулия поспешила назад, прошмыгнула в ванную комнату и включила воду.

— Ах, вот ты где! — услышала она голос Ларри за дверью. — Озорница...

— Дорогой, знаешь, мне что-то сегодня нездоровится, — еле нашла в себе силы пролепетать Джулия.

Из-за шума воды, бурной струей вытекающей из крана, Ларри не заметил, что ее голос как-то странно напряжен и срывается.

— Тебе что-нибудь нужно? — осведомился он. — Хочешь бренди? Сейчас принесу.

— Хорошо, дорогой. Я выйду через минуту-другую...

— Ладно. Можешь не торопиться, — пожав плечами, Ларри вернулся на кухню.

Засунув голову под холодную струю, Джулия довольно быстро пришла в себя. Одевшись, она поднялась в комнату Фрэнка.

— Фрэнк! — позвала она.

— Мне больно, — отозвался он, выходя из-за шкафа в окровавленной рубашке. — Нервы... Они снова начинают чувствовать... Мне нужен еще один, может быть двое... — произнес он, сжав зубы от боли.

— Нет! — истерично выкрикнула она. — Хватит!

Но они гонятся за мной... — в голосе Фрэнка появились умоляющие нотки.

— Кто?

— Кенобиты. Я сбежал от них. Они найдут меня...

— Джулия, ты в порядке? — крикнул Ларри холла.

— Я сейчас, минуточку! — ответила она, — Включи музыку, пожалуйста.

— Бедный Ларри, — заметил Фрэнк. — Как всегда послушен.

— Не говори громко! — сказала Джулия.

— Не хочешь, чтобы твой «детка» услышал, — криво усмехнувшись, Фрэнк крепко сжал ей руку.

— Мне больно! Отпусти руку! — попыталась вырваться Джулия.

— Ты не обманешь меня, — не слушая ее, проговорил Фрэнк.

— Ты останешься со мной и поможешь мне. Тогда мы СМОЖЕМ

быть вместе. Как раньше — он шептал, почти касаясь губами волос Джуллии. — Мы принадлежим друг другу. Навсегда, чего бы это нам ни стоило. Понимаешь, это как любовь, — он закрутил локон Джуллии на палец, — только по-настоящему.

— Мне надо идти!

— Иди. И помни — сначала я, а потом уже Ларри.

— Простите, я здесь новенькая, — повернулась Керсти к пожилой даме. — Вам придется немного подождать.

В зоомагазин, где теперь работала Керсти, дама принесла клетку с большим зеленым попугаем. Она была явно чем-то очень недовольна.

— Где здесь менеджер? — спросила она визгливым голосом, вперив в Керсти рыбьи глаза.

— Пожалуй, с этим проблема, — ответила Керсти. — Он ушел... гм... обедать.

— Мне нужен кто-нибудь, отвечающий здесь хоть за что-нибудь! — требовала пожилая дама.

— Простите, но вам придется подождать, — вежливо повторила Керсти. — Я вас оставлю, меня ждут покупатели, — и она отправилась в другой конец магазина, явно не собираясь продолжать разговор.

— Простите, — остановил ее стоящий у аквариумов человек с вытянутым лошадиным лицом. — Сынишка просит купить ему рыбок, я не могу выбрать. Не поможете мне?

— Конечно. — Керсти изобразила профессиональную улыбку теледиктора, рекламирующего новый гель для рук. — Каких бы вам хотелось?

— Не знаю... не очень прихотливы... так сказать.

— Рекомендую вот этих гуппи. Или вот этих, — и провела пальцем по стеклу, показывая на проплывающих красивых рыбок с длинными узкими хвостами. — Меченосцы.

— А если тех и других, они уживаются вместе? — заинтересовался покупатель.

— Да, они из одного подвида. И те, и другие неприхотливы. Сухой корм для них вы всегда можете приобрести в нашем магазине.

— Спасибо! Спасибо вам большое.

— Что вы! Рада была вам помочь, — и Керсти оставила покупателя стоять перед аквариумом со снующими серебристыми и разноцветными рыбками.

Миновав полки, уставленные клетками с орущими попугаями, Керсти вдруг остановилась, как вкопанная. Она увидела бородатого человека в кепке и грязно-зеленом рваном

плаше, сразу узнав в нем незнакомца, который подглядывал за ней, когда она прощалась со Стивом около своего дома.

— Что вы делаете! — вознегодовала Керсти, с ужасом глядя, как он просовывает руку в террариум со скорпионами.

Взглянув на Керсти, человек быстро вытащил руку, которую облепили скорпионы, и зажал несколько тварей в кулаке.

— Пожалуйста, положите их на место! — строго сказала Керсти. Но бородатый, словно не слыша ее, разжал ладонь, и запихнул скорпионов себе в рот.

— О, Господи. Убирайтесь! Убирайтесь отсюда! — выпалила Керсти.

Не торопясь прожевав скорпионов, похожий на бродягу человек медленно отступил в угол.

— Привет! — из-за заваленного клетками прилавка показался Стив.

— Привет, — буркнула она, повернувшись к нему. В ушах ее все еще раздавался хруст поедаемых скорпионов.

— Вот, зашел спросить, что ты делаешь после работы, но... — увидев скривившееся от омерзения лицо Керсти, Стив растерялся, приняв это на свой адрес. — Что с тобой? Что случилось?

— Господи, какой ужас! — Керсти хотела ему все рассказать, но замолчала, услышав шум, напоминающий хлопанье крыльев, в углу, где остался бородаты бродяга. Повернувшись в ту сторону она передумал рассказывать что-либо Стиву. В углу никого не было.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Вечером Керсти и Стив встретились в городском парке. В воздухе, насыщенном влагой, стоял запах прелой листвы, в свете фонарей на скамейках поблескивали капли недавно прошедшего дождя. Поправляя спадающий через каждые десять шагов ярко-зеленый шарф, Керсти прижималась к Стиву, стараясь согреться.

— Стив, как ты считаешь, правильно я делаю, снимая комнату и не живя в

отцовском доме?

— Не знаю, — ответил он.
— А ты... как бы ты поступил на моем месте.
— Я не знаю обстоятельств, но, наверно, так же, как и ты.
— Благодарю, а как твои дела на курсах?
— Если все будет нормально, через неделю сдам экзамен и получу диплом зубного техника. А как там у тебя со зверюшками — много посетителей?

— Нет... не очень, — нехотя отозвалась Керсти. — Понимаешь, это тоже наука. Про животных надо знать все, чтобы твой совет клиенту насчет покупки был правильным, иначе будет, как с той женщиной, которая хотела купить говорящего попугая.

— А что с ней было?
В общем, ничего. Просто откуда мне было знать, что самки попугаев не разговаривают.

Керсти улыбнулась, вспомнив, как взъерошенная птица удивленно таращила свои глаза-пуговки на пожилую миссис, явно не понимая, что той от нее нужно.

— У меня в детстве ворона была, я ее на улице подобрал, еще птенцом, — вспомнил Стив. — И ты знаешь, она разговаривала.

— Послушай! — нахмурилась Керсти. — А что будет, если съесть скорпиона?

— Не знаю. Умрешь, наверно. А ты что — попробовала?
— Да нет, — рассмеялась Керсти, — я просто спросила.
— Интересные у тебя мысли, — заметил Стив.
— Ой... кажется, опять дождь начинается, на меня капнуло.
— На меня давно уже капает, просто я молчу, жду когда ты меня в гости пригласишь.
— Какой ты противный! Пошли быстрее, а то вымокнем по дороге.

Пока они спешили к дому Керсти, дождь усилился. Сначала редкие капли усеивали темными мелкими пятнами серый асфальт, потом пятна становились все крупнее и гуще, так что в двери они вбежали, вымокшими до нитки.

— Ого! — воскликнул Стив, увидев маски и статуэтки богов на полках в комнате Керсти.

— Я же тебе говорила, что отобрала их из хлама в доме отца, — и Керсти легонько толкнула рукой чучело круглой рыбы, подвешенное на леске к потолку.

Вздрогнувшая рыба, казалось, поплыла, рассекая воздух своими оттопыренными плавниками.

— Здорово! — восхитился Стив. — Откуда это там было?

— Фрэнк, брат отца, увлекался чем-то вроде черной магии... — ответила Керсти, наблюдая за тем, как внимательно Стив рассматривает фигурку ацтекского бога Уитсилопочтли.

— А где он сейчас?

— Бог его знает...

— Если Бог, то вот этот, — Стив показал на гневно смотрящего Уитсилопочтли.

— Может, и этот, — засмеялась Керсти. — Отец мне рассказывал, что вроде брат умер.

— Понятно...

— Кофе будешь?

— Не откажусь.

— Тогда достань, пожалуйста, вон оттуда, — Керсти показала на дверцу книжного шкафа, — кипятильник.

— Кипятильник? — удивленно переспросил Стив.

— Ты забываешь, что комнату здесь я только снимаю, а будить хозяйку сейчас не самое подходящее время.

На следующее утро, надев темные очки, почти закрывающие ее красивое лицо, Джулия вновь отправилась в отдаленный бар. Вернулась домой не одна. С ней был мужчина, на вид тридцати-тридцати пяти лет, наголо обритый, с невыразительными серыми глазами.

— Ты уверена, что нам не помешают? — спросил он, с интересом осматривая холл.

— Вполне, — ответила Джулия, про себя подумав: «Если бы я не была уверена, тебя бы здесь не было, дурак».

— Я люблю осторожность, — подчеркнул он, отпустив скабрезную шуточку в адрес Джулии.

На этот раз Джулия не церемонилась и нанесла удар, как только бритоголовый вошел в комнату Фрэнка. Мозги брызнули из дыры в голове, стекая по стенам и оседая у плинтуса.

Джулия отвернулась, вытирая руки о край рубахи, которую бритоголовый снянул с себя, еще поднимаясь по лестнице.

Выйдя из-за шкафа, Фрэнк бросил открытый нож на столик у кресла, и приблизился к своей жертве. Глаза его горели алчным огнем, из открытого рта на полосатую рубаху текла слюна. Схватив бритоголового за уши, Фрэнк впился зубами в его шею, вскрывая артерию. Бурой струйкой хлестнула кровь, распространяя вокруг сладковатый запах. Кадык на горле Фрэнка ходил ходуном, пока он, захлебываясь, делал жадные глотки. Прямо на глазах у Джулии кости Фрэнка стали обрасти новыми мышцами, тугие сухожилия крепко стягивали новую плоть. Вены обхватывали его руки, сильными толчками сердце несло по ним кровь.

Удовлетворенно отрыгивая, Фрэнк выпустил бритоголового из рук, и труп грохнулся на пол. Чудовище уселось в глубокое кожаное кресло и закурило, с наслаждением выпуская дым из все еще беззубого рта

— Я ощущаю это, — произнесло оно. — Как давно я ничего подобного не ощущал!

— Ты обещал мне все объяснить. — Джулия бросила окровавленную рубаху на пол.

— Вот оно, — Фрэнк протянул руку, на его ладони лежала квадратная шкатулка, вся испещренная линиями.

— Можно мне посмотреть? — поинтересовалась Джулия и подошла поближе, собираясь потрогать вещицу.

— Не трогай! — Фрэнк отстранил ее руку. — Это опасно. Она открывает двери.

— Какие двери? — недоуменно спросила Джулия.

— Двери удовольствия. Двери ада или рая. Мне было все равно, какие. Я думал, что насыщен до предела. Но, оказывается, нет. Кенобиты дали мне ощущения за пределами всего: боли и удовольствий, которые и не приснятся...

— Фрэнк вспомнил себя сидящим в кругу пентаграммы, заключенной в квадрат из горящих свечей. Свечи отбрасывали на стены причудливые тени. Клубился дым от сжигаемого янтаря и толченой розы, срезанной под Рождество, но, как ни странно, они не издавали запаха горения. Из шкатулки, лежащей на его ладони, высыпались голубые разряды. Казалось, они зарождались где-то глубоко внутри нее, сокрытые от глаз, и, рассыпавшись в воздухе, растворялись... Но растворялись ли?

— *Caput mortnum, imperet tibi Dominus per vivum et devotum serpentem!..*

— Ладонь прикоснулась к грани шкатулки.

— *Cherub, imperet tibi Dominus per alas tauri!..*

- Восемь лопастей повернулись...
- Serpens, imperet tidi Dominus Tetragrammaton per angelum et Leonem!..
- ...и опустились на место соседних.
- Raphael! Gabriel! Mikael! Adonai! Lucifer! Baal-Zebub! Moloch! Astaroth!

– Столб. Деревянный столб. Скрежет цепей. Столб повернулся. Луч света выхватил из темноты ухо, прибитое к дереву. Еще поворот столба. Цепи раскачиваются все сильнее и сильнее, скрепленные сверху тяжелым кольцом. Еще поворот столба. Крюки на цепях с остатками мяса. Поворот. Неясная фигура. «Кто это бродит? Голова утыкана гвоздями. Смерть? Нет, смерть — это тлен». В голову вбиты гвозди. «Кто ты?» Молчание. Фрэнка охватывает страх.

- Flnat udor per spiritum Eloim!
- Кто читает молитву? Может быть, эхо? Да, это эхо. Эхо читает молитву.

– Manet terra per Adam Jot-Chavah!

– Хлоп. Крюк впивается в тело. Боль нестерпима. Фрэнк пытается вырвать его но... хлоп... рука оттянута новым крюком на цепи. От страдания никуда не деться. «Человек с гвоздями, вбитыми в череп, за что?» Человек ли это? Нет, невозможно. Хлоп-хлоп. Крюки протыкают кожу и растягивают ее в разные стороны. «Кто тянет за цепи? Человек с гвоздями, вбитыми в череп?» Боль. Адская боль. «Нет. Он стоит неподвижно. А кто это рядом? Может, он читает молитву?»

- Fiat firmamentum per Jahuvehu Zebaoth!
- «Нет, он не разжимает рта. А есть ли у него рот?» Есть, только он зашит железной проволокой. Фрэнк дрожит от ужаса. Хлоп. Еще один крюк. Сзади раздается жужжение. Фрэнк обернулся. Крутится диск. Это не диск. «Пила», — мелькнуло в сознании и ушло, чтобы вернуться.

– Fiat judicium per ignem in virtute Mikael!

Пила. Крутится диск. Его почти не видно из-за дыма. «Откуда дым?» Хлоп. Хлоп. Хлоп. Десятки крюков. Думать трудно от боли. «Может, в доме пожар?» Янтарь... Нет янтаря. Хлоп. Только белая маска с гвоздями. «Нет. Это видимость». Пила вонзается в спину. Нечеловеческая боль. «А цепи!» Натянуты цепи. Кожа трещит под цепями. Боль бесконечна. Зачем кожа Фрэнку? Фрэнк?.. Да, это я... Боль — это разум. Мне больше ни к чему имя. Боль нетленна. Боль — это счастье...

- Они не получат меня назад, — очнувшись и прикрывая глаза рукой, проговорил хриплым голосом Фрэнк,

непроизвольно лязгнув зубами. — Я буду жить. И ты поможешь мне. Так?

— Им никогда не найти нас... никогда... в этом огромном мире, — тихо ответила Джулия, глядя на мелко моросящий дождь за окном.

Ларри сидел в гостиной, положив ногу на ногу, и смотрел телевизор. На экране мелькали фигуры боксеров, молотивших друг друга и временами сплевывающих в никелированные тазики.

Мыслями Ларри был далеко от экрана, высоко под потолком, на уровне хрустального шара, который стоял на серванте, отбрасывая яркие искры от желтого света люстры.

Вовсю разошедшийся дождь за окном явно не способствовал приятным раздумьям. Ларри грыз червь сомнения. С того самого дня, как они переехали в этот дом. «Может, она завела любовника?» Но подумав, Ларри отверг эту мысль. «Тогда что же? Что?»

Ларри вздрогнул, почувствовав чье-то прикосновение. Повернувшись, он увидел, что это Джулия. Вероятно, она тихонько подошла к нему и уже несколько минут стояла рядом, смотря на боксеров, прыгающих по рингу.

— Я думал, тебя от бокса тошнит, — вяло проговорил он, взглянув на Джулию

— Я видела и похуже, — подала она голос.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — спросил Ларри, вспомнив свои недавние мысли, — Может, переключить на другую программу?

Джулия молчала, думая о своем, мысли ее были там, наверху, у Фрэнка. Фрэнку было больно. Он метался из угла в угол, круша все, что попадалось под руку. «Хорошо что за окном гроза» - подумала она, услышав наверху глухой удар от падения тяжелого предмета. «Черт», — выругалась она про себя.

— Как ты думаешь, что там такое происходит? — Ларри тоже услышал стук наверху.

— По-моему, я оставила открытым окно. Пойду посмотрю.

— Нет, — поймав Джулию за локоть. Ларри поднялся с дивана.

— Да нет там ничего, — запротестовала Джулия. — Ларри, подожди.

— Да что с тобой, что ты волнуешься?

— Ты же знаешь, что я терпеть не могу гром и молнию.

— Успокойся, ничего опасного, — взял ее за руку, удивился. — Ты дрожишь? Чего ты боишься?

Воспользовавшись возникшей паузой, Джулия приникла к нему на грудь и стала покрывать его жаркими поцелуями.

— Надо пойти проверить, — Ларри стал убирать руки Джулии, обнявшие его за шею.

— Не ходи туда, прошу тебя! — взмолилась она.

— Пойдем вместе, если хочешь, — он потянул ее в коридор.

— Пошли.

— Ларри, пожалуйста! — продолжала упрашивать Джулия.

— Не надо волноваться, идем. — Ларри взял жену за руку, и его нога ступила на ступеньку. — Все в порядке. Все в порядке, — подбадривал он Джулию. И себя заодно.

В комнате Фрэнка было темно, иногда ее освещали блики молнии за окном. Ларри чуть не наступил на крысу, мечущуюся под ногами. Крыса удирала от Фрэнка, скорчившегося за шкафом, надеясь избежать участия быть прибитой к стене гвоздями. Фрэнк переживал нечеловеческие муки. Нервы почти полностью восстановились и давали о себе знать нестерпимой болью во всем теле. Чтобы как-то облегчить страдания, Фрэнк ловил здоровенных серых крыс и пил их кровь, что давало небольшой отдых его страдающей плоти, еще не имеющей кожи.

— Это, наверное, была крыса, — проговорил Ларри, спотыкаясь в темноте. Фрэнка он не заметил. — Я говорил тебе — нечего бояться.

Мысленно благодаря Бога, Джулия еще теснее прижалась к Ларри, подталкивая его к двери и надеясь увести из комнаты.

— Пойдем, я уложу тебя в постель, — он погладил ее по спине.

Уже переигрывая, Джулия висла на Ларри, целуя его в щеки.

— Я хочу тебя, — прошептала она, стараясь поскорее увести его из комнаты.

Скинув клетчатый пулlover, Ларри остался в одной рубашке. Целуя Джулию, он пытался найти у нее на спине молнию черного, вышитого бисером, платья. Она обмякла, делая вид, что получает удовольствие. Все сомнения и подозрения насчет того, верна ему Джулия или нет, Ларри просто выкинул из головы и отдался в плен давно не удовлетворявшемуся желанию.

Фрэнк подошел к ним бесшумно. Раскаты грома заглушили щелчок открывшегося ножа, который он держал в одной руке, другой рукой сжимая крысу, испуганно смотревшую на мир своими бусинками-глазами.

— Нет, пожалуйста, нет! — закричала Джулия, увидев Фрэнка, возникшего за спиной Ларри.

Ларри, ничего не замечая вокруг, продолжал целовать Джулию.

— Пожалуйста, не надо! — лепетала она, расширенными глазами следя за Фрэнком, который медленно разрезал вдоль живота живую крысу.

— Нет! Уходи, нет! — взмолилась Джулия. — Я прошу тебя. Нет! Фрэнк исчез.

— Ничего не понимаю! — оставив плачущую Джулию в покое, воскликнул Ларри, который все сказанное ею принял на свой счет. — Ты же сама только что бросалась мне на шею, а потом... — он не находил слов и лишь повторил, — Я просто тебя не понимаю.

Хлопнув дверью, Ларри ушел. Джулия осталась лежать на кровати, уткнувшись в подушку мокрым от слез лицом.

Мысли уносили ее все дальше из этого реального мира. Где-то за стеной страдал Фрэнк, но она не могла сейчас прийти к нему, не вызвав подозрений Ларри. Он сейчас очень нервный и чувствительный, любое неосторожное действие может выдать присутствие Фрэнка.

Джулия снова погрузилась в мир грез и мечтаний, в котором она отдавалась Фрэнку повсюду — даже в самых неподходящих для этого местах.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Ларри вернулся домой около полуночи, пришлось сделать массу неотложных дел на новом рабочем месте.

Джулия еще не легла. Она сидела в гостиной, в руках ее была толстая книжка в мягкой обложке. На Джулии была прозрачная ночная рубашка, надетая прямо на голое тело. Дрова в камине весело потрескивали, взрывались тучами искр. Джулия читала, или делала вид, что читает.

На ее тонко очерченном лице даже слепой мог увидеть выражение скуки.

Обычно, когда приходил Ларри, Джулия находилась наверху, в комнате Фрэнка. Ларри туда не заходил. Обстановка в ней действовала на него угнетающе. Он догадывался, что Джулия предпочитает комнату Фрэнка потому, что в доме это было единственное помещение, в котором все осталось без изменения — точно таким же, как до их приезда. «Но почему?», — задавал он себе вопрос и не находил ответа.

— Что-то ты сегодня поздно. — Джулия оторвала взгляд от книги. — Где пропадал?

Доброжелательный тон Джулии насторожил Ларри, последние дни такое с ней случалось не часто.

— Разбирал бумаги, — ставя на пол портфель и снимая шляпу, сказал Ларри.

- А что — днем ты не успел этого сделать?
- Днем я ездил в исследовательский центр.
- Выпьешь чего-нибудь? — спросила Джулия, подходя к бару с разнокалиберными пестрыми бутылками
- Виски?

Прозрачная ткань рубашки не скрывала обнаженного тела Джулии, наоборот, его мягкие очертания притягивали взгляд.

- Благодарю, — Ларри взял стакан с виски из рук Джулии.
- За что выпьем?
- Может, за счастье?

Ларри казалось, что снова все встает на свои места. «Может, — думал он, — все будет хорошо. Джулия тогда просто устала в связи с переездом, да потом еще эта рука, нервотрепка...»

— Да, конечно, за счастье! — подхватила Джулия, и глаза ее сделались грустными.

Они выпили и поставили стаканы на телевизор.

- Ну, как я тебе? — Джулия, пристально глядя на него, подняла рубашку до подбородка.

Ларри сглотнул, потому что в горле у него сразу пересохло. «Давно с ней такого не было». До сих пор, когда они оставались наедине, Джулия все чаще ссыпалась на недомогание или головную боль.

- Джулия... Ты не знаешь... Ты у меня самая замечательная женщина.

Сбросив рубашку на пол, Джулия подошла к окну, дернув за шнурок, раздвигающий шторы.

- Зачем ты это делаешь, Джулия?

- Все равно никого нет. Посмотри, какая прекрасная ночь...

Ларри подошел к окну и посмотрел через плечо жены на далекие, по-зимнему яркие звезды.

Обернувшись, она обняла мужа и увлекла его с собой на диван.

В тот вечер она думала о Фрэнке. Вместо Ларри здесь с ней должен был быть Фрэнк. Предаваясь любви с Ларри, она закрывала глаза и представляла себе, как над ней склоняется Фрэнк.

Все вернулось на свои места, как только прошла ночь.

- Джулия, ты точно не хочешь пойти? — надевая выходной костюм, уже в который раз за сегодняшнее утро, спросил Ларри.

Уже почти неделя, как они живут на новом месте. Ларри хотелось пригласить Керсти посидеть где-нибудь в тихом уютном уголке, по-семейному, потолковать, выпить кофе, узнать, как у нее дела, как работа — в общем, просто встретиться со своей доверью. Получив от Джулии категорический отказ, он вздохнул, позвонил Керсти и договорился о встрече. Сомнения снова заползли ему в душу, проникая в нее все глубже и глубже.

— Не знаю, — продолжал ранее начатый разговор Ларри, — может, не стоило возвращаться... В Бруклине же было не хуже, чем здесь.

Сделав маленький глоток, Керсти поставила чашку с кофе на блюдце.

- Послушай, если ты любишь ее, значит в ней должно быть что-то такое, что стоит любить.

- Ты же понимаешь, все не так просто в жизни, — Ларри помешал кофе. — Она закрывается в комнате Фрэнка, не хочет выходить из дома.

- Правда? — Керсти взяла чашку с кофе и отпила из нее, не спуская с отца своего внимательного взгляда.

— Да, — ответил Ларри грустно, — такое впечатление, что она там сидит и чего-то ждет.

— Чего-то или кого-то?

— Не знаю, — повернувшись в руках ложечку, он повторил задумчиво, — не знаю. Это абсолютно вне моего понимания. Послушай, — Ларри мягко прикоснулся к плечу Керсти. — Не могла бы ты... не хотела бы...

— Нет, — поняла Керсти.

— Ну заехала бы как-нибудь, помогла бы мне. Почему сразу нет? Может, ей просто нужно с кем-то поговорить?

Ларри опустил ложечку в чашку, позволяя червю сомнения гладить свои внутренности.

— Ты не можешь любить его! — грозно произнес Фрэнк, глядя на Джулию немигающими глазами.

— Я не люблю, — попыталась защититься Джулия.

Тогда, — Фрэнк вытер о полу своей рубашки лезвие складного ножа, — в чем вред от того, что я тебе предлагаю?

— Я сказала: НЕТ! — истерически взвизгнула Джулия.

— Тогда найди мне кого-нибудь другого.

— Но я...

— Этих твоих кошек и собак мне хватает ненадолго... Мне нужен человек. Найди мне его, пока полиция еще ничего не заподозрила и не стала искать. Давай! — Фрэнк подтолкнул Джулию кончиком ножа к двери и подумал: «Грязная потаскуха...»

— Я иногда страдаю от одиночества... — вздохнул Гарольд Хаслингер в смущении.

Он действительно был одинок уже почти двадцать лет. С тех пор, как умерла во время родов его жена, он так и не смог найти подругу жизни. По вечерам, в тесной убогой квартире смотрел телевизор, проверял тетради своих нерадивых учеников. Соседи считали его убежденным холостяком, но он-то знал, что это не так.

— Все бывает, — с грустью ответила ему Джулия, думая о Фрэнке.

Ей было жаль этого маленького, чем-то похожего на китайца, человека в больших роговых очках, но отступать было поздно.

Перила у деревянной лестницы, по которой они поднимались, казались отполированными временем.

— Всем бывает, — повторила она, открывая дверь и пропуская его в комнату.

— Что это? — Гарольд удивленно разглядывал убранство комнаты. — Это какая-то игра? — повернувшись к Джулии, спросил он.

— Проходите же, — подтолкнула она своего гостя, — «И будьте, как дома», — мысленно продолжила она.

Гарольд вошел, нерешительно остановился у порога. Скользнув взглядом по большому платяноому шкафу, он увидел стоящего за ним Фрэнка. Скалясь безгубым ртом, Фрэнк держал в руке остро наточенную бритву.

Лицо Гарольда внезапно посерело, улыбка исчезла, какое-то время он не мог вымолвить ни слова.

Так они и стояли друг против друга — Фрэнк и его жертва.

— Господи, Боже мой! — прия в себя пролепетал гость и дернулся в сторону, делая попытку убежать.

Джулия, наносившая в это время удар, промахнувшись и молоток, скользнув по шее острым краем, вырвал кусок мяса, открывая идущие к голове артерии.

Заорав по-сумасшедшему, Гарольд бросился на Джулию.

Фрэнк остановил его, поймав сзади за подтяжки, и притянул к себе.

— Уходи! — сухожилия ходили по его скулам, когда Фрэнк повернулся к Джулии. — Я справлюсь сам.

Джулия привалилась к стене, не в силах переступить порог.

— Прошу вас! — голосил Гарольд, делая еще одну отчаянную попытку вырваться. — Не дайте ему убить меня!

В какой-то миг Джулия была готова прийти ему на помощь, но спохватилась и выбежала из комнаты.

— Помогите! — в вопле, который услышала она за своей спиной, явственно слышались ужас и отчаяние.

Керсти шла по асфальту, держа в руках белую спортивную блузку. Она в раздумье остановилась у афишной тумбы, когда мимо нее с ревом пронесся экскурсионный автобус. Смотрящий на нее с яркого плаката Джин Симмонс сообщал миру, что когда он шагает по земле, она дрожит под его ногами, и легионы ядовитых тарантулов охраняют его путь, невидимый во мраке.

«Может, я не права, — думала Керсти, — что так сурова с Джулией. Ведь у нее могут быть проблемы, время от времени появляющиеся у всех женщин».

Взглянув на часы, Керсти повернула обратно, направляясь к дому Ларри. Пройдя пешком две автобусных остановки, она подошла к старой изгороди, окружающей дом, и подняла крючок, запирающий калитку.

Сегодня дом казался Керсти мрачным, как никогда, и она заторопилась по усыпанной гравием дорожке.

— Помогите! — где-то наверху раздался сдавленный крик, послышался звон разбивающегося стекла.

Керсти ворвась в дом и побежала по лестнице, ориентируясь на шум борьбы. Когда она поднялась на последнюю ступеньку, все стихло.

Вдруг дверь комнаты, которую раньше занимал брат ее отца, Фрэнк, распахнулась и из-за нее вывалилась окровавленная человеческая фигура.

— Пожалуйста... — еле слышно произнесла она и рухнула на пол, но осталась на весу, покачиваясь в воздухе.

В дверях, с раскрытой окровавленной пастью, стояло чудовище, удерживая выбежавшего за подтяжки. Керсти не хотела бы даже во сне увидеть что-либо подобное тому, что предстало перед ее глазами. Силуэт человека, одетого в полосатую, перепачканную кровью рубаху и темные твидовые брюки. Вместо лица кровавая каша из мышц и сухожилий с глубоко запавшими глазами яблоками и торчащим хрящом носа.

Керсти закричала, прижавшись к перилам лестничной площадки. Ноги ее сделались ватными, она не могла сделать ни шага.

— Керсти, — произнесло чудовище, выпуская из рук подтяжки, на которых висело обмякшее тело незнакомого человека.

— Нет! — отшатнулась Керсти в угол.

— Я Фрэнк... я дядя Фрэнк. Ты не помнишь меня?

— чудовище сделало шаг в сторону Керсти и выхватило у нее из рук скомканную белую куртку. — Иди к своему папочке...

— Прочь от меня! Иди к чертовой матери! — Керсти изо всех сил ударила по вытянутой окровавленной руке и нырнула в открытую дверь комнаты.

В помещении, где происходили убийства, не было второго выхода. Отчаявшись, Керсти отгородилась от Фрэнка кожаным креслом, стоявшим справа от окна.

— Ты так выросла! — удивленно произнес Фрэнк, поигрывая в руке бритвой. — Ты прекрасна...

— Не смей прикасаться ко мне, ублюдок! — закричала Керсти, хватая валявшийся на полу молоток. — Не смей трогать меня! Иначе...

— Что иначе? — Фрэнк легко отобрал у нее молоток. — Что ты сделаешь? Не бойся, папочка гордится тобою... Ты так прекрасна... Я мечтал... Ты же знаешь, что надо потерпеть. Это придает удовольствию больше остроты... Как ты прекрасна...

Керсти двинула кресло ногой в сторону Фрэнка. Это дало ей возможность передвинуться ближе к выходу из комнаты. Перебегая, она зацепилась ногой о резную ножку стола и

растянулась на полу. Поднимаясь, она нашупала рукой какой-то квадратный предмет. Схватив его, она хотела запустить им в омерзительную голову того, кто назывался Фрэнком.

— Нет! — закричал он, протянув к ней свои обезображеные руки.

Керсти остановилась, ничего не понимая.

— Отдай... — прохрипел Фрэнк, его глаза были безумны от страха. И Керсти сразу поняла: он боится. Он ЕЕ боится!

— Нет, — покачала головой Керсти, она рискнула на миг оторвать взгляд от Фрэнка, чтобы получше рассмотреть, что же это за вещь оказалась у нее в руке.

Кубик — не кубик, что-то очень напоминающее старинную шкатулку. Вот по ее покрытой какими-то линиями поверхности голубой искрой промелькнул импульс.

— Отдай мне это! — тянул к ней трясущуюся руку Фрэнк. — Последний раз говорю, отдай мне шкатулку!

Оттолкнув кресло в сторону, Фрэнк, как маньяк, надвигался на Керсти, не отрывая взгляда от шкатулки.

— Дай сюда, если ты не хочешь, чтобы она открылась. Отдай ее мне... Ты же не хочешь...

— Получи! — выдохнула Керсти, и швырнула шкатулку в разбитое окно.

— Не-е-е-ет! — закричал Фрэнк, растерянно провожая магический кубик глазами.

Выбрав подходящий момент, Керсти бросилась вон из комнаты. В два прыжка одолела лестничную клетку и, задыхаясь, выскочила из дома.

Не в силах бежать, Керсти направилась к калитке, внимание ее привлек предмет, одиноко лежащий на дорожке. Это была та самая шкатулка, которая спасла ее минуту назад. Еще не способная контролировать свои действия, Керсти подняла шкатулку, прижала ее обеими руками к груди и вышла на улицу.

Где-то вдалеке завыла полицейская сирена.

«Иди к папочке... папочке... папочке... — стучало у нее в висках, эхом отдаваясь в затылке. — Дядя Фрэнк... дядя Фрэнк... дядя Фрэнк... дядя — и снова в висках. — Иди к папочке... иди к папочке... иди к папочке».

Керсти ничего не видела вокруг себя: ни расступавшихся перед ней монахинь, ни резко тормозивших перед ней машин. Она бежала с прижатой к груди шкатулкой, расталкивая всех перед собой. Керсти хотелось как можно дальше убежать от страшного дома. И она мчалась все дальше и дальше. Все дальше и дальше. Пока не упала без чувств на грязную мостовую где-то в Латинском квартале.

— С вами все в порядке? — над ней наклонился негр, обутый в тяжелые башмаки строительного рабочего.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Керсти открыла глаза. От резкого света стало очень больно, и веки сами собой закрылись. Подождав немного, Керсти снова попыталась открыть глаза. Но теперь она делала это постепенно, открыв сначала маленькую щелочку, которая все расширялась, пока ее взгляд не выхватил кусок белого потолка. Разноцветные круги перед ее глазами лишь через какое-то время преобразились в фиолетовый свет люминесцентной лампы.

— Вы проснулись? — у молоденькой медсестры в белоснежном накрахмаленном халате была тихая умиротворенная улыбка.

Керсти покачала головой, тщетно пытаясь собраться с мыслями.

— Пойду обрадую доктора, мистера Кестлера, — медсестра, грациозно передвигая стройными ножками, уже направилась к двери без ручки, когда ее остановил взволнованный голос Керсти:

— Сестра, минуточку... Прошу вас... Как я попала сюда?

Керсти уже догадалась, что находится в больнице. Где же еще человека могли уложить на никелированную кровать, одеть в длинную белую рубашку прямо на голое тело?

— Сейчас к вам подойдут, — выслушав Керсти, указала сестра. Вставив в отверстие в двери отмычку, и открыв ею дверь, она вышла. По звуку поворачивающегося в замке ключа Керсти поняла, что дверь запирают снаружи. Сбросив одеяло, она спустила босые ноги с постели и бросилась к выходу.

Но тут дверь вновь открылась, и в палату вошел взъерошенный негр в небрежно накинутом на плечи голубом халате. На его толстом и коротком носу ярко блестели очки в тонкой золотой оправе.

— Вы, наверно, уже догадались — я доктор Кестлер, ваш лечащий врач, — гулким басом представился негр. Легонько подтолкнув Керсти к кровати, он с улыбкой прогудел: — Пожалуйста, вернитесь в постель, мисс.

— Мне нужно позвонить отцу. — Керсти в больничном халате до пят стояла около шкафчика с двумя створками из рифленого стекла.

— Это легко устроить, — доктор мягко улыбался, глядя на нее в темные линзы своих очков. — Но сначала вернитесь в постель.

— Поймите, это важно! — упорствовала Керсти.

— Сначала в постель.

Керсти послушно забралась под одеяло.

— Я дам вам телефон, как только мы поговорим. Что это такое? — доктор Кестлер вытащил из кармана шкатулку, поверхность которой была испещрена линиями и геометрическими фигурами.

— Вам это что-нибудь напоминает?... Вы так крепко держались за эту вещицу, словно в ней заключалась ваша жизнь или смерть.

— Я не помню, — Керсти наморщила лоб и потерла виски.

— Полиция захочет поговорить с вами, догадываетесь об этом?

— О, Господи, — предчувствуя недобро, вздохнула Керсти.

— Что же, — продолжал доктор, — может быть, это оживит вашу память, — положив шкатулку на тумбочку рядом с кроватью Керсти, он величественно удалился, не забыв закрыть за собой замок в двери.

— Черт! — выругалась Керсти и откинулась на подушку, вперив взгляд в экран работающего телевизора.

На экране плавно распускалась роза, демонстрируя чудеса синхронной съемки.

Память к Керсти возвращалась постепенно. Чтобы пугаться, она мысленно выстраивала события в хронологическом порядке. «Так. Мы ужинаем... или завтракаем? Мы завтракали с папой в китайском ресторанчике. Я иду домой, но передумываю и направлюсь к нему. Зачем? Эпилептикам нельзя смотреть ревизор — нелепо всплыло в сознании. — Так, это не то, — хладнокровно откинула ненужную мысль Керсти и посмотрела в потолок. — Зачем? Чтобы поговорить с Джулией: папа просил зайти. Понятно... Дальше, я захожу в дом. Крики о помощи. О, Боже! Из двери комнаты вываливается труп».

— Господи! — с нарастающим беспокойством прошептала Керсти. — Дядя Фрэнк. Иди к папочке... Боже мой... Шкатулка. Шкатулка?

Керсти резко повернула голову влево. Это движение отозвалось в висках тупой ноющей болью. На тумбочке рядом с кроватью стояла шкатулка. Керсти взяла ее в руки и повертела из стороны в сторону.

— Красивая... — Керсти нежно погладила ее по грани.

Вдруг она почувствовала, что шкатулка отзыается резким, похожим на разряд молнии, импульсом, пробежавшим по ее граням. От неожиданности Керсти выронила шкатулку из рук, и та упала на одеяло.

Пробежав еще раз по граням шкатулки, импульс ... исчез. Но исчез ли он на самом деле?

— *Caput Mortnum. Impered tibi Dominus per vivum et devotum serpentem...*

Керсти с ужасом взглянула на шкатулку.

С ней происходили какие-то изменения. Из центра квадрата медленно выползла крестовина, сделала полный оборот и вернулась на прежнее место.

— *Aquila errans, impered tibi Dominus per alas tauri*, — загробный голос произносил какое-то древнее заклинание, и звуки еще долго не стихали, ударяясь об стены тесной больничной палаты.

Внезапно Керсти вспомнила китайца Вонг-Хона, о котором рассказал ей Стив. «...Глава мертвых, пусть прикажет тебе Владыка, через живого и посвященного Змея». Древняя молитва для вызывания демонов и мертвцев... «Первой проснется Рыба... Они разобьют стеклянные и металлические преграды, и на сей раз их не удастся победить...»

— Боже мой. О, нет! — Керсти отогнала от себя эти мысли. — Что за бред... Это ведь всего лишь выдумка Стива. А молитва? Откуда взялась молитва? — Керсти взглянула по сторонам.

— *Flnat udor per spiritum Eloim*, — звучало в голове.

Испуская слепящие искры, от шкатулки отошел угол. Развернулся и застыл.

Стена покрылась рябью и... раздвинулась в стороны, открывая вход в подземелье с каменным сводом.

— О, Боже! — Керсти стало страшно, но повинуясь внезапному порыву, она сбросила одеяло и подошла к началу узкого коридора, заглядывая внутрь.

Где-то в глубине плакал ребенок. Эхо вторило его рыданиям троекратно повторяя их, и звуки затихали под каменным сводом, чтобы повторяться вновь.

Внезапно вспомнив свой недавний сон, Керсти отступила. «Папа, качающийся в гробу и протягивающий к ней полуистлевшие руки. Господи... этого не может быть. Это был сон. Всего лишь сон. «И чтоб сердцу легче стало, встав, я повторил устало...» — всплыла строчка из «Ворона».

Керсти усмехнулась и шагнула на каменный пол, повторяя про себя: «Это гость лишь запоздалый у порога моего. Гость, какой-то запоздалый у порога моего. Гость и больше ничего...»

От пола исходил холод, насквозь пронзивший тело Керсти в тонкой больничной рубахе. Шаг. Серо-зеленая плесень покрывает стены. Еще шаг. Цементные швы вылезают между кирпичами. Снова шаг. Где-то плачет ребенок.

Обхватив себя руками, защищаясь от холода и промозглой сырости, Керсти шла по полутемному коридору на зов ребенка, плачущего где-то впереди.

Свет становился все более тусклым по мере того, как Керсти удалялась от начала туннеля. Стоп! Какое-то движение в темноте.

— А-а-а-а! — закричала Керсти, бросаясь назад к выходу из туннеля.

Перебирая лапами по стенам, ее догоняло чудовище, похожее на рыбу с четырьмя руками, двумя головами и загнутым длинным хвостом.

Керсти, не оглядываясь и не чувствуя под собой бежала на свет, захлебываясь в крике.

Хлоп. Щелкнули где-то над ухом челюсти, обдав ее удушающим зловонием

«Еще немного...» Зубы щелкнули, пытаясь ухватить Керсти за развевающуюся белую рубаху.

Еще усилие! И Керсти, задыхаясь, бросилась на кровать, задев лежавшую на одеяле шкатулку.

Голубой разряд пробежал по шкатулке, медленно закрывая треугольник и смыкая стену. Где-то за ней билось чудовище, тщетно пытаясь выбраться наружу.

Стрельнув разрядом молний, шкатулка выпустила восемь лопастей.

— О, Боже! — Керсти кинулась к двери.

Включенный телевизор загудел на высоких свистящих нотах, по экрану поползли полосы.

— Откройте, откройте! — барабанила в дверь Керсти.

Восемь лопастей повернулись по часовой стрелке. Жидкость в висевшей над постелью капельнице окрасилась в красный цвет.

— Нет! — закричала Керсти, без сил опускаясь перед с дверью.

Лопасти шкатулки опустились в свободные проемы, образовав сложную тригонометрическую фигуру.

Красная жидкость переполняла капельницу, пока не взорвала ее, окрасив больничные стены в бордовый цвет. Телевизор последний раз звякнул, переходя на ультразвук, и разорвался на куски.

Керсти зарыдала.

Воздух в палате, испуская разряды, сгустился, образовав силуэты четырех монстров с обезображенными лицами, в длинных черных одеяниях стоящих возле плачущей Керсти.

— Нет! — кричала Керсти, бившаяся в истерике.

— Шкатулка! — утробным голосом проревело чудовище, лицо которого было сплошь утыкано гвоздями. — Ты открыла ее — и мы пришли.

— Это всего-лишь игрушка! — еще громче зарыдала Керсти.

— Нет! — покачав головой, пояснило чудовище, щеки и нос, у которого были проткнуты проволокой и острыми спицами. — Это средство вызывать нас.

— Кто вы?

— Мы исследователи далеких областей сознания, — произнес монстр с человеческой фигурой и вбитыми в голову гвоздями.

— Мы демоны для одних и ангелы для других, — продолжал третий. На глазах его были очки, пришитые к коже металлической проволокой, а щеки тяжелыми складками свисали на плечи.

— Это ошибка... ошибка! — по щекам Керсти ручьями текли слезы. — Я не хотела...

Ее крики и плач оборвал четвертый — у него были заросшие глаза и безгубый рот, он схватил Керсти сзади за волосы и намотал их на руку, покрытую струпьями.

— Мы не можем уйти, — замогильным голосом сказал монстр с пронзенными проволокой щеками. — Ты решила загадку шкатулки и... мы пришли. Теперь ты пойдешь с нами.

Безглазый дернул Керсти за волосы, вырвав длинную прядь.

— Испытать наши удовольствия, — продолжало второе чудовище. — Тебе они придутся по душе. Скоро весь мир пойдет с нами... Это эсхатология — преображение человека и всего космоса. Йоги и самоистязатели давно поняли это, замуровывая себя пожизненно в стену. Ты не можешь быть счастлива, не испытав адских мук. Ты не попадешь в Обитель, не истязав свою плоть.

— Уходите, уходите! — попросила Керсти, падая на колени. — Оставьте меня!..

— О-о-о, прекрасно — протянул монстр с гвоздями в голове, глядя на слезы Керсти. — Это трата хороших страданий.

— Подождите, подождите! — Керсти схватилась за ножку кровати.

— У нас нет времени с тобой спорить. Мы много таких обломали.

— Вы знаете дядю Фрэнка? — начала понимать Керсти.

- О, да.
- Он... он сбежал от вас.
- Никто не может просто так убежать от нас.
- Он сбежал! — заверила Керсти, уцепившись за надежду. — Ушел... Он жив...

– Даже если он и сбежал, какое это имеет отношение к тебе?
— раздался трубный голос проткнутого проволокой.

– Я могу привести вас к нему. И вы сможете забрать его с собой.

Чудовища переглянулись.

– Приведи нас к нему. А потом может быть... МОЖЕТ БЫТЬ... мы тебя отпустим. Но если ты нас обманешь!..

Палату прорезал свист цепи с острым крюком на конце, который пронесся в сантиметре от Керсти и вонзился в противоположную стену.

– Если ты нас обманешь, мы разорвем твою душу на куски.

Искрясь голубоватым светом, шкатулка приняла исходное положение и осталась на одеяле.

Керсти еле доползла до постели, почти теряя сознание.

Перед ней поплыли картины страшного суда.

Керсти подвешена за ноги к перекладине. К ней подходит священник в власянице с раскаленными добела щипцами: «Ты не попадешь в Обитель, не истязав свою плоть».

Рубашка сползла с Керсти, закрыв ей лицо, она уже больше ничего не видела, только голос, мешая языки, пронзил перепонки:

– Глава мертвых! Imperet tibi Dominus per vivum et devotum serpentem!

– Блуждающий орел...

Прикосновение раскаленных щипцов обожгло Керсти...

– Папа! — закричала она. И очнулась.

Проведя ладонью по лицу и окончательно приходя в себя, Керсти соскочила с кровати и подбежала к окну.

Джулия сидела в гостиной, безвольно откинувшись на спинку дивана. Не сводя глаз с хрустального шара, она пыталась разобраться в своих мыслях.

«Это конец, — думала она, — Все кончено... А может, не все?.. Ларри, бедный Ларри. А такой ли бедный? В сущности, я никогда не любила его. Мне было хорошо с ним, но любовь... Фрэнк — это дело другое. Наедине с ним я была лишь один раз, и вся моя жизнь перевернулась вверх дном. Я даже рассказала ему, что раньше была танцовщицей в стриптиз-баре, о чем

никогда не говорила Ларри. Он думает, что я гостила у каких-то родственников в Германии... пусть думает».

Джулия вспомнила слова хореографа, ставившего ей пластику: «Все мужчины смотрят на тебя, на твоё тело, на плавный изгиб твоей фигуры», — и усмехнулась. Он давно уже в могиле, убитый оскорблённым мужем, заподозрившим свою жену в неверности.

«Как его звали? Кажется, Генрих. Да, да, Генрих Збышек. Он еще стыдился своей польской фамилии и просил называть его просто Генри».

По хрустальному шару, лежащему в двух позолоченных ладонях, пробежала дымка, его полированная поверхность заволоклась пеленой, он перестал отбрасывать серебристые блики света.

Джулия провела рукой по глазам, но пелена не исчезала. Сквозь нее отчетливо простирали контуры человеческого лица: серого и обезображенного до неузнаваемости. Это был Генри.

— Господи, — промолвила Джулия, неотрывно смотря на шар.

Генри явно пытался что-то сказать, но металлическая проволока, прорывающая его губы, крепко стягивала их. Видение исчезло. По шару вновь пошли полосы ряби. Открывшаяся картинка изумила Джулию. Ссохшаяся, покрытая трещинами земля, лишенная растительности, уходила к изгибающемуся вверх горизонту. Над горизонтом в зените стоял вытянутый граненый ромб, отбрасывающий тусклые лучи света. Справа вдалеке трудились люди, возводя какое-то сложное ячеистое строение.

Картина сдвинулась вперед, увеличивая изображение, стало лучше видно людей, копошащихся среди каменных глыб. Если не считать набедренных повязок, люди были совершенно обнажены. Скованные шесты у них на плечах связывали людей попарно. Одна нога у каждого была плотно охвачена обручем, связанным цепью с железным шаром. Тела их покрывали раны и синяки от побоев. Один из узников поскользнулся на качнувшемся камне и, роняя соседа по бревну, упал, ударившись об острый скалистый выступ.

В воздухе появилась сеть разрывов и возник еще один человек в длинном черном одеянии с плетью в пучках. Он размахнулся и огрыз упавшего. Плеть опустилась на спину, вырывая куски мяса. Поскользнувшийся поспешил подняться, однако новый удар бросил его на колени. Кровь брызнула во все стороны. Человек с плетью обернулся.

— О, Боже! — Джулия зажала рот рукой.

На нее смотрел чудовищный монстр из комиксов. Верхняя половина его лица была нормальной, а нижняя представляла собой машину для резки бумаги.

— Ты будешь здесь! — прокрипели ножи, и поверхность хрустального шара, став сначала матовой, вернулась в обычное состояние.

Джулия сидела, поджав под себя ноги, и не могла думать больше ни о чем, кроме смерти:

«Да, конец близок... Керсти заявит в полицию. Во что бы то ни стало надо выпутаться из этой истории. Ведь это я, Джулия, убила трех людей. А Фрэнк? Он что — невиновен? Виновен, но убила их я. Хотя нет, не трех, а двух. Но это дела не меняет, все равно... электрический стул. А ведь я еще так молода... Самый возраст, чтобы жить... жить... жить! Полиция не поверит, что он заставлял меня, если его не будет, никто не сможет доказать этого. Но Фрэнк... Любимый Фрэнк... Я люблю тебя, даже сейчас. За будущее, в котором мы, возможно, будем вместе. Надо убрать эту девчонку — Керсти и... Ларри. Да, и Ларри. А потом уехать. Уехать отсюда навсегда. Уехать вместе с Фрэнком. Но смогу ли я убить Ларри? — она представила его себе — в шляпе и в светлом плаще. Он как бы покачал головой, и видение исчезло. — Смогу ли я? — вновь задала себе вопрос Джулия. Надо! Иначе... смерть от электрического тока. Что такое смерть? Что будет с ней, Джулией, после смерти? — Она вспомнила деревянный столб, крутящийся на своей оси, из рассказа Фрэнка. И это... внезапное откровение в хрустальном шаре. Хлоп! Из-под кожаного с зазубринками бича хлынула кровь, клочья раздираемой плоти упали на камни, — Джулия внутренне содрогнулась. — Горизонт, загибающийся кверху? Не это ли имел в виду Артур Мейген в своем трактате о полости Земли? Только он утверждал, что мы живем на внутренней поверхности... а что, если мы будем там? После смерти. Может быть это просто выдумка? Большой мозг Джулии сам все это придумал? Нет никаких кенобитов с чудовищными лицами, нет ада... только рай. «Если будешь кушать манную кашку — будешь блаженна на небесах,» — твердила в детстве Джулии ее набожная мать. Как глупа она была со своей слепой верой в католического Бога. Где она сейчас? У кенобитов? Лучше пусть после смерти ничего не будет, только покой. Словно отзыаясь на ее мысли, шар подернулся пеленой, выхватив откуда-то изнутри взмах белоснежного крыла на голубом фоне, и снова стал хрустальным.

— Господи, прости меня. — пролепетала Джулия и неровной походкой пошла в комнату Фрэнка.

У двери она остановилась и снова попыталась стать сама собой, стараясь не думать о смерти. «Нужно жить в данный момент. Жить вместе с Фрэнком», — решила она и открыла дверь.

Фрэнк ходил по комнате, заложив руки за спину.

— Надо стучаться, моя прелесть! — оскалился он.

Не ответив, Джулия закурила и присела на подлокотник кресла.

— Ну... кажется, все. Эта девчонка... — произнесла Джулия и посмотрела на Фрэнка.

— Не думай! — оборвал он. — Она сначала захочет предупредить Ларри.

Внизу раздался телефонный звонок.

— Не подходи! — остановил Джулию Фрэнк, схватив за руку.

Она опустилась в глубокое кожаное кресло, вздрагивая от каждой трели аппарата,

— Это, наверно, она или полиция, — обреченно произнесла Джулия, стряхнув пепел на подлокотник.

— Это не играет никакой роли, черт возьми!

— Тебе что — все равно?

— Мне важнее новая кожа, — выпалил Фрэнк, всаживая нож глубоко в дверцу шкафа.

— Может, нам лучше уехать? — спросила Джулия, теребя на груди черные бусы.

— Вот как! — Фрэнк рванул рубаху, вырывая пуговицы, обнажая голое мясо у себя на груди, — Посмотри на меня!

Джулия бросила на него беглый взгляд и сделала сильную затяжку.

— Но мы не можем оставаться здесь.

Телефон еще раз прозвенел и замолчал.

— Мой брат скоро вернется...

Как будто в подтверждение его слов внизу раздался звук вставляемого в скважину ключа и скрип открывающейся двери.

Джулия поспешила вниз, оставив Фрэнка в одиночестве.

— Что случилось? — Ларри увидел белое без кровинки лицо Джулии.

— Я не знаю, с чего начать, — Джулия запнулась и побледнела еще больше.

— О чём ты?

— Лучше, если ты увидишь сам, — ответила она и направилась к лестнице, — пойдем...

Ларри, удивленный, последовал за ней, поднимаясь по деревянным, стертым от времени ступеням.

— Я оставила ее здесь, в безопасности. Она лежала совершенно спокойно, — оправдывалась медсестра, стараясь не смотреть в глаза стоявшему возле нее молодому человеку в черной клетчатой рубашке и слегка вылинявших джинсах.

— Но сейчас-то ее здесь нет! — негодовал Стив.

— Это был он.

— Нет, — сестра еще раз взглянула на пустую постель и стену, обагренную кровью.

— Я позову доктора и схожу поищу ее, — сестра направилась к выходу, но остановилась, окрыленная внезапным прозрением. Она повернулась к Стиву.

— А может, она решила вернуться в дом своего отца?

— А кровь на стене и весь этот бедлам в комнате?

— Не знаю, — медсестра заплакала, уткнув в платок свое прелестное лицо.

Стив вышел из здания больницы, размышая о том, что могло здесь случиться, и с мрачным предчувствием направился к автобусной остановке.

Мимо него с воем пронеслась полицейская машина и остановилась около больничного корпуса.

— Папа, это я! — барабанила Керсти. — Открой мне дверь!.. Папа,пусти меня!..

— Керсти? — открывая дверь, спросила Джулия. — Но сейчас уже поздно.

— Где отец? — оттолкнув Джулию, крикнула Керсти.

— В чем дело? — Джулия закрыла дверь на замок.

— Я хочу видеть своего отца!

— Ради Бога!

— Где он? Где он? — повторяла Керсти, прорываясь в гостиную. На крик вышел Ларри.

— Папа! — воскликнула Керсти, увидев отца, направляющегося к ней. — Папа, с тобой все в порядке... Слава Богу!

— Ну-ну, девочка, — выдавил Ларри, прижимая плачущую Керсти. — Все хорошо!

— Я так боялась, — всхлипывала Керсти, — Все думала, что с тобой что-нибудь случится.

— Я знаю, — Ларри отстранился и плеснул себе в стакан изрядную порцию виски.

— Мне надо поговорить с тобой.

— Конечно, — Ларри сделал глоток. — Джулия все мне рассказала.

— Нет! — возразила Керсти. — Не все. Твой брат Фрэнк... Он наверху... Он попытается убить тебя. Он восстал из ада.

— Ну-ну, спокойно, детка, — сделав еще один изрядный глоток, хладнокровно промолвил Ларри, блеснув глазами. — Подожди. То, что сделал Фрэнк, это ужасно, — это невероятно, но поверь мне — теперь с этим покончено-

— Почему «покончено»? — перестав плакать, переспросила Керсти.

— Его нет.

— Что значит «нет»?

— Он мертв, Керсти. Он был безумен. Сумасшедшая собака. Пришлось избавить ее от мучений.

Ларри поставил стакан с недопитым виски на мраморную облицовку камина.

Джулия подошла к ним и взяла стакан, предварительно бросив кусочек льда.

— Ну, а ты... — Ларри взял Керсти, у которой снова на глаза навернулись слезы, за подбородок. — Что за сцены?

— Я пойду в полицию и постараюсь им все объяснить.

— О, Господи... Где уж им понять, если я и сам не понимаю. Думаешь, они поверят нам. Во все эти бредни про кенобитов, Фрэнка, который вышел из могилы, чтобы убить меня. Он что, сделал тебе больно, детка?

— Да нет, со мной порядок.

— Ему лучше оставаться мертвым. Мы его расчленим и выкинем в мусорный контейнер. Бедный Фрэнк! Он был моим братом.

— Я не могу, не могу поверить в это!

— Поверь.

— Я успокоюсь лишь тогда, когда увижу его.

— Нет, нельзя, он страшен...

— Я должна...

— Покажи ей, — кивнул Ларри стоящей рядом Джулии.

Они поднялись наверх. Джулия пропустила Керсти вперед, открывая дверь в комнату. Сквозняк из разбитого окна шевельнул волосы Керсти. Она шагнула в комнату, взглянула на пол, и из ее груди вырвался крик. Расширенными от ужаса глазами она смотрела на человека, лежавшего на полу. Безгубый рот, казалось, улыбался, а остекленевшие глаза остановились в какой-то точке на потолке.

Он был мертв.

Дверь за спиной Керсти резко захлопнулась — то ли от сквозняка, то ли ее закрыл кто-то из коридора. В комнате повеяло холодом. Сырость появилась так же внезапно, как внезапно начал густеть воздух. Зеленая плесень выступила из бумажных обоев. Откуда-то, но не из разбитого окна, потянул ветерок.

Холод забрался Керсти глубоко под кожу, заставляя ее покрыться мурашками. Ей захотелось убежать. Убежать из этой комнаты, но страх пригвоздил ее ноги к полу. По сгусткам воздуха пробежал электрический разряд, очерчивая силуэты четырех кенобитов. Они стояли перед Керсти спокойно и невозмутимо.

— Нам нужен человек, который сделал это.

Гвозди торчали в голове говорившего кенобита, разделяя ее на ровные квадраты.

— Нет, мы так не договаривались! Это мой отец и вы не можете его забрать!

Керсти собрала в кулак все свое мужество и рванулась к выходу. Дверь поддалась и распахнулась. На лестнице путь ей преградила Джулия.

— Пусти, Джулия! Пусти! — Осознав, что та не собирается уходить, Керсти изо всей силы ударила ее плечом.

Джулия пошатнулась, освобождая Керсти путь. Ларри спешил к ней.

— В чем дело? — спросил он. — Что происходит?

— Нет времени! — подбежала к нему Керсти.

— Подожди! Подожди... Я же тебе сказал — все кончено.

— Нет, нам нужно бежать отсюда.

Керсти тряслась Ларри за плечо, пытаясь убедить его.

— Останься с нами, мы можем быть счастливы здесь...

Керсти перестала трясти Ларри, что-то неуловимое подсказало ей ...

— Иди, иди к папочке, — приближаясь к ней, говорил Ларри.

— О, Господи!

— Иди к папочке!

Он резко выбросил руку вперед и схватил Керсти. Девушка закричала, дернулась, взмахнула свободной рукой и ее длинные ногти вонзились ему в щеку. Кожа на лице Ларри натянулась и лопнула, обнажая белые сухожилия. Он отпустил ее руку, хватаясь за щеку и стараясь вернуть свисающий лоскут на место. Керсти дернулась в сторону и почти упала на Джулию, согнув в локте правую руку, та прижала шею Керсти к своей груди.

— Фрэнк, я держу ее! — крикнула Джулия.

Фрэнк взглянул на них, прижимая разорванную кожу к деснам.

— Ну, вот что, девочка, — обратился он к Керсти, задыхающейся в руках Джулии. — Хватит нам играть в кошки-мышки. Пора все разложить по полочкам.

Щелкнув, лезвие ножа выскоцило из ручки и грозно сверкнуло в лучах света.

Керсти забилась, пытаясь вырваться из захвата Джулии и не сводя глаз с лезвия.

Фрэнк подходил все ближе, и нож его был хищно выставлен вперед.

Изловчившись, Керсти ударила Джулию локтем в солнечное сплетение, та вскрикнула и выпустила ее

Удар ножом пришелся в живот Джулии. Она удивленно смотрела на Фрэнка, медленно сползая спиной по стене.

Выдернув нож из живота Джулии, Фрэнк схватил ее за волосы, не давая телу рухнуть на пол.

Наклонив голову к шее Джулии, он жадно впился в нее зубами, разрывая артерию.

Керсти бросилась вверх по лестнице и заметалась на площадке. Открыв дверь черного хода, она бегом спустилась вниз и убедилась, что наружная дверь закрыта на замок.

— Где ты там, красавица? — услышала она далекий голос и шаги поднимающегося по лестнице Фрэнка.

Не зная, что делать, Керсти выбежала на лестничную площадку.

Голос Фрэнка звучал где-то в спальне.

Повинуясь внезапному порыву, Керсти забилась в чулан. Там было темно и сухо. Ее рука нашупала дверцу старого шкафа и рванула ее на себя. Из шкафа с грохотом вывалилась статуя Иисуса Христа с лампочками вокруг головы.

«Что делать? Что делать? — лихорадочно думала Керсти в поисках выхода! — Иди к папочке...» Она дернула другую дверцу шкафа. Внутри было пусто. Керсти влезла внутрь и затихла.

Сердце ее гулко билось, готовое в любой момент вырваться наружу. «Только бы этот стук не выдал меня», — подумала Керсти и прислонилась к задней стенке. Стенки не было.

Керсти взмахнула руками и уцепилась за перекладину для вешалок. Сзади зияла пропасть.

— Керсти, помоги мне... — услышала она чей-то далекий и очень знакомый голос, доносившийся из бездны, — Спаси меня... я Джулия.

Из пропасти высунулось чудовище с безумными вы» таращенными глазами. Оно открывало рот, из которого в темноту сыпались зерна овса.

Керсти закричала, и, толкнув дверь шкафа ногой выскочила в чулан. И тут же услышала шаги Фрэнка, который возвращался с черного хода. Обливаясь слезами, Керсти метнулась в комнату, где на полу с содранной кожей лежал ее мертвый отец, все так же смотревший в одну точку на потолке.

— О, Господи! — Керсти, рыдая, подошла к мертвому и опустилась рядом с ним на колени. — Папа!.. Мой папа...

За ее спиной раздался щелчок ножа, выпускающего лезвие.

— Не скорби по нему. Он не стоит этого, поверь мне, девочка! — улыбнувшись, сказал приблизившийся к ней Фрэнк.

— Ларри был мертв задолго до того, как я содрал с него шкуру.

— Ублюдок! — Керсти выпрямилась и плонула Фрэнку в лицо.

Фрэнк утерся рукавом.

— Успокойся, девочка — ласково обратился он к ней. — Все в порядке. Фрэнк здесь.

— Грязная свинья!

— Добрый, старый дядя Фрэнк, — самодовольно улыбаясь, продолжал он и снова покрутил ножом, подойдя к ней.

В комнате послышалось какое-то движение, раздался скрип вращающихся деревянных блоков.

— Это еще что за черт? — Фрэнк обернулся: перед его округлившимися глазами стоял, медленно вращаясь, деревянный столб с воткнутыми в него топорами.

— *Caput Mortnum, imperet tidi Dominus per vivum et devotum serpentem*, — зазвучал голос, гулко отражаясь от стен.

Из угла комнаты, рассекая воздух, вылетели две цепи с крючьями на концах и вонзились в лакированную поверхность платяного шкафа. Дверцу покрыла сеть трещин с эпицентром у впившихся в дверь крючьев.

Столб медленно вращался, разматывая свисающие сверху цепи и скрипя в блоках под собственным весом.

— *Fiat firmantum per Jahuve hu Zeboath...* — декламировал кто-то обрывок заклинания.

Пространство вокруг Фрэнка и Керсти вздрогнуло и выпустило из себя очередь вспыхивающих молний. Оставшееся в окне стекло расплавилось, обдав их жаром. Крупные горячие капли стекали на пол, скользя по подоконнику. Разряды усилились, освещая силуэты четырех кенобитов, еще некоторое время обволакиваемых сетью голубых взрывов.

— Фрэнк! — скрестив руки на груди, сказал кенобит с вбитыми в череп гвоздями в развевающейся черной мантии. — Мы пришли за тобой!

Эхо разнесло обращение, повторяя последний слог.

— Нет! — в ужасе закричал Фрэнк, пятясь назад.

— Вот мы и встретились, — продолжил кенобит с проткнутым спицей носом и шеей, растянутой на металлических штырях. — Я вижу, ты готов следовать за нами.

— Это ты меня подставила! — Фрэнк обернулся, злобно посмотрев на Керсти.

Керсти стояла рядом с ним, жалкая и растрепанная.

— Сука! — Фрэнк замахнулся на нее ножом.

Послышался свист — и его рука оказалась оттянутой крюком, впившимся в кожу.

Закричав от боли, Фрэнк выпустил зажатый в кулаке нож.

Не в силах шевельнуться или вымолвить слово, Керсти смотрела, и ее память впитывала все до мельчайших деталей. Со всех сторон во Фрэнка летели крючья, растягивая его в разные стороны, распиная на цепях.

Швы, которые Джулия наложила на спине Фрэнка, начали расползаться. Кожа оттянулась, вся в рваных Дырках от крюков, готовая в любое мгновение разорваться.

— Да будет проклят Иисус, — с трудом шевеля уродливо растянутым ртом вымолвил Фрэнк, его глаза блаженно сверкали. — И имя его...

Цепи со звоном натянулись, разрывая Фрэнка на части, бесформенными кусками свисающими с крючьев, пачкающими пол и стены следами крови.

Керсти дико закричала и выбежала из комнаты.

На лестнице ее встретил кенобит с проколотыми проволокой щеками и серпом вместо руки. Он сделал выпад — серп глубоко вошел в стену.

— Надеюсь, ты не покинешь нас так быстро? — спросил кенобит и двинулся к ней, оставляя серпом на стене неровный глубокий след.

Темные капли крови выступили из поврежденной стены. Собравшись вместе, они тоненькими ручейками заскользили вниз по стене.

Где-то грохнул колокол, и словно эхом ему за окном раскатился оглушительный удар грома. Керсти нырнула в открытую дверь спальни.

Посреди комнаты стояла большая кровать, из-за которой поранил руку Ларри. На ней покоилось обнаженное тело Джулии, закованное в цепи. На ее синем отекшем лице играла

злобная усмешка, мертвые руки сжимали сложную фигуру раскрытой шкатулки.

— У нас есть, что показать тебе, — утробным голосом изрек кенобит, появляясь за спиной Керсти в дверном проеме. — Любой эстет отдал бы половину своей никчемной жизни только за то, чтобы одним глазком увидеть это. Только в нашем мире ты сможешь ощутить все великолепие и радость бытия.

Сбоку от Керсти послышался треск разрывов и из стены появилось чудовище в круглых очках, пришитых к лицу.

Керсти выхватила из рук Джулии шкатулку и с силой надавила на восьмигранную звезду, выбивающую свои тупые лучи из квадрата кубика.

По шкатулке пробежал импульс, звезда поддалась, медленно вытягивая свои лопасти из недр шкатулки.

— Ты пожалеешь об этом! — грозно произнес кенобит с серпом вместо руки.

— Пошел в ад! — крикнула Керсти, предчувствуя скорую победу.

Между тем, звезда выдвинулась и повернулась против часовой стрелки. Опустившись, она привела в движение другую фигуру.

По фигуре кенобита пробежала ослепительная голубая дымка, и он с криком исчез, провалившись в Бездну, оставляя, как напоминание о себе, изуродованную стену.

— Черт! — Керсти, заметив выдвигающуюся на поверхности шкатулки середину, попыталась вогнать ее обратно.

Стены дома задрожали, с потолка посыпалась штукатурка.

— Не стоит стараться, — сказал кенобит, голова которого была покрыта не до конца забитыми в нее гвоздями.

Керсти с силой двинула по стене выдвинувшейся серединой шкатулки, ободрав в этом месте обои.

У шкатулки повернулась и встала ромбом одна треть.

Оставшиеся кенобиты продолжали медленно приближаться к ней.

Где-то громко затрещало дерево, грозясь вот-вот упасть.

Керсти ударила шкатулкой по стене еще раз.

Середина шкатулки вошла вовнутрь, испуская слепящие разряды молний.

С криком исчез один из кенобитов, щеки которого свисали до самых плеч. Треть шкатулки вернулась на свое место, выдвинув и повернув в исходное положение крестовину.

Безглазый кенобит, бессильно щелкнув челюстями, покрылся сетью огненных взрывов и тоже отправился в ад.

— Мы еще встретимся!... И не будет тебе пощады! — успел пообещать кенобит с гвоздями перед тем, как его последний крик разнесся по всему дому.

Керсти в изнеможении опустилась на пол, все еще сжимая в руках шкатулку, из которой непрерывно шли импульсы.

В темном проеме окна бушевала гроза, пронзая небо огненными стрелами.

— Керсти! Керсти! — услышала она доносившийся снизу голос Стива.

Она попыталась встать, но силы оставили ее, и ей с большим трудом удалось подняться.

В холле послышался звон разбивающегося стекла. Выйдя на лестничную площадку, Керсти увидела Стива, бегущего ей навстречу.

Дом задрожал под мощнейшим ударом грома, с потолка посыпалась штукатурка.

Здание начало рушиться изнутри. Балки перекрытий падали, поднимая вверх тучи пыли и мусора. Едкий дым заставлял слезиться глаза и проникал в легкие.

Стив закашлялся, остановившись на половине лестницы, и Керсти сама спустилась к нему, падая от слабости.

— Слава Богу, с тобой все в порядке! — воскликнул Стив, обнимая ее.

— Стив... папа... — только и смогла вымолвить Керсти, разрыдавшись.

Шкатулка в ее руках пришла в движение, поворачивая один из углов.

— О, Боже, — прошептала она. — Нет!

— Что такое? — спросил Стив. — Уходим отсюда. Быстрее!

Дом снова раз задрожал под ударами грома, но выстоял. Словно проснувшийся Адонаи, сокрушающий невидимых врагов, еще один мощный раскат грома прокатился по небу.

Стив непонимающе смотрел на шкатулку.

Пирамида повернулась и застыла, отворяя врата ада. Из глубин образовавшегося туннеля послышался рев. Быстро перебирая четырьмя лапами-плавниками, на них надвигалось огромное чудовище с рыбьим хвостом, хватая воздух двумя пастьюми с несколькими рядами зубов в каждой.

Прежде, чем Стив и Керсти успели сообразить, в чем дело, чудовище выскочило из туннеля и бросилось в сторону Керсти.

Выхватив валявшуюся в холле бутылку из-под виски, Стив с силой опустил ее на голову Рыбы.

Взвизгнув, Рыба отбросила Стива ударом хвоста с двумя клыками на конце.

Керсти рванулась к Стиву, выронив шкатулку. Чудовище повернулось за ней, пытаясь схватить ее за край выбившейся блузки.

Шкатулка ударила об пол острием вышедшей пирамиды и выбросив сноп сверкающих искр, собралась, вгоняя ревущее чудовище в жерло туннеля и закрывая за ним стену.

Керсти упала на коврик и разрыдалась. Склонившись над ней, Стив, нежно погладил ее по голове, все еще сжимая в кулаке горлышко разбитой бутылки.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

На улице моросил мелкий дождь, покрывая рябью большие лужи, оставшиеся от недавнего ливня. Наступающая осень давала о себе знать во всем: во внезапном порыве холодного ветра, принесенного циклоном из Арктики, и в опавшей листве на обочинах дорог.

Керсти и Стив, стоя рядом, смотрели на огонь, весело пожирающий собранную ими желтую листву и мусор. Сняв с себя куртку, Стив набросил ее на плечи Керсти, ее белая блузка была от воротника до подола разорвана в клочья.

Керсти просунула руки в рукава теплой куртки и крепче прижалась к Стиву, у которого рубашка уже начала промокать, прилипая к спине.

Они не видели бородатого человека, закутанного в поношенный зеленый плащ, который пристально наблюдал за ними из-за ветвей росших неподалеку деревьев. Все, что с ними произошло, казалось теперь неправдоподобным и нелепым. Если бы не смерть Йарри и Джулии, да не полуразрушенный мрачный дом на холме, требующий теперь основательного ремонта, все можно было бы списать на игру воображения. Да если бы еще не эта шкатулка в руке Керсти, тусклым мерцанием отзывающаяся на далекие разряды молний в грозовом небе.

Керсти еще раз взглянула на удивительную вещицу и, не раздумывая, бросила ее в огонь.

Отделившись от группы стоящих неподалеку деревьев, к ним быстро направилась тень. В ней легко угадывался человек с растрепанной бородой и безумным взглядом, чуть ли не бегом спешащий к огню. Поровнявшись с молодыми людьми, он быстро наклонился и выхватил шкатулку из костра. Вероятно, он слишком близко подошел к огню. Ветхий плащ вспыхнул, и человек исчез в столбе пламени. Вдруг в глубине огненного вихря захлопали крылья, и из него вылетел скелет птеродактиля с натянутыми между костями полусгнившими перепонками. Взмывая в воздух с пронзительным криком, он цепко держал в своих страшных когтях шкатулку, поверхность которой была покрыта сетью ослепительно ярких огней.

ОЛАРД ДИКСОН

ПЛЕННИКИ АДА

Olard Dixon
«HELLRAISER II: HELLBOUND»

Перевод с английского

Олард Диксон
«ВОССТАВШИЙ ИЗ АДА II:
ПЛЕННИКИ АДА»

Самая опасная демонская ересь – отрицание демонов и существования ада.

Генрих Инститорис

... А человек взывает ко злу так же, как он взывает к добру; ведь человек терпелив.

Коран 17:12 (11)

... тела человеческие, наделенные душой и жизнью, не только не распадаются и не разлагаются после смерти, но бытие их продолжается и среди мук вечного огня.

Святой Августин «Град Божий»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Доктор Женарт сидел в крутящемся кресле и задумчиво смотрел на пациента, время от времени записывая что-то в историю болезни — толстый растрепанный том, лежащий перед ним на столе. Его тонкие аристократические пальцы нервно теребили синюю перьевую ручку, заставляя ее очерчивать в воздухе невидимые фигуры.

Еще в колледже он пытался избавиться от этой привычки, скрывая от всех свою нервозность, но после бесчисленных и

безрезультатных попыток плонул и оставил все как есть. Сейчас ему уже перевалило за сорок, наметилось круглое брюшко — факт пока не дающий о себе знать, но тем не менее довольно неприятный. Прямые черные волосы доктор Женарт тщательно зачесывал назад, открывая миру свой высокий покатый лоб.

Кабинет, в котором принимал своих пациентов доктор Женарт, имел квадратную форму, стены его были выкрашены в ярко-желтый цвет. Они были абсолютно голые, лишь небольшой плакат, изображающий человеческую голову в разрезе, одиноко висел над сейфом в углу.

Перед столом, прикрученный к полу винтами, стоял высокий, грубо сколоченный табурет, на котором, как на коне, восседал худенький человек в желтой пижаме. Он все время поправлял очки на носу и размахивал руками.

— Ну-с, что же вы замолчали, — обратился к нему Доктор Женарт, привычно растянув губы в деланной, все понимающей улыбке.

— Прислушайтесь, — прошептал пациент. — Слышите, как мысли уходят, пронзая пространство... Вы слышите, как токи создают энергию, способную разорвать все на своем пути?

— Простите я что-то не понимаю. О чем вы?

— А вы внимательно проследите за движением разума. Вот ОНА... МЫСЛЬ, а вот ее уже нет... Куда она делась? Не знаете?

— Не знаю, — согласился доктор.

— А я знаю. — Пациент замолчал, самодовольно подбоченившись и взирая вокруг с видом полнейшего превосходства.

— Ну, хорошо. Если вы знаете, поделитесь со мной. Я ваш лечащий врач — все останется между нами.

— Вы действительно никому не скажете? — засомневался больной.

— Обещаю, — положа руку на историю болезни, торжественно произнес доктор Женарт.

Пациент поерзал на табурете и сказал, понизив голос до шепота.

— Наши мысли, уходя из сознания, порождают отрицательную или положительную энергию. Эта энергия — продукт распада эмоций. Она может пробить стену, взорвать мир, — вещал он, форсируя голос. — Ей не нужно прохода, она не материальна, как пища. Но она колоссальна!

— Так, так. Это интересно! — доктор Женарт многозначительно качнул головой, с трудом подавляя желание зевнуть.

— И после смерти, — больной снова перешел на еле слышимый шепот, — из ячеек мозга высвобождается значительное количество энергии, ее еще называют душой. Да что душа, Дьявол — сгусток энергии, неважно — негативная она или позитивная. Энергия стремится к своему заряду и отталкивается от противоположного. Не так ли?

Женарт мучительно вспоминал что-нибудь из области школьной физики, он поднял брови и открыл было рот, но, к счастью, пациент перебил его, не дав сказать ни слова.

— Не здесь ли идет вечная борьба добра и зла, Бога и Сатаны! Кто такой Дьявол? Это не материальный, это эфирный образ. Он может показываться людям в любом обличье, причем сгусток энергии принимает именно тот вид, который ассоциируется у конкретного индивидуума с нечистой силой. В Средние века это был козел, в наше время — НЛО. Все прогрессирует, все развивается. Человек сам породил Дьявола, своей негативной энергией, своей жадностью, своей жестокостью, своей необузданностью! И он поплатится за это!

— Так, понятно, — доктор Женарт покрутил в воздухе ручкой. — А почему же эта энергия приносит людям столько несчастий? Ведь, по вашим словам, это человек породил ее.

— А разве продукты отходов вашей пищи не пачкают вам руку?

— С этим трудно было не согласиться, и Женарт нажал на кнопку, прикрепленную к внутренней поверхности его стола.

Где-то за дверью, в коридоре раздался еле слышный звонок. Дверь открылась, и в приемную вошли два мощных молодца с квадратными челюстями; голубые халаты без рукавов на них казались детскими майками, напяленными на греческие статуи олимпийских атлетов.

— Уведите, — бросил им Женарт.

— Подождите! — запротестовал больной, видя, что голубые гиганты уже зашли ему за спину. — Я вам не все сказал... Я знаю, как уничтожить эту энергию, применив ее потенциал...

— Уведите, — еще раз жестко повторил доктор.

— На терапию? — деловито спросил его один из санитаров.

— Нет, в одиночку. И тащите ко мне этого... как его... — он перевернул другую папку, лежащую на его столе, — Брауна.

Дверь за санитарами захлопнулась.

«Кто они, эти психи? — хмуря брови, думал Женарт, водя ручкой по чистому тетрадному листу. — Люди с ненормальной психикой?» Добрая половина пациентов сходит с ума без всякого видимого повода. По крайней мере, с медицинской точки зрения их мозг вполне нормален. Истинная причина многих помешательств — демоническая одержимость. А происходит это потому, что их угораздило взглянуть на вещи, которые человеку видеть не положено.

И доктор знал это. Недаром, посвятив психоанализу половину своей жизни, он никак не мог найти ответа на мучивший его вопрос.

В дверь постучали, она открылась. Те же два здоровенных санитара появились с другим пациентом — он был в смирительной рубахе, рукава которой были связаны за спиной.

Усадив больного на табурет, напротив Женарта, они удалились, защелкивая за собой замок двери. Связанный пациент демонстративно отвернулся, проявив интерес к висевшему в углу плакату с изображением человеческого мозга.

— Ну, что вы, мой дорогой, — в голосе доктора появились ласковые нотки. — Не надо нервничать, мистер...

Женарт еще раз перевернул увесистую историю болезни и взглянул на имя.

— ...Мистер Браун!

— Я уже сто пять лет здесь, а вы все еще не знаете, как меня зовут, — заметил Браун.

— Извините меня, пожалуйста. Я постараюсь запомнить ваше имя.

— Снимите с меня эту чертову рубаху!

— Я думаю, не стоит. Вы помните, как вы вели себя во время нашей последней встречи?

Сморщив лоб и походя на растревоженного сыча, пациент сказал:

— Этого больше не повторится. Нам ведь так много нужно сказать друг другу.

— Надеюсь, — Доктор поставил ручку в стаканчик с карандашами, положил руки перед собой и сцепил их в замок. — В

прошлый раз мы говорили, с вами, кажется, о вечности. Не продолжить ли нам разговор, м-м-м-мистер Браун?

- Почешите мне нос!
- Перегнувшись через стол, Женарт выполнил просьбу.
- Вы очень любезны, — поблагодарил больной.
- Итак? — произнес доктор.

– Значит, насколько я понимаю, вам тоже захотелось жить вечно, не старея, как я? Ну, что ж, похвальное желание. Но его одного мало. На вашем месте, сначала я постарался бы узнать механизм действия. Начнем с того, что, как утверждал в своих парадоксах греческий философ Зенон, движение невозможно, ибо чтобы достичь цели, движущийся объект должен пройти половину расстояния, а до того — половину половины, а еще раньше — половину той половины и так далее. Думаю, старик из Элея знал, что говорил, хотя жил давненько — умер он где-то в 430 году до новой эры. А век спустя китайский софист Уй Цзы доказывал, что палка, у которой ежедневно отрезают половину, бесконечна. Но ведь то же можно сказать и о цифрах. Ни одно число не имеет непосредственно за ним следующего или ему предшествующего.

Доктор взглянул на Брауна с интересом и взял из стаканчика ручку.

– Итак, что стоит между единицей и двойкой? — пациент задал этот вопрос и ждал ответа, улыбаясь, словно понимал, что все сказанное доктором будет обычной глупостью.

- Полтора...

– А между полутора и двойкой? Видите... Всегда найдется число, которое можно поставить перед предыдущим. Отсюда вывод — между ними бесконечность. После каждого числа и перед ним — пропасть, края которой приближаются, но никогда не сходятся до конца. Их нельзя соединить. Они существуют независимо друг от друга. Сложение невозможно, и поэтому время — по отношению к Вселенной — немыслимо. Отсчет времени — бред. Старение — ерунда, потому что между двадцатью и двадцатью одним годом — бесконечность. Часы могут сколько угодно перешагивать этот рубеж из нарисованных на них цифр, но время вообще перешагнуть они не могут.

– Очень интересно, — заметил Женарт, записывая что-то в историю болезни.

- Поэтому я и буду жить вечно. И вы можете.
- Но ведь, к примеру, я же старею.

– А вы это делаете искусственно. Вы, доктор Женарт, знаете, что старитесь, потому старение и происходит. Реальность существует только в нашем воображении. Посмотрите на меня. Я у вас уже сто

пять лет, но на мне это никакого не отразилось, — и Браун гордо повертел головой в разные стороны.

Взглянув на него, Женарт открыл самое начало истории болезни. Там значилось, что Майкла Брауна поместили в психиатрическую лечебницу два года назад, по настоянию его сестры Джудит Браун, диагноз — параноидальная шизофрения.

Женарт снова посмотрел на пациента, который все еще продолжал с гордым видом вертеть головой, и нажал на кнопку под столом.

— Ну что же, вы свободны, мистер Браун! Встретимся мы с вами на следующей неделе. Посмотрим, как пойдут дальше ваши дела. — Доктор Женарт захлопнул папку и кивнул вошедшему санитарам. — Продолжить курс лечения бензодиазелином. Соотношение то же.

Взяв Майкла Брауна под локти, санитары удалились.

Доктор остался один. «Все не то... — думал он созерцая свои тщательно ухоженные ногти, — все не то». Посидев неподвижно, он поднялся со своего кресла, сгреб в охапку папки, лежащие на столе, и отправился к стоявшему в углу темно-зеленому несгораемому сейфу. В нем хранились документы и наркотики, вызывающие у пациентов бурные галлюцинации. Набрав код и повернув ручку, он открыл стальную дверцу. Из глубины сейфа на него смотрели пожелтевшие от времени корешки толстых и тонких папок, в каждой — история болезни, какие-то книги в потрепанных кожаных и матерчатых переплетах. Все истории болезни были расставлены строго в алфавитном порядке, разделенные по группам картонными полосками, на которых были четко выведены большие красные буквы. Доктор посмотрел на них, его рука пробежала по стертым картонкам, пока не остановилась на литерке «С». Он вытянул из середины ряда новую папку с вложенными в нее двумя мелко исписанными листами. На папке фломастером было выведено: «Керсти Алан Коттон». Закрыв сейф, Женарт вернулся в свое вращающееся кресло, раскрыл папку и углубился в чтение.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Сознание медленно, но неуклонно возвращалось к Керсти. Сначала она слышала нарастающий гомон голосов, болью отзывавшийся в голове, затем все стихло. Остался только один. Он говорил строго, словно обращаясь к кому-то, но смысл его слов был абсолютно непонятен: как только говоривший заканчивал фразу, все уходило, разбиваясь на пульсирующие отзвуки и теряясь где-то в темных уголках сознания.

Керсти попробовала приоткрыть глаза. Это далось ей с трудом: веки были словно свинцовые, их хотелось смыкать. Яркий солнечный свет острой стрелой врезался в сознание. Перед глазами поплыли круги, они вертелись в неистовом хороводе радужных пятен. Керсти зажмурилась, собираясь с силами, чтобы открыть глаза. На этот раз свет уже не так сильно обжег хрусталик, но все же был еще невыносим. Среди хаотично двигающихся пятен взгляд Керсти выхватил размытую голубую фигуру. Постепенно контуры ее обозначились более четко. Голубое пятно оказалось пиджаком, хорошо сидевшим на мужчине с гладкими каштановыми, чуть засаленными волосами. Помимо пиджака, на нем была одета светлая рубашка и галстук в тонкую синюю полоску. Увидев, что Керсти очнулась, он заулыбался и что-то произнес. Смысл его слов вновь ускользнул от Керсти, и она повернула головой на белоснежной подушке. Тогда человек повторил свою фразу, изобразив на своем полном лице что-то похожее на улыбку:

– Добро пожаловать обратно, Керсти!

Керсти уставилась на него, ничего не понимая, обшарив глазами помещение, в центре которого стояла ее железная никелированная кровать. Потом она спросила:

– Обратно? Где я?

Голос ее звучал так, будто спрашивала не она, а кто-то другой. Тембр не соответствовал привычному звучанию, и Керсти невольно посмотрела по сторонам, еще раз повторяя свою фразу, чтобы убедиться, что это действительно ее речь.

– Где я?

– Это институт Женерро, — получила она ответ. — Психиатрическая больница.

– Психиатрическая? — вздрогнула Керсти, вновь чуть не теряя сознание.

— Помнишь, ты и твой приятель Стив... — заметив, что Керсти волнуется, человек поспешил добавить:

— Не волнуйся, с ним все в порядке, мы его отправили домой несколько часов назад. Да... — незнакомец помолчал. — Ну и истории он нам тут рассказывал.

— Кто вы такой, черт возьми! — воскликнула Керсти, с трудом сдерживаясь.

— Извините, на этой работе часто бывает не до хороших манер, — человек в голубом пиджаке вытащил из внутреннего кармана удостоверение с приколотым к нему полицейским значком. — Ронсон. Отдел по расследованию убийств. Я был в доме вашего отца...

— Папа... — Керсти прижала холодные ладони к вискам, чтобы как-то успокоить внезапно нахлынувшую боль. События вихрем пронеслись в голове, заставляя сознание цепенеть. Лица каруселью пронеслись в памяти, накладываясь друг на друга и создавая чудовищные образы: человек, утыканный гвоздями, Джулия, папа, смеющийся Стив, Фрэнк, растянутый на крюках и проклинающий Христа. Все беспрестанно крутилось и перемешивалось, пока не остановилось на образе Святой Троицы со сверкающими нимбами вокруг голов: Отец, Сын и Святой Дух.

— Мне нужен священник, — твердо выговорила Керсти. Она четко осознала, что все, ею рассказанное, полиция посчитает нереальным, а тогда попробуй докажи, что ты не верблюд, то бишь не сумасшедшая!

— Священник? — повторил задумчиво инспектор Ронсон. Вы хотите и ему наплести истории про демонов?

— Мне нужен священник!

— Ну хорошо, хорошо, — согласился Ронсон. — В общем-то, в вашей просьбе нет ничего противоречащего закону. Я оповещу врача.

Керсти, казалось, успокоилась.

— Можно мне встать? — спросила она.

— Я думаю, можно.

Она сбросила с себя одеяло и поднялась, держась за спинку кровати. Ее качнуло, и Керсти опустилась на пружинный матрас, повернув голову к окну. У самой рамы, в углу каждого стекла стоял синий штамп «Закаленное, пуленепробиваемое. Сделано в Соединенных Штатах Америки». Керсти сделалось неприятно от мысли, что ее как душевнобольную держат здесь за небьющимися стеклами на зарешеченном для верности окне. Стارаясь отогнать от себя эти мысли, она встала, ухватившись за каменный подоконник. «Хорошо еще, что не в комнате с мягкими стенами и не в наручниках» — размышляла она, глядя на окно, за которым мелко

морошил дождь. На деревьях, обнесенных высоким белым забором, желтели листва. Небо заволокли тучи, не предвещающие скорое окончание дождя. Все было серым и унылым, совсем не улучшало и без того скверное настроение.

Сзади к ней подошел инспектор и тоже выглянул на улицу, он посмотрел на лужи и вспомнил, что забыл дома зонт.

— Давай поговорим с тобой серьезно, — обратился он к Керсти.

— Только не рассказывай мне сказки про демонов и вампиров.

— Сказки? — Керсти оторвала взгляд от пейзажа за окном.

— Сказки, — утвердительно кивнул Ронсон.

— Мой отец тоже не верил в сказки.

— Что? — не понял инспектор.

— Некоторые из сказок становятся правдой, мистер Ронсон, причем, самые плохие.

— Да-да, конечно, — поспешил согласиться инспектор, чтобы не потерять возможность вести откровенный разговор. — Но я не понимаю...

— У вас есть семья, мистер Ронсон?

Разговор прервал резкий щелчок, исходивший из кармана инспектора и голос, немного искаженный диктофоном.

Уполномоченный Робинсон шагал по паркетному полу холла. В доме Ларри Коттона царили разруха и запустение. На ковре валялись куски штукатурки и лепнины, отбитой с потолка. Тишина была настолько полной, что был слышен стук сердца молодого полицейского.

Робинсон перешагнул через осколки стекла и расстегнул кобуру с пистолетом у себя на поясе. Пощелкав выключателем, он убедился, что света нет, и включил карманный фонарик с длинной круглой ручкой. Луч выхватил сломанные перила лестницы, ведущей на второй этаж.

Раздавшийся сзади шорох заставил Робинсона оглянуться, рука невольно потянулась к пистолету. Мимо опрокинутого стула прошмыгнула крыса с огрызком карандаша в зубах.

Робинсон расслабился, пригладил пышные черные усы и снова направил свет на ступеньки.

Доски громко скрипели под его ногами, когда он, держа руку на кобуре, поднимался по лестнице. Выйдя на лестничную площадку второго этажа, он увидел три двери: две рядом, а одна чуть подальше по коридору. Подумав, полицейский толкнул ближнюю дверь. Это оказался черный ход с небольшой кладовой. Здесь стоял вместительный, неуклюжий шкаф, занимающий почти все свободное место. Повернувшись, чтобы рассмотреть противоположную стену, полицейский задел ручку, и дверца шкафа открылась. Резко

поворнувшись и выхватывая из кобуры «Смит энд Вессон», Робинсон несколько раз выстрелил в падающую на него фигуру Иисуса Христа с лампочками вокруг головы. Выстрелы эхом разнеслись по всему дому.

— Дьявол! — процедил он сквозь зубы, увидев, что на него упала просто гипсовая статуя.

Выйдя из кладовой, он спустился по узкой железной лестнице. Наружная дверь была полуоткрыта и свисала на единственной петле. Рядом, с уличной стороны, стоял мусорный контейнер, от него исходил тошнотворный запах гниющего мяса. Откинув крышку, Робинсон отшатнулся от роя мух, вылетевших из бака. Зажав нос платком, он осторожно заглянул внутрь и встретился глазами с остекленевшим взором изувеченного трупа. Преодолевая тошноту, он захлопнул контейнер и поспешил снова наверх. Открыв следующую дверь, он увидел лежащего на полу человека, с которого была содрана кожа. Крысы выели его глаза, а в пустых глазницах копошились черви.

Зажимая рот рукой, Робинсон выскочил на площадку и, перегнувшись через перила, выплеснул содержимое своего желудка.

— Черт возьми! — выругался он, утираясь носовым платком. — Если в спальне меня ожидает такая же картина, мои нервы просто не выдержат, и у меня поедет крыша, как у его дочки...

Постояв немного и прия в себя, полицейский шагнул в дверь спальни.

Сквозь не плотно конца зашторенное окно пробивался слабый луч обложенного тучами осеннего солнца, высвечивая окровавленный матрас на большой двуспальной кровати. На нем валялись обрывки каких-то цепей с крюками. Один из крюков, вспоров матерчатую обивку, глубоко вошел в поролон. Разбитое трюмо, стоявшее у стены, повторяло царивший в спальне разгром в десятках разбитых зеркальных кусочков.

— Да-а... — выдохнул Робинсон и выдвинув antennу радиопереговорного устройства, болтающегося на груди, нажал на клавишу вызова.

Сквозь помехи на линии он услышал хриплый голос:

— Инспектор Ронсон слушает.

— Это Робинсон, сэр! Только что нашел еще одного. В мусорном контейнере. Правда, сильно попорчен разложением и крысами. Единственная улика, которая у нас есть, кроме трупов, это матрас. Кто-то на нем пострадал. Прислать его?

— Да, Робинсон. Матрас — это улика. Упакуй его и привези.

— Слушаюсь, сэр.

Ронсон отключил радио и положил ее обратно в нагрудный карман пиджака.

— Что такое? — обратился он к Керсти, у которой от ужаса расширились глаза.

— Джул lia, — прошептала она и присела на кровати, сдерживая готовый вырваться крик.

— Сознание — это лабиринт, дамы и господа, — через марлевую повязку на лице проговорил доктор Женарт, обращаясь к молодым психиатрам, столпившимся вокруг операционного стола.

Круглые мощные лампы хорошо освещали лежащую на столе молодую девушку. Она была под общим наркозом. Забинтованная голова поклонилась на резиновой подушке, руки и ноги были крепко привязаны к поручням кожаными ремнями. Энцефалограф жужжал, выписывая кривую деятельности головного мозга.

— Это лабиринт, — повторил Женарт. — Загадка. В то время, как части мозга явно видны, пути его работы неизведаны. Назначение многих его участков непознано. Секреты остаются секретами, и мы будем предельно откровенны, если мы согласимся, что именно запутанный лабиринт притягивает нас открыть эту загадку. Как знать, что скрывается в центре, не мифическое ли чудовище — Минотавр, который заставляет людей сходить с ума? Этот монстр, по легенде, родился от любовного союза царицы Крита Пасифаи с белым быком, который, по велению Посейдона, вышел из моря. Дедал построил лабиринт, дабы заточить и скрыть от посторонних глаз сына. Минотавр требовал от Афин ежегодную дань — семерых юношей и семерых девушек. Тесей, решивший избавить Родину от повинности, вызвался пойти и уничтожить Минотавра. Чтобы он не заблудился, дочь критского царя Ариадна дала ему клубок пряжи, с помощью которой он вышел из лабиринта невредимым.

Но это всего лишь миф. Тесей не оставил нам знаков и Ариадна не даст нам клубок ниток, чтобы выйти наружу. Мы сами должны идти вперед и исследовать неизвестные отсеки, отыскивая окончательное решение. Мы должны увидеть. Мы обязаны узнать, как и почему у человека возникают те или иные эмоции. Это долг врача. Это долг врача-психиатра.

Женарт замолчал. Ощущая наполнившую его уверенность, он внимательно оглядел слушающих его молодых врачей и, довольный произведенным впечатлением, подвел итог:

— Итак, часть моей работы закончена, — Женарт еще раз осмотрел выбритый участок кожи на голове пациентки, рассеченный кровавым рубцом, и, кивнув одному из врачей, добавил: — Кэрр, идемте со мной, а вы... наложите шов.

Выйдя из операционной, они сняли с лиц марлевые повязки, и, оставив их болтающимися на груди, пошли по коридору,

выстланному в шахматном порядке двухцветной линолеумной плиткой.

Женарт относился к Карелу Макгрею с отеческой любовью, считая его лучшим своим учеником и верил, что он станет талантливым психиатром. Несмотря на ветреность, свойственную молодости, Карел подавал стойкую надежду на то, что лет через пять из него получится выдающийся специалист своего дела.

— Это интересный случай, Карел, — сказал доктор Женарт, кивая головой проходящим мимо врачам и медсестрам. — Девушка травмирована. Она была свидетельницей многочисленных убийств, в том числе — и убийств членов ее семьи. Ее привезли сюда несколько часов назад. Она была почти потеряна, а сейчас — вернулась в сознание. Какие рассказы принесет ее мозг с той стороны сознания? — Они повернули за угол и остановились у лифта, вызвав его на этаж. Войдя в кабину, Женарт ткнул пальцем в кнопку и заявил:

— Да, аналитику необходимо воображение, но все диагнозы начинаются с обследования.

— С обследования, — согласился с ним Карел.

Лифт приехал на нужный этаж, и двери его раздвинулись. Мимо выходящих врачей санитары провезли в лифт кушетку на колесиках с привязанным к ней бородатым человеком. Когда их взгляды встретились, он окатил доктора полным ненависти взглядом и сделал попытку порвать связывающие его путы, при этом он дико вращал глазами. Зеленый потертый плащ упал с перекладины каталки, санитар поспешил его поднять и повесить на место.

— С сожалением посмотрев на нового пациента, Женарт взял Карела под руку и продолжил разговор.

— Диагнозы начинаются с обследования пациентов, — значит, нужно добиться у них доверия и забрать их боль.

За разговором они дошли до нужного бокса, Женарт повернул ручку на двери с большим глазком, закрывающимся круглой железной пластиной.

Керсти металась по палате, опрокидывая все на своем пути, а инспектор Ронсон пытался ее успокоить, хватая за талию и бедра.

— Подожди, не горячись, — упрашивал ее Ронсон. — Все кончено. Что бы ты не видела — их больше нет.

— Я видела...

— О'кей.

— Я видела его, а потом я взяла кубик, похожий на шкатулку, а затем появились ОНИ.

— Кто?

— Кенобиты... демоны, — Керсти пыталась вспомнить спрятанные далеко-далеко в сознании слова, так необходимые ей сейчас. Она постояла, закрыв глаза ладонями, и вдруг ее словно

током ударило. Она произнесла: «Исследователи далеких областей сознания. Демоны для одних, ангелы для других», — Взглянув на инспектора, она поняла, что его недоверие к ней так и не было поколеблено.

— Я доктор Женарт, — представился психиатр, входя в бокс вместе с Карелом.

Полицейский посмотрел на них, оставив в покое Керсти и, достав удостоверение, назвал свое имя:

— Ронсон. Инспектор Ронсон, Отдел по расследованию убийств.

— Это мой помощник, — кивнул на своего спутника Женарт, — Карел Макгрей.

Немного помолчав, доктор повернулся к Керсти, которая отпрянула от его взгляда к подоконнику.

— А это видимо, наша больная. Да, малышка?

Керсти не ответила.

— Я прочитал показания ее парня, — обратился Женарт к Ронсону. — Ну и приключения у них были... Я хотел бы поговорить с ней наедине. Вы не возражаете?

— Пожалуйста, — пожал плечами инспектор. — Она, скорее, ваш клиент, чем мой.

— Вот и славно.

— Керсти, — сказал Ронсон девушке в больничной пижаме. — Теперь тобой займется доктор Женарт. А мы, может быть, поговорим завтра. Хорошо?

Ронсон взял со стула плащ и стал одевать его, неуклюже просовывать руки в рукава.

— Подождите! — метнулась к нему Керсти, пытаясь его удержать. — Постойте! Этот матрас... Вы должны уничтожить его. Джуллия умерла на нем. Она теперь может вернуться, как Фрэнк.

— Да, конечно, — не стал спорить Ронсон, осторожно убирая ее руки.

— Вы должны уничтожить этот матрас! — настаивала Керсти. — Вы должны... обязаны его сжечь!..

Ронсон взглянул в окно, за которым по-прежнему моросил дождь, и повернулся к доктору Женарту, протягивая руку для прощания.

— Присмотри за ней, — кивнул Женарт Карелу. — Нам с инспектором надо потолковать.

— Хорошо.

— Инспектор, — сказал доктор, когда они вышли в коридор. — Я смогу помочь девушке, но без вашей поддержки мне будет трудно.

— Я к вашим услугам, доктор, — ответил Ронсон, не торопясь повернулся и пошел по коридору, стараясь ступать на каждую вторую пластину выложенного разноцветным пластиком пола.

Карел и Керсти остались вдвоем.

Керсти улеглась в постель, отвернувшись от молодого врача.

— Меня зовут Карел Макгрей, — подошел он к кровати. — Зови меня просто Карел.

Керсти повернулась, с любопытством разглядывая его круглое лицо с чуть выступающими скулами, крепко сбитую фигуру, руки с узкими крепкими ладонями и длинными пальцами, такие часто встречаются именно у скульпторов и хирургов. Чуть раскосые глаза глядели на нее тепло и понимающе.

Почувствовав к нему доверие, Керсти расслабилась и произнесла с горечью:

— Они не верят мне...

— Может, и не верят, но ведь это не значит, что ты говоришь неправду. Доктор Женарт один из ведущих специалистов по нервным заболеваниям и ты можешь...

— Но я не душевнобольная, — Керсти поднялась на локте.

— Конечно, нет! Просто у тебя, скажем так, немного расшатались нервы.

Керсти рывком натянула на себя одеяло, поняв, что этот молодой симпатичный парень, как и все остальные, не поймет ее.

Дверь отворилась, появился доктор Женарт и подошел к лежащей девушке.

— Прошу меня извинить, Керсти. Мне сейчас надо заняться одним моим больным. Карр даст тебе что-нибудь, что поможет уснуть. Поговорим завтра. Хорошо?

— Доктор, — сказала Керсти. — Мне можно выходить?

— Да, разумеется. Карел, распорядись, чтобы привинтили ручку на эту сторону.

Макгрей кивнул.

— И еще, — Керсти села на постели. — Я хотела бы поговорить со священником.

— Инспектор Ронсон мне передал. Сегодня, конечно, не получиться. Но я это устрою как можно быстрее.

— Спасибо.

Керсти уставилась в потолок, где была прикреплена изогнутая трубка лампы дневного освещения, спрятанная под квадратом матового стекла. «Интересно, почему они отпустили Стива, — размышляла Керсти. — И сколько я еще тут провалаюсь. Некоторые лежат здесь годами, а то и всю жизнь, — от этой мысли ей сделалось не по себе. — Правда, этот институт основан на добровольном

излечении... А что с теми, которых никто не ждет? Которым некуда пойти? Правда, у меня есть комната и... работа. — Керсти усмехнулась — с работы ее, наверняка, уже выперли. — В общем, все не так плохо. Нужно только найти выход. Единственное правильное решение... Но они не верят мне...» А сама, Керсти, поверила бы, еще неделю назад, если бы кто-нибудь рассказал ей что-либо подобное? Немного поразмыслив, она пришла к выводу: НЕТ! Слишком уж все казалось, на первый взгляд, неправдоподобным и нереальным. Но ведь это было! БЫЛО. Она видела все своими глазами и может поклясться, что все было именно так. А доказательства — мертвые, истерзанные тела. И среди них — ее отец.

— Папа! — шепотом произнесла она и заплакала, уткнувшись в подушку.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

После ужина, который к ней в бокс привезли на сервировочном столике, Керсти решила прогуляться по коридору, осмотреться и оценить окружающую ее обстановку.

Она всунула ноги в мягкие драповые тапочки и вышла наружу, с любопытством осматриваясь по сторонам.

По всей длине узкого коридора располагались запертые двери; глухие с глазками, как у нее, и простые, с вставленными профильными стеклами. «Тоже, наверное, закаленные», — подумала Керсти, шагая дальше по проходу, в котором сновали пациенты, врачи и крепкие санитары в голубых халатах без рукавов.

Никто не обратил на нее внимания, когда она прошлепала в большое помещение с вывеской «Игротека» над двойными дверями.

Кроме нее, там находилось несколько женщин в таких же, как у нее больничных пижамах в узкую желтую полоску. Одни смотрели телевизор, другие мастерили что-то из многочисленных картонных коробок для мармелада. Некоторые повернули головы в ее сторону, но увидев Керсти, безразлично отвернулись.

Керсти вошла и села на мягкий диван в углу рядом с пианино, с любопытством осматриваясь. Несколько акварелей на стенах, как поняла Керсти, были выполнены местными художниками, была здесь и неплохая репродукция Рафаэля «Портрет папы Льва X с кардиналами». В противоположном углу возвышался аквариум с золотыми рыбками и парой усатых сомиков, сосредоточенно ползающих по дну. Нагоняемый воздух пузырьками поднимался к поверхности воды и действовал успокаивающе. По телевизору шел очередной сериал, раскрывающий перед зрителями небесную чистоту и романтическую возвышенность, показывающий своим повествованием всю широту любви и омерзительную низость предательства, попирающего это святое чувство. Уже через пару минут Керсти сделалось скучно, и она покинула «Игротеку», шлепая тапочками без задников по клетчатому шахматному линолеуму.

Несколько голов обернулись и проводили ее до порога безучастными взглядами, затем снова вперились в экран телевизора, следя за разворачивающимся в фильме действием.

Идя по коридору лечебницы, Керсти остановилась около приоткрытой двери и заглянула в нее. В комнате не было никакой

мебели. Только квадратный коврик с бахромой по периметру одиноко лежал на полу. На нем в позе лотоса сидела курносая девочка лет пятнадцати с красивыми, абсолютно прямыми пепельными волосами, распущенными по плечам. С выражением полной отрешенности на лице она собирала какую-то хитрую головоломку, состоящую из ломанных деревянных деталей.

Девочка сидела неподвижно, только тонкие пальцы укладывали и вновь разбирали непослушные, загнутые в разные стороны фигуры.

Керсти вздрогнула от прикосновения.

— О, прости, пожалуйста, — извинился подошедший к ней сзади Карел, поняв, что напугал ее.

— Ничего, — ответила она и снова заглянула в щель неплотно закрытой двери.

— Печально, правда? Она здесь уже шесть месяцев. Полная загадка для нас. Ни семьи, ни посетителей. Совсем одна.

Керсти стало жаль ее, ее и себя. Настолько жаль, что захотелось прижаться к ней всем телом и... расплакаться.

— Сестра назвала ее Тифони, — продолжал Карел. — Но как ее зовут на самом деле, она не говорит. Только сидит вот так и собирает головоломки.

— Почему головоломки?

— Мы не знаем, но доктор Женарт считает, что это хороший знак. Хочется надеяться, что это поможет ей.

— Откроет двери? — вспомнила Керсти.

— Что?

— Да так, ничего. Это не важно.

— Ну ладно, давай займемся тобой.

Они отошли и не спеша направились к палате Керсти.

— Прими пару таблеток, — сказал врач, протянув ей на ладони коричневый пузырек.

— Я не сумасшедшая, Карел, — усмехнулась Керсти, взглянув на этикетку. — Мне это не нужно.

— Это же тебе поможет, девочка. Заснешь без всяких мыслей о прошлом.

— Спасибо, но я обойдусь.

— Как знаешь, хотя я бы на твоем месте выпил.

— Спокойной ночи, Карел.

— Хороших тебе сновидений, Керсти! — он убрал пузырек со снотворным в карман и повернулся к лифту. Закрывая дверь, Керсти заглянула в круглую выемку глазка. Взяв с тумбочки чистый лист бумаги, она протолкнула его край под железную окантовку глазка,

полностью закрыв его, выключила свет и залезла под одеяло, съежившись от холода на остывшей постели.

По стеклу уныло барабанил дождь. Тусклый свет ночного города проникал в комнату, отбрасывая на противоположную стену светлое пятно с четким переплетом оконных рам. Керсти долго не могла заснуть, ворочалась с боку на бок, вспоминала минувшее. К полуночи ее мысли окончательно сбились и запутались, и она погрузилась в тревожный сон, изредка просыпаясь и вновь погружаясь в мир фантазий.

Керсти увидела себя в каменном лабиринте в центре гигантского амфитеатра. Она ступает по засыпанным мелким гравием дорожкам, и они шуршат под ее ногами, уводя ее вглубь по извилистым проходам. Она повернула, следуя за изгибом потрескавшейся стены, и остановилась перед статуей девы Марии. Изваяние с укоризной смотрело на нее своими пустыми глазами. Керсти стало страшно. Она побежала, огибая выступы, все дальше за спиной оставляя вход в лабиринт, пока не очутилась в круглой комнате с зеркальными дверями и стенами. В центре комнаты на деревянной доске сидела Тифони, собирая странную головоломку. Битое стекло покрывало доску. Ряды причудливых осколков собирались в кубик. Тифони склонила голову над своей работой, и светлые волосы падали на ее лицо, закрывая его от постороннего взгляда.

— Тифони! — крикнула Керсти и бросилась к ней.

Зеркальные стены повторили ее действие.

— Тифони! — Керсти дотронулась до белой длинной рубашки, скрывающей тело девочки.

Рука погрузилась в одежду, не чувствуя препятствий. Керсти испуганно отдернула руку, и поднесла ко рту закусив пальцы. Тифони оторвалась от головоломки, положив последний осколок, и взглянула на Керсти. Волосы, скользнув за спину, открыли чистое лицо. Печальные карие глаза смотрели на Керсти из-под длинных ресниц.

Комната стала наполняться гарью, которая струйками сочилась сквозь щели между стеклами зеркал. Дверь открылась, показалась фигура, затянутая в кожаный балахон, зашнурованный на груди.

Удушливая копоть заполняла пространство, перехватывая дыхание. Керсти прижала руки к груди, с ужасом глядя в лицо вошедшего. Что-то подсказало ей, что это ее отец. Ларри был в маске, закрывающей все лицо. Взявшись за ручку, торчащую из подбородка, он сдернул маску со своего лица, выставляя напоказ ряды шляпок от не до конца забитых в голову гвоздей. Холодный пот выступил у Керсти на спине, страх сковал движения. Громко захахав, Кенобит бросил маску на пол и исчез. Керсти задыхалась

от дыма, рвя на себе больничную рубашку. Когда дышать стало невозможно, она проснулась.

Дрожь пробежала по ее телу, когда она вспомнила все виденное во сне. И тут она увидела, что из отверстий в металлических панелях, закрывающих нагревательные батареи, поднимается густое облако пара. Температура воздуха в комнате поднималась. Керсти, желая удостовериться, что она уже не спит, ущипнула себя за руку, оставив кровавый след от вонзившихся в тело ногтей. Видение не исчезло.

Сжавшись в комок, Керсти обхватила руками колени, прижимая их к груди.

В ушах стучало в такт биению ее сердца, стук болью отдавался в голове. В прямоугольнике света на стене против окна возник силуэт. Поначалу неплотный, прозрачный, он постепенно начал густеть, стали проявляться формирующиеся на глазах у Керсти кости и мышцы человеческого тела. Еще мгновение — и перед ней был человек с содранной кожей. Он беспомощно лежал на полу, протягивая к Керсти руку и пытаясь что-то сказать безгубым ртом. Но слова застrevали в его горле.

— Папа! — застонала Керсти и залилась слезами.

Человек коснулся окровавленным пальцем стены, и Керсти увидела сделанную дрожащей от напряжения рукой надпись: «Я в аду. Помоги мне!»

Выведя восклицательный знак, рука безвольно остановилась и упала на пол, оставив на нем темный отпечаток ладони.

Биение сердца тяжелым молотом отдавалось в ее трепещущем сознании. Керсти прикусила руку, чтобы подавить в себе крик боли и страха. Но вот удары резко оборвались. Пространство задрожало, покрываясь рябью и искажая очертания человеческого тела, пока не поглотило его целиком. Пар перестал поступать в комнату через отверстия в панелях перед нагревательными батареями, оставив, как напоминание о себе, лишь прозрачные капли на запотевших стеклах. Керсти встала, пошатываясь, добрела до выключателя, в темноте наступив босой ногой в лужу крови, оставшуюся от исчезнувшего тела.

Свет от вспыхнувшей лампы выгнал скрывающиеся в дальних углах тени и заставил по иному взглянуть на случившееся. На стене ярко выделялась сделанная человеческой кровью надпись, которая взвыла к спасению.

Керсти опустилась на колени и, сложив ладони, начала читать молитву, спотыкаясь и захлебываясь в плаче: «царь небесный, утешитель, дух истины, везде находящийся и все напоминающий, источник всякого блага и податель жизни, приди и поселись в нас, и очисти нас от всякого греха и спаси, все благий, души наши».

Керсти молилась до утра, хотя раньше не делала этого ни разу, несмотря на устойчивые уговоры покойной матери. Ее отец, Ларри, тоже относился к числу людей, которые больше надеются на себя, чем на Бога. Но оказалось, что святые строки с детства запали в память и теперь выходили из ее потаенных уголков, спеша и толкая друг друга, образуя поток слов, складывающихся в молитву.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Направляясь к зданию института Женерро, доктор Женарт шел по асфальтированной аллее, окаймленной с двух сторон темно-зелеными кипарисами. Солнце выглядело из-за туч, по всей вероятности радуясь тому, что дождь наконец-то прошел и можно обогревать лучами Землю.

Возле урны Женарт остановился, поставил в траву свой кейс и закурил сигарету, с удовольствием вдыхая ее аромат.

Поправив воротник дорогого темно-коричневого плаща, он зашагал дальше, посматривая на опавшие листья, покрывающие газон, и мурлыча под нос популярную песенку, мелодия которой с самого утра крепилась у него в голове.

По территории института ездить на машинах было запрещено. Исключение составляла лишь перевозка экстренных грузов и продуктов питания — их подвозили на длинном фургоне. Да и то, он заезжал с другой стороны здания, где располагались два больших грузовых лифта, способные вместить даже слона.

Каждое утро, оставив свою машину на стоянке с вывеской «Только для служебных автомашин», Женарт пешком отправлялся к стеклянной проходной института. Он любил эту дорогу. Идти по ней было дальше, чем напрямик, зато в ней были свои неоспоримые преимущества. Здесь редко ходили сотрудники института, и доктор Женарт упивался окружающей его тишиной и безлюдьем.

Идя по вестибюлю и кивая знакомым, он подошел к лифту и нажал кнопку вызова. Подошедший лифт мягко опустился на пружины, с тихим шорохом открылись двери, отделанные светлым пластиком «под мрамор». Нажав на кнопку седьмого этажа, Женарт поправил узкий узел галстука и стал ждать, пока лифт донесет его на 95-футовую высоту.

— Ну, как мы сегодня себя чувствуем? Лучше? — выходя из дверей лифта, спросил он стоящего перед ним человека с худым, дергающимся от тика лицом.

Больной в ответ что-то пробурчал, но Женарт, не обращая на него внимания, уже следовал дальше по коридору, насыщая прилипшую мелодию. Войдя в свой кабинет, он бросил плащ на вешалку, уселся в крутящееся кресло и стал перебирать и просматривать бумаги, выдвинув ящик стола. Потратив какое-то время на их изучение, Женарт поймал себя на мысли о том, что он

смотрит на эти ровные печатные строки и ничего не видит. Бросив бумаги обратно в ящик и закрыв его, он вышел из кабинета.

- Здравствуйте, — услышал Женарт голос позади себя.
- А-а, Кэрр! — узнал он своего помощника. — Приятный день сегодня, не правда ли?
- Я тоже это заметил.
- У нашей новой пациентки уже побывал?
- Как раз иду туда.
- Скажи ей, что я буду позже, а священник придет во второй половине дня. Правда, я не уверен в том, что он сумеет ей помочь.
- Как знать, как знать...

Доктор Женарт удивленно посмотрел на Карела, но ничего не сказал и зашагал к лифту.

- Доктор, подождите меня, пожалуйста! — услышал Женарт крик подбежавшей к закрывающимся дверям лифта молодой медсестры в обтягивающем фигуру халате.

Чуть поколебавшись, он нажал на кнопку «отказ от команды». Двери послушно расступились.

- Спасибо и здравствуйте, доктор Женарт!
  - Приветствую вас, — ответил он, пытаясь вспомнить ее имя. — Вам куда?
  - В подвал.
  - В подвал? — удивился доктор. — И что там будет делать такая очаровательная девушка?
- Сестра засмутилась, покраснев, как девочка.
- Поступили новые медикаменты, и доктор Стенли направил меня для проверки сохранности пломб.
  - А-а, понятно, — кивнул Женарт и принялся глазами изучать округлости ее фигуры.

Когда она вышла, он удовлетворенно хмыкнул, глядя ей вслед, любуясь ее плавной походкой, и нажал на самую нижнюю кнопку «Служебный этаж».

Вход на этот этаж считался запрещенным для лиц, не имеющих специальной пометки в пропуске. Это были, можно сказать, личные владения доктора Женарта, где он проводил свои исследования, связанные с работой человеческого мозга и его возможностями.

На этом этаже находились тяжело больные, которые, как считал доктор потеряли рассудок вследствие демонической одержимости и встреч с непознанными явлениями природы. За небольшим исключением, они не были зарегистрированы в институтской картотеке и полностью были во власти Женарта.

Женарт увлекался демоническими проявлениями уже давно. Когда он как психиатр делал свои первые самостоятельные шаги, ему

повстречался один пациент, который искал философский камень. Он надеялся путем перегонки химических соединений получить первичное вещество, найти тот волшебный состав, из которого, следуя учениям древних алхимиков, все и образовалось. Доктор Женарт заинтересовался этим больным, но после тщетных попыток проверить его теорию на практике пришел к выводу, что философский камень или эликсир жизни нужно искать не здесь. Он стал внимательно вслушиваться в слова своих больных, надеясь рано или поздно услышать из их уст откровение, которое и выведет его на верный путь.

В раздумье Женарт шел по коридору со стеклянными стенами, за которыми находились его пациенты. Если бы не звуконепроницаемые боксы, весь этаж был бы наполнен завыванием, истерическим хохотом и нечеловеческими воплями. Один из больных кинулся на доктора с большим деревянным крестом в руке, с которого свешивался металлический Спаситель, но, ударившись о сверхпрочное стекло, отступил назад, бормоча себе что-то под нос.

Ускорив шаги, Женарт остановился возле бокса, где содержался человек с безумно вращающимися глазами. Длинные волосы у него были спутаны, всклокоченная борода почти закрывала лицо, из-под косматых бровей злобно поблескивали глаза. Женарт догадывался, что этот человек имеет какое-то отношение к истории, которую рассказала Керсти Коттон, ко всему, что произошло в доме ее отца. Однако свои выводы он оставил при себе, решив ничего не говорить о них и полиции. Нет, не случайно этот субъект сжимал в руке старинный кубик, украшенный орнаментом в виде бесчисленных линий и зигзагов. Этот кубик покоялся сейчас в домашнем кабинете доктора, закрытый прозрачным колпаком. В том, что рассказала Керсти, несомненно, есть доля правды, а может, и вся правда. Возможно, эта коробочка и есть та самая шкатулка, открывающая, как утверждают, врата ада и рая, которую лет двадцать тому назад во время раскопок древнего захоронения в Тибете нашел Эрик Симплтон. Вскоре после этого сам археолог бесследно исчез, прервав свои раскопки.

Если кубик и есть найденная Симплтоном шкатулка, то перед доктором Женартом открываются колоссальные возможности для проведения экспериментов. «Надо будет сходить в библиотеку, — подумал Женарт, направляясь к выходу, — и поднять все публикации, связанные с деятельностью Эрика Симплтона».

Карел застал Керсти стоящей на коленях, погруженную в молитву.

— Керсти! — дотронулся он до ее плеча, — Керсти, ты в порядке?

Оторвав взгляд от угла, на который молилась, Керсти повернула измаженное лицо к Карелу и опустилась на пол.

- У меня был гость, — вымолвила она бескровными губами.
  - Прямо здесь? — усомнился врач. — Кто?
  - Мой отец. Он один и очень страдает.
  - Карел помог ей подняться с пола и усадил на кровать.
  - Успокойся. Я позову доктора Женарта. Уверен, он сумеет тебе помочь, девочка, — ласково проговорил он, накрывая одеялом ее босые ноги.
  - У него что — есть пропуск в ад? — усмехнулась Керсти, закрывая глаза.
- Карел стоял и смотрел на Керсти, тронутый ее жалким видом, и вышел, повторив еще раз:
- Я позову доктора. Он поможет тебе.
  - Ну-ну, — прошептала Керсти, не желая больше спорить. Она взглянула на стену с оставшейся после ночного визита надписью. Но ее там не было. Керсти уткнулась головой в подушку и разревелась, дав чувствам возможность вырваться наружу.

Быстро пройдя по коридору, Карел спустился на седьмой этаж. Он искренне хотел помочь девушки, она нравилась ему. Дойдя до приемного кабинета, он остановился у приоткрытой двери, прислушиваясь к телефонному разговору.

Вначале он не хотел подслушивать, он собирался просто постоять, дожидаясь, пока не кончится разговор, но речь шла о случившемся в доме отца Керсти.

– Да-да-да, это доктор Женарт, — услышал он. — Говорили с Ронсоном? Да, матрас. Я встречу вас у бокового входа. Нет, у себя дома. Да-да. Именно дома. Не в больнице, а дома. Договорились? Спасибо.

Карел выждал необходимую паузу и, стукнув костяшками пальцев в дверь, вошел в кабинет.

- Доктор Женарт, — обратился он.
- Да! — немного нервно ответил доктор, взяв со стола ручку.
- У Керсти начались видения.
- Это интересно. Пойду взгляну на нее, а ты проведай Тифони. Все ли у нее в порядке?

Карелу стало не по себе от сугубо медицинской направленности мыслей и чувств своего учителя, но он ничего не сказал, проследовав вслед за ним.

«А ведь мальчишка, наверняка, слышал мой разговор, — размышлял про себя Женарт, идя рядом с Карелом до поворота в тот отсек коридора, в котором находилась палата Тифони. — Вообще-то,

он мне не очень нравится в последнее время, особенно с тех пор, как сюда привезли Керсти и клинику наводнила полиция. Надо как-нибудь аккуратненько выведать, что ему известно, и действовать в зависимости от этого».

— Здравствуй, Керсти, — Женарт изобразил на своем лице широкую улыбку. — Как спалось, девочка?

— Можете мне не верить, — сказала Керсти, — но сегодня ночью приходил мой отец. Он оставил знак на стене.

— Какой знак?

— «Помоги мне», впрочем, его все равно сейчас нет.

— Так-так, — произнес доктор, усаживаясь на табурет рядом с кроватью.

Вошел Карел и сообщил, что у Тифони все нормально, принялась за новую головоломку.

— Можешь остаться, если хочешь, — предложил Женарт Карелу.

Последовал его совету, Карел привалился к стене, засунув руки в карманы халата.

— Ну, ну, — подтолкнул Керсти Женарт. — Ты увидела надпись «Помоги мне». Так?

— Так, — подтвердила Керсти. — Вы не верите мне?

— Почему же?

— Это написано у вас на лицах. Но ведь я могла вам этого не рассказывать.

— Этим ты бы ничего не изменила. Тифони, к примеру, все время молчит, но находится здесь.

— Но я не сумасшедшая. Я свободный человек!

— Пока идет следствие, ты обязана быть в клинике. Этого требует закон. Затем мы, естественно, не будем тебя держать против твоей воли.

Керсти немного успокоилась.

— Если тебе не трудно, расскажи еще раз, что произошло в доме твоего отца. Да, после обеда жди гостя — к тебе придет священник, которого ты спрашивала. Итак, мы тебя внимательно слушаем...

— Хорошо, — согласилась Керсти. — Понимаете, все это связано с вечностью. То, что увидала я своими глазами, и то, что уничтожило мою семью. Оно существует всегда. А началось все, наверное, с моего дяди Фрэнка. Джуллия, вторая жена моего отца, кажется когда-то была с Фрэнком. Но это не все. Помните, я вам говорила про коробочку? Она оказалась головоломкой — и Фрэнк разгадал ее. Она открыла ворота. Фрэнк хотел найти ад, и он получил его, — голос Керсти стал жестким. — Каким-то образом, я не знаю, каким, он вернулся к жизни. А перед этим мой отец порезал руку, было много крови, может, это вернуло его брата?

Керсти вопросительно посмотрела на своих слушателей, но на их лицах нельзя было ничего прочесть.

— Джуллия пустила Фрэнка. Хотела сделать его сильнее. Она убивала людей и отдавала ему трупы, из которых он выпивал кровь.

Сознание Керсти затуманилось, и перед ее глазами снова поплыли картины событий, которые ей довелось перенести.

— Керсти, это я, Фрэнк, — произнесло лишенное кожи чудовище в полосатой рубахе. — Дядя Фрэнк. Ты же помнишь меня? Иди к папочке.

— Пусти меня! — вскричала Керсти и заметалась на постели в бреду. — Пошел к черту, ублюдок!

— Кэрр, — бросил доктор Женарт, прижимая ее руки к одеялу. — Успокоительное, быстро!

Карел вылетел из бокса и буквально через несколько секунд возвратился со шприцем, наполненным дозой родедорма.

После инъекции мышцы Керсти расслабились, она вытянулась на кровати, погружаясь в темный омут сна, в котором не было места для сновидений.

— Ты веришь ей, Карел? — спросил Женарт, дождавшись, пока начнет действовать лекарство.

Этот вопрос был своеобразной удочкой, которую он забрасывал в сознание Карела.

— Похоже на шизофрению, — Карел разгадал тайный смысл вопроса, но не подал вида. — Все симптомы, как говорится, на лице.

— Точно, — успокоился Женарт. — Уверен, энцефалограмма и исследование зрачков подтверждают диагноз. Какую концентрацию ты ввел?

— Вы хотите узнать, когда она проснется. Примерно через три часа, как раз к приходу священника.

— Хорошо, — согласился доктор, и опять червь сомнения зашевелился в его душе. Что-то в ответе не нравилось Женарту, но что именно, он понять не мог.

Постояв возле спящей Керсти, доктор оставил Карела в палате и удалился.

На квадратных электронных часах, висевших под потолком коридора, стрелки показывали 9.15.

«Библиотека уже открыта. Вот и чудесно» — подумал Женарт, направляясь в свой кабинет.

Там он снял больничный халат и надел поверх твидового костюма коричневый плащ.

Пройдя через стеклянные двери института, доктор Женарт пошел, размахивая кейсом, не по своей привычной дороге, а по ближней тропинке, ведущей к автостоянке. Ее неоновая вывеска мигала впереди, проглядывая сквозь ряды кипарисов.

Через двадцать минут он уже был у здания центральной городской библиотеки.

— Здравствуйте, доктор Женарт, — узнал его худенький библиотекарь Смит Свенсон. — Что вам угодно?

Как-то, года три назад, Женарт согласился посмотреть его оплывшую жиром двоюродную сестру, с тех пор Смит чувствовал себя обязанным доктору по гроб жизни. Это забавляло Женарта, но иногда действовало на нервы.

— Доброе утро, мистер Свенсон, — поздоровался доктор и поставил кейс на пол.

— Чем могу... — мистер Свенсон так и расплывался в любезностях. — Недавно мы приобрели новое издание «Сальвораджан» Эксудиана. Не хотите взглянуть?

— Спасибо, не хочу, — отказался Женарт.

— Может, «Загробный мир» Хопса?

— Я бы хотел взглянуть на публикации, связанные с археологическими исследованиями в Тибете. В частности, об изысканиях Эрика Симплтона.

Библиотекарь наморщил лоб, напрягая память.

— Это было, по-моему, восемнадцать лет назад. Вам, наверное, нужны подшивки газет за тот год?

— Именно, — подтвердил Женарт. — И журналов тоже.

— Довольно кропотливая вас ждет работа.

— Ничего, у меня время есть.

— Ну, тогда приступим? — библиотекарь вышел из-за своего стола, заваленного формами и книгами.

Им повезло, после недолгих поисков они нашли нужную статью, а остальное оказалось делом техники. По Дате выхода публикации они проверили все газеты и журналы, в которых могла быть подобная информация, и отобрали нужные номера.

Вопреки ожиданиям, материала набралось немного: небольшая заметка в «Дейли Телеграф» и еще в нескольких изданиях. Остальные периферийные газеты лишь повторяли сообщения центральных. Для большинства читателей, да и для «профи» они не представляли интереса, так как в захоронении, кроме пары горшков, да коробочки, не оказалось больше ничего, что могло бы вызвать ажиотаж в археологическом мире.

Но это, несомненно, была та шкатулка.

* * *

Когда Керсти проснулась, она увидела сидящего рядом Карела, пристально смотрящего в окне.

— Карел, — позвала она.

— Да, Керсти, — отозвался он, отрываясь от созерцания природы. — Проснулась?

— Вроде бы.

— Вот и хорошо.

Карел посмотрел на часы: скоро придет священник. Керсти натянула на себя одеяло и, как зверек из своей норки, шарила взглядом по стенам.

— Может, тебе что-нибудь принести? — осведомился Карел.

— Пожалуй, я бы съела сэндвич с сыром.

— Я предупрежу медсестру, а ты пока полежи. Ладно?

— Хорошо.

Почти сразу же после обеда в дверь постучали, и на пороге показался мужчина средних лет с короткой, ежиком, стрижкой на голове.

На нем была белая рубашка, строгий черный костюм, поверх которого поблескивали перекладины креста. В руках у него был кожаный томик Евангелия.

Керсти смущенно посмотрела на него и спросила:

— Вы действительно священник?

— Без сомнения, — подтвердил гость и представился. — Отец Харвас.

Керсти он почему-то не понравился. Было в нем что-то отталкивающее, несмотря на добродушное, на первый взгляд, гладко выбритое лицо.

— Я Керсти. Керсти Коттон. Мне нужно поговорить с вами.

— Я для того и пришел, чтобы облегчить твои страдания. *Agnus Die*, помоги ей обрести покой, — взмолился он, поднимая глаза к потолку. — Мне ты можешь доверить все, что тебя тревожит.

Керсти с нескрываемым любопытством посмотрела на него. Казалось, первое впечатление, производимое этим человеком, было ошибочным.

— Вы можете оставить нас одних? — повернулся святой отец к Карелу.

— Да, конечно, — поспешил ответить Карел. — Если это необходимо.

— Что волнует тебя, моя девочка? — доверительно спросил отец Харвас, когда дверь за Карелом захлопнулась.

— Они не верят мне.

— Расскажи все по порядку, облегчи свою душу. Ты видишь друга в моем лице, — святой отец положил принесенное Евангелие на тумбочку и приготовился слушать.

Керсти начала свой рассказ, путаясь в последовательности событий.

— Кто это был? — спросила она, дойдя в своем повествовании до момента, когда на нее набросилось огромное чудовище с двумя головами и рыбьим хвостом, отталкивающееся лапами от каменных стен туннеля.

— Вероятнее всего, это Левиафан, — ответил святой отец, все это время внимательно слушавший Керсти.

— Левиафан! Дьявол?

— Нет, не дьявол. *Maitre Gonin*. Это демон из чина Серафимов, — поразмыслив, сказал отец Харвас и процитировал: «В тот день поразит Господь мечом своим тяжелым и большим, и крепким Левиафана, змея прямо бегущего, и Левиафана, змея изгибающегося, и убьет чудовище морское».

— Значит, это правда?

— Смотря что. В древних книгах Левиафан изображался стоящим на большой морской раковине посреди океана. У него была громадная голова какой-то чудовищной рыбы, с широко раскрытой пастью, большими рыбьими глазами, вся утыканная острыми рыбьими костями; по бокам головы выселились два тонких бычьих рога.

— Это он, — подтвердила Керсти. — Только у него было две головы с несколькими рядами зубов.

— Но так же, — продолжал святой отец, — Библия называет Левиафаном и обыкновенного кита. Вот как в книге Иова говорится об охоте на него: «Можешь ли ты удою вытащить Левиафана и веревкою схватить за язык его?»

— Так как же?

— Под библейским Левиафаном следует понимать демона или реальное животное — в зависимости от того, о чем идет речь. Но в твоем случае, несомненно, Левиафан — демон.

— И первой проснется Рыба, — пролепетала Керсти.

— Что? — не понял сидящий рядом с ней священнослужитель.

— Миф о правлении Желтого императора, — пояснила Керсти, вспомнив Стива. — В китайском эпосе тоже присутствует это чудовище.

Она помолчала, с грустью смотря на дверь, и продолжила:

— А затем ко мне в палату пришли кенобиты. Они были ужасны. Я заключила с ними сделку, пообещав, что отведу их к Фрэнку.

— Не стоило заключать договор с Сатаной, — прервал ее святой отец.

— А что, по-вашему, я должна была делать — следовать за ними в преисподнюю? — вскипела Керсти.

— Бог нам судья. Не судите и не судимы будете. Времена инквизиции давно прошли, один лишь Бог вправе наказывать нас за

наши проступки. Успокойся, — отец Харвас положил ей руку на голову. — Я не осуждаю тебя, девочка. Продолжай.

— Я хотела предупредить папу. Но они убили его.

— Демоны?

— Нет, Фрэнк и Джулия. Фрэнк взял кожу папы и натянул ее на себя. Он предал Джулию, оставив ее кенобитам. Она умерла на матрасе, который полиция хочет взять или уже взяла как вещественное доказательство. Потом пришли кенобиты и растянули Фрэнка на цепях. Я сложила шкатулку, и все исчезло. Кенобиты забрали Фрэнка и Джулию с собой. Матрас нужно уничтожить. Джулия может вернуться.

— Где сейчас эта шкатулка? — осведомился святой отец.

— Не знаю. Какой-то бородатый человек в рваном плаще выхватил ее из огня, обратился в доисторическое существо и улетел.

На лице Харваса отразилось сомнение.

— Вы не верите мне? — спросила Керсти в отчаянии. — Вы же служите Богу. Я что, по-вашему, сумасшедшая?

— Я не употребляю этого слова, Керсти, — мягко сказал святой отец и погладил ее по голове. — Тебе просто надо отдохнуть и забыть всю эту историю. Так будет лучше, поверь мне. Времена демонов и ведьм прошли.

Священник нагнулся почти к самому лицу Керсти, чтобы поцеловать ее. Висящий на цепочке крест свесился и лег на ее грудь. Увидев цепочку, болтающуюся над ней, мозг Керсти увеличил ее в десять раз, создав образ массивной стальной цепи. Крест причудливо изогнулся в воображении, делаясь похожим на крюк с четырьмя зазубренными краями.

Ежик на голове священника преобразился в утыканную гвоздями черепную коробку.

Пронзительно закричав, Керсти ударила святого отца по лицу и потеряла сознание.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Матрас подвезли к дому доктора Женарта в крытом брезентом грузовике. Расплатившись за доставку, Женарт отверг помошь грузчиков и сам, кряхтя, затащил его на чердак, переоборудованный под мансарду.

Разложив матрас на покрытом линолеумом полу, он ножом срезал с него полиэтиленовую упаковку, открывая пятна запекшейся крови и обрывки цепей, пронизывающие обивку.

Доктор Женарт опустился на стул, несмотря на усталость, он был очень доволен.

Наконец-то ему представилась возможность экспериментальным путем проверить правильность своих выводов.

«Сегодня надо и начать, — вслух размышлял он, — зачем откладывать?»

Он спустился по крепкой деревянной лестнице на первый этаж, очутившись среди собранных им доказательств существования загробной жизни и Дьявола. На стенах висели старинные гравюры, изображавшие историю развития отношений человека и Сатаны. Древние манускрипты хранились в бесчисленных ящиках шкафов, открывая познавшему их целый мир, на полках покоились толстые тома книг по экстрасенсорике, спиритизму, магии, медиумизму, йоге, сомнабулизму, нетрадиционной медицине и десятком других тайных знаний, накопленных человечеством за минувшие тысячелетия.

Женарт обвел взглядом ряды разноцветных переплетов и налил себе из стоявшего на круглом столике пузатого графина. Скинув с себя рабочую одежду и облачясь в элегантный темно-серый костюм, он поспешил к выходу, чтобы успеть еще засветло приступить к своим манипуляциям.

Выйдя из дома, он запер за собой дверь. Проходя к гаражу мимо розовых кустов, окаймлявших газон, он не заметил Карела, спрятавшегося за этой живой изгородью.

Подождав, когда машина доктора Женарта скроется за поворотом, Карел вышел из-за своего укрытия и решительно направился к крыльцу.

* * *

Очнувшись от забытья, Керсти сразу увидела лежащий на тумбочке рядом с ее кроватью томик Евангелия, оставленный отцом Харвасом. Она припомнила все произошедшее и ей стало страшно. Неужели она действительно так больна, что стала грезить наяву. Или это был действительно кенобит, прикинувшийся святым отцом? «Если бы это был кенобит, он не оставил бы мне эту книгу, — решила Керсти, — и на груди у него был крест». Но ведь тогда получалось, что Керсти сошла с ума. «Может быть, не было никакого священника? А откуда тогда взялось Святое писание? Нет, священник все же был, и она, Керсти, приняла его за демона».

— О, боже! — прошептала она. — Помоги мне!

Взяв с тумбочки книгу, она наугад открыла ее и стала читать, стараясь вникнуть в содержание. Но чем сильнее было ее желание понять, тем более невразумительными становились строки: «Знаю твои дела, и что ты живешь там, где живет сатана, умертвлен верный свидетель Мой Антипа» (Откровение 2:13).

Керсти захлопнула книгу и положила ее на столик, бросив взгляд на обложку. Среди замысловатых завитков серебряного тиснения ясно пропустила надпись «Коран». Покрывшись холодным потом, Керсти дотронулась до книги и притянула ее к себе, открыв на середине:

«Может быть, Господь ваш помилует вас, а если вы вернетесь, то и Мы вернемся и для неверных сделаем геенну тюрьмой (Коран 17:8 (8).

Веки Керсти сами собой закрылись, к горлу подкатила слабая, даже немного приятная, тошнота. Сознание замутилось, увлекая куда-то в черную бездну, и оставило ее.

* * *

Доктор Женарт нажал на кнопку «Служебный этаж», и лифт опустился под землю на несколько десятков футов. То, что он собирался сделать, было самой глубокой его тайной. Быстро пройдя по коридору мимо стеклянных стен, за которыми прыгали и дергались, изрыгая проклятия, его безумные пациенты, он остановился возле одной из дверей и вытащил из кармана специальный ключ.

* * *

Доктор Женарт жил в старом, довольно бестолково выстроенном двухэтажном особняке. Кое-где стены его покрывали пожелтевшие пятна мха и лишайника. Три ступеньки выводили террасу на лужайку с росшими по ее периметру кустами роз. Усыпанная

гравием дорожка, начинавшаяся от крыльца, резко поворачивала вправо и упиралась в дверь пристроенного к дому кирпичного гаража. К нему от ворот, выкрашенных зеленой краской, вела широкая асфальтированная подъездная дорога, окаймленная с двух сторон живой изгородью. Слева от нее стоял древний кедр, возвышавшийся над карликовыми яблонями, высота которых не превышала шести футов. Дерево величественно простирало свои ветви к восточному углу дома, закрывало ими часть больших квадратных окон на втором этаже здания.

Карел Макгрей поднялся по крыльцу и вытащил пилку для ногтей. Он очень удивился, когда после недолгого ковыряния в замочной скважине замок щелкнул и открылся. Оглядевшись по сторонам, Карел проник в дом и сразу направился в комнату, заставленную книжными шкафами. Ее расположение он достаточно точно определил, сидя за кустами, когда доктор Женарт стоял у окна и пил воду из графина. Оказавшись на месте, он оторопел. Карел догадывался, что его наставник интересуется оккультными вещами, но никак не предполагал встретить в его квартире небольшой филиал современного музея Ведьм. По стенам были развешаны репродукции и точные копии картин мистического содержания, которые чередовались с плакатами, изображающими новейшие знания о строении человеческого мозга и нервной системы.

Здесь можно было увидеть литографию Кремера «В объятиях сатаны», изображающую заросшую шерстью мужскую фигуру с лошадиной ногой, обхватывающую широким плащом двух прильнувших к нему обнаженных женщин с жирными телесами; коллаж Эрнста к сюрреалистическим новеллам «Неделя добра», с которого взирал человек с птичьей головой, тащущий за волосы женщину по каменному полу; копию гравюры Рембрандта «Вызывающий дьявола», показывающую спирита, который в ужасе отстраняется от страшного уродца; десятки других произведений различных художников на аналогичную тему. Среди всего этого выделялась гравюра на дереве в золоченой рамке. На ней было изображено чудовище с тремя отростками рогов, покрытое шерстью. Оно сидело на своеобразном троне, прикованное к нему цепями. Восемь его лиц выражали основные черты личности: гнев, радость, интерес, разочарование, удовлетворение, раздражение, удивление и спокойствие.

Карел с трудом отвел глаза и, взглянув на переплеты книг и стоящий в углу скелет, начал методические поиски. Он искал подтверждение возникшего у него подозрения в том, что доктор Женарт ставит на животных и людях, находящихся в его власти, запрещенные опыты.

В полицию заявить о своих подозрениях он не решался, потому что, если нагрянув с обыском, и не найдут им подтверждения, то сам Карел может оказаться за решеткой. Это будет наказанием за ложное обвинение. Доктор Женарт — очень уважаемый человек в обществе, и только бесспорные доказательства смогут выбить его из занимаемого им кресла. И Карел искал эти доказательства, выдвигая один за другим ящики шкафов и аккуратно проверяя их содержимое, следя, чтобы не оставалось следов его визита. Он уже делал это однажды в рабочем кабинете Женарта, воспользовавшись незапертой дверью, но ничего там не нашел. Все ценные бумаги доктор прятал в сейф, и мало кто мог похвастать, что видел даже корешки расставленных им в алфавитном порядке папок с историями болезней.

Весь в поту, Карел присел на мягкий стул с причудливо изогнутыми ножками, захватив с собой газетные вырезки, вклеенные в толстую общую тетрадь. Он читал названия статей, и ему становилось не по себе: «Лабиринт сознания», «Дети водоворота», «Связь полового созревания с психическими аномалиями», «Является ли смерть четвертым измерением?».

— Господи, — прошептал Карел, переворачивая страницы. — Он, наверное, занимается этим дерьямом долгие годы. Боже ты мой!

Он захотел глотнуть воды из стоявшего рядом графина, но увидел на столе конверт, на котором лежала какая-то коробочка с затейливым орнаментом. Коробочку покрывал стеклянный колпак, закрывающий ее от пыли. Карел приподнял его и осторожно вытянул из-под коробочки бумажный конверт. Когда он вытряхивал содержимое конверта, на пол упали несколько старых газет и журналов. Он поднял их и стал просматривать. Все они были 18-19-летней давности. Ничего интересного не обнаружив, он уже хотел сложить их обратно, но фотография на последней странице заставила его изменить решение. На снимке был изображен правильной формы квадратный кубик, испещренный бесчисленными линиями и зигзагами, которые на темном фоне выделялись огненными полосами, отражая свет солнца. Кубик на снимке лежал на куске брезента рядом с двумя глиняными горшками грубого исполнения.

Взглянув на коробочку, покрытую прозрачным стеклом, Карел понял, что это ОНА.

Рядом помещалось фото лысоватого мужчины с зачесанными назад прямыми волосами и волевым лицом. Он стоял, опершись на лопату, среди раскопанной земли. Под снимками шла надпись: «Известный археолог Эрик Симплтон открывает новую тайну Тибета. Таинственная шкатулка — мистика или реальность?»

Карел впился глазами в текст сопровождающей снимок статьи, не в силах прервать чтения:

«Знаменитый своими размышлениями о культуре Востока и стран Африки, американский археолог Эрик Симплтон сделал новое открытие. Во время раскопок западнее Лхолама он натолкнулся на загадочное древнее захоронение, которое специалисты отнесли к началу второго тысячелетия до Рождества Христова. Бронзовая эра в истории человечества. В погребении, с частично сохранившимся скелетом, который лежал на левом боку лицом на восток с полусогнутыми в коленях ногами, была обнаружена шкатулка, которую вы можете рассмотреть на снимке слева. Шкатулка находилась около нижнего края грудной клетки, а в ногах и в изголовье погребенного стояло по глиняному горшку с остатками какого-то вещества красно-бурого цвета. Состав сейчас изучается в исследовательском центре в Женеве, где его подвергнут химическому анализу. «Скорее всего, — объясняет мистер Симплтон, — это просто жертвенные благовония, посвященные Хесусу — духу зла и насилия, чтобы он не утащил душу умершего в царство Аида, или что-то в этом роде. А вот коробочка действительно представляет интерес. Склоняюсь к мысли о ритуальном предназначении шкатулки. Эффектное сияние граней и орнамента может говорить о его мистических свойствах, хотя какие бы то ни было конкретные выводы делать пока рано».

А мы склоняемся к версии, что это может быть та пресловутая шкатулка, воспетая в эпосе о правлении Желтого императора. Помните: «Искряся зов он (ларец) привлекает и эхом тысяч голосов, он врата ада отворяет, глядя в глазницы мертвцев». Но время покажет. Мы надеемся, что на страницах нашего журнала еще встретимся с отважным путешественником Эриком Симплтоном и его не менее смелыми спутниками».

Карел отложил журнал, лихорадочно перелистывая газету из конверта. Наконец, он нашел то, что ему было нужно. На четвертой странице неброский заголовок гласил: «Близ Лхолама открыто новое захоронение. Таинственная шкатулка древних тибетцев». Как только Карел опустил глаза на статью, с улицы раздался скрежет закрываемых дверей гаража.

— Черт возьми! — прошептал он, лихорадочно собирая бумаги.

Когда ключ в замке входной двери повернулся, Карел уже сидел в причердачной комнате, вжавшись в угол. Тяжелая портьера скрывала его, медленно покачиваясь. В углу было пыльно. Паутина свешивалась с потолка, соединяясь со стеной серебристыми нитями. Карел зажал нос и решил дышать через рот. После первых же вдохов в горле у него запершило и стало ясно, что укрытие надо спешно менять, иначе он закашляется и выдаст себя. Он уже хотел что-

нибудь предпринять, как на лестнице раздались шаги. Поднимались двое.

— Идемте, мистер Киркхейм, — услышал он голос доктора Женарта, — сюда, пожалуйста.

Шаги проследовали в соседнюю комнату.

С облегчением вздохнув, Карел, осторожно ступая, вышел из-за портьеры и оглядел убранство маленького помещения. Оно мало чем отличалось от обстановки гостиной. Картины, склянки с какой-то жидкостью, сваленные в угол рулоны чертежей неизвестных аппаратов и таблиц, в точности повторяющих, в чем Карел не сомневался, древние вычисления последователей Каббалы.

— Садитесь, пожалуйста, мистер Киркхейм, — послышался голос из второй комнаты.

Невольно повернув голову на звук, Карел увидел пятиугольный проем окна, вделанный в центр пентаграммы. Отойдя от него чуть в сторону, он заглянул.

Картина, представшая его глазам, шокировала его. На грязном окровавленном матрасе сидел трясущийся человек с седыми волосами, осунувшимся лицом и бегающими глазами. Он был без рубахи, в одних белых полотняных брюках. В открытой ране на груди копошились черви, они ползали по гниющему мясу. Рядом сидел доктор Женарт и держал смирительную рубашку.

— Снимите их с меня! — завопил Киркхейм и конвульсивно дернулся, роняя червей. — Снимите!

Доктор Женарт вытянул ящик стола и вытащил из него лезвие для бритвы. Открыв, он протянул его Киркхейму.

Трясущейся рукой тот взял бритву и со страхом посмотрел на Женарта.

Доктор присел на краешек стола и подтолкнул своего пациента:

— Ну что же вы, Киркхейм? Приступайте. Вы же хотите убрать их? Можете это сделать.

Киркхейм что-то заворчал и сжал бритву своими тонкими пальцами. Лезвие затрепетало в его непослушной руке. Он попытался остановить дрожь, сжав рукоятку бритвы обеими руками. Бритва перестала колыхаться, он с безумным криком полоснул себя по груди, разрезая червей, а с ними и свою плоть. Черви, разрезанные бритвой, падали на матрас, изгинаясь, они пытались расползтись в разные стороны.

Киркхейм поднял глаза на доктора, тот удовлетворенно кивнул. Псих еще раз завопил, разрезая отточенной сталью себе грудь.

Кровь хлынула из образовавшихся ран, покрывая матрас свежими пятнами. Киркхейм остановил свою руку и взмолился, обращаясь к доктору:

— Снимите их с меня!

— Видите, — лицо Женарта было очень серьезным, — половины уже нет. Вам лучше лечь, так будет удобнее.

Сумасшедший благодарно посмотрел на него, вытянувшись во весь рост на матрасе. С новой силой он кромсал свое изуродованное тело, оглашая комнату нечеловеческими криками. Кровь ручьями стекала с него, на изувеченной груди появлялись все новые и новые рубцы, покрывая кожу вдоль и поперек. Впитывая кровь, матрас приобрел вскоре густой бордовый цвет.

Киркхейм наносил себе очередной порез, когда из матраса, разрывая обивку, выскоились две красные от крови человеческих руки и обхватив шею сзади, прижали его затылком к изголовью. Киркхейм заорал и, выронив из рук бритву, попытался высвободиться. Но это ему не удалось. Вслед за руками из матраса вынырнули две ноги и обвили его бедра. Он попытался встать, оторвав затылок от матраса. Под его головой показались белые сухожилия человеческого лица.

Доктор смотрел на происходящее круглыми от ужаса глазами. Он не представлял, что все произойдет именно так, и в то же время был нескованно рад тому, что его Умозаключения подтверждаются. В прошлом году он присутствовал на спиритическом сеансе, но там было все Расплывчено и бестелесно. Духи Сатурна, представшие перед ним неясным пятном, покачивались около самой кромки магнитного круга и исчезали от малейшего покачивания воздуха. Здесь же все было иначе. Не оставалось ни малейшего сомнения в том, что все происходит наяву, а не является внушением гипнотизера.

Киркхейм рывком повернулся на бок, вырывая из недр матраса человеческое тело с неприкрытыми кожей мышцами.

— Помогите! — заголосил сумасшедший, срывааясь на хриплый крик и протягивая к доктору руку. — Помогите, прошу вас!

Доктор Женарт не шевелился, игнорируя вопли о помощи.

Киркхейм пополз по полу, вырвавшись из лап чудовища. Однако монстр схватил его за ноги и потянул к себе. Киркхейм распластался на линолеуме, теряя силы. Монстр залез на него верхом и, придавив коленом, разорвал ему шею. Испустив последний крик, напоминающий предсмертный рев быка, больной дернулся всем телом, и оно обмякло. Жадно прильнув к нему своим ртом, чудовище стало высасывать теплую кровь. С каждым новым глотком на его теле появлялись новые сухожилия.

Карел, видевший из окна все это, не мог сдвинуться с места, потеряв контроль над своим телом. Могильный холод, клубясь и извиваясь в невидимых водоворотах, медленно обволакивал его тело, обжигая ледяной волной ужаса. Он поднимался все выше и выше,

пока не достиг уровня груди, сковывая движения и заставляя цепенеть сознание.

Человек без кожи, отстранившись от бездыханного Киркхайма, повернулся и лег на спину. Это была женщина. Взглянув в сторону доктора Женарта, она произнесла свистящим голосом:

— Помоги мне!

Чудовище в образе женщины сделало над собой усилие и попыталось подняться, но вновь упало на пол.

— Помоги мне!

Заметив, что Женарт остается неподвижен, она снова поднялась на локтях и поползла к матрасу.

Женарт неуверенно сделал шаг по направлению к ней.

— Не бойся меня! — просвистела женщина безгубым ртом. — Помоги мне встать.

Доктор протянул ей руку, и она вцепилась в нее, оставляя кровавые следы.

Сбросив сковавшее его оцепенение и еле сдерживая подступившую тошноту, Карел выскочил из комнаты, стараясь все же не выдать себя. Выбежав из дома на улицу, он жадно глотнул свежего воздуха и чуть не потерял сознание. В глазах потемнело, и он ухватился за ствол дерева, стараясь оставаться на ногах.

— Боже мой! — прошептал он. — Спаси меня от безумия!

Отдышавшись, Карел помчался по дорожке, окаймленной с двух сторон рядами розовых кустов. Ворота были закрыты. Пригибаясь за кустами и карликовыми деревьями, он побежал вдоль бетонной ограды, стараясь найти в ней дыру или хотя бы углубление для ноги. Совсем рядом с оградой рос дикий клен, которым и воспользовался Карел. Встав на толстую ветку, он ухватился за край ограды и подтянулся на руках, закидывая ноги. Еще рывок, и он благополучно приземлился на асфальтированную дорогу, ведущую к автобусной остановке.

Где-то вдалеке грянул мощный раскат грома — Тифо- ни собрала новую головоломку.

* * *

— Ты, я вижу, все-же боишься меня, — вымолвила восставшая женщина, обращаясь к Женарту. — Не бойся, ты ведь сам хотел этого. Сам вызвал меня оттуда.

— Кто ты? — выдавил из себя доктор.

— Я? — удивилась женщина. — Я Джюлия. Ты ведь знаешь это.

— Я не был до конца уверен.

Женщина, назвавшаяся Джюлией, подошла к зеркалу в полукруглой деревянной раме и посмотрелась в него. Через секунду

она с криком ударила в него кулаком. По зеркалу побежали тонкие трещины, верхний кусок вывалился из крепления и разбился на десятки осколков. На лице, лишенном кожи, не отразилось никаких эмоций, но, судя по тому, как Джулия отреагировала на свое отражение, было ясно, что она недовольна своей внешностью.

– Я думаю... — начал доктор.

– Я тоже так считаю, — прервала его Джулия и облокотилась рукой на стену. — Мне холодно.

– Что? — не понял Женарт.

– Мне холодно, — повторила Джулия. — Дай мне какую-нибудь одежду.

– Да-да, конечно. Подожди, я сейчас принесу.

Доктор Женарт удалился и через некоторое время вернулся, держа в руках белую рубашку и поношенные джинсы.

Джулия отошла от стены, оставив после себя кровавый отпечаток, и взяла предложенные ей вещи.

Белая рубашка почти сразу пропиталась выступающей из мышц кровью.

– Ну? — спросила она, полностью одевшись.

– Да, — задумчиво сказал Женарт, а потом более утвердительно добавил. — Да!

– Я выгляжу ужасно? — поинтересовалась Джулия. — Сюрреалистически? Как в кошмаре?

– Нет, что ты, — запротестовал доктор, открывая дверцу шкафа, где стояло с полдюжины бутылок с красочными этикетками. Ему было необходимо что-либо выпить.

– Значит, не очень страшно?

– Нет, что ты. — Женарт налил в бокал желтую жидкость. — Ты выглядишь...

– Налей мне тоже, — скорее приказала, чем попросила Джулия.

— И дай мне сигарету.

Посмотрев на нее, доктор протянул открытую пачку, шаря другой рукой в поисках второго бокала.

– Хватит трястись! — прошипела Джулия. — Успокойся, наконец.

Женарт убрал пачку и поднес к ее сигарете зажженную спичку. Взгляд его остановился на трупе Киркхайма, по которому ползали черви.

– Надо бы убрать его, — предложил доктор.

– Он тебе мешает? — Джулия выдохнула ему в лицо струйку сигаретного дыма. — Ты сентиментален.

Женарт не обратив на выпад никакого внимания, накинул на мертвеца одеяло, избавив себя от необходимости смотреть на обезображеный труп.

- Вино, — произнесла Джулия, отхлебнув глоток из его бокала.
- Да, вино, — подтвердил Женарт. — Ты чувствуешь?
- Чувствую...

Джулия крутанула висевшую у него на стене сложную конструкцию, состоящую из нескольких вращающихся окружностей, разделенных на двадцать частей каждой. В камерах, образованных делением, были написаны разнообразные слова. Каждый поворот круга создавал бесчисленные комбинации слов, складывающихся в предложения. В центре помещалась большая перевернутая пентаграмма, заключавшая в себе морду козла с бородой и двумя рогами.

- Что, не работает? — осведомилась Джулия.
- Логическая машина? — переспросил доктор. — Нет.
- Зебра получается бело-зеленой? — Джулия попробовала усмехнуться, но только воздух вылетел из ее рта.
- Или зелено-зеленой?
- Точно так, — согласился Женарт. — Расскажи мне про все.
- Что именно тебя интересует?
- Есть ли жизнь после смерти?
- Идиотский вопрос. Разве мое появление не служит доказательством этого?

Женарт смущился. Он многие годы мечтал о таком разговоре, мысленно представлял его, а теперь все вопросы вылетели из его головы.

- Ты Албыс? — спросил он после раздумья. — Злой дух в женском облике?
- В каком-то смысле, да. Ведь я не прежняя Джулия, которая жила раньше. Но почему обязательно злой?
- Так говорят, — попробовал оправдаться Женарт.
- Дух может быть и злой, и добрый в одном лице. Он так же, как и человек, не может быть только добрым или только злым.

Рубашка на Джулии совсем стала красной от крови, и в голову Женарту пришла хорошая идея.

- Снимай с себя это барахло. Сейчас мы сделаем тебе кожезаменитель.

Шутка не понравилась Джулии, но она все же сняла с себя пропитанную насекомые рубаху и штаны, бросив их на подлокотник кресла.

Тифони сидела на полу, скрестив ноги. Она собирала новую головоломку, укладывая грани пирамиды.

* * *

Доктор Женарт вошел в причердачное помещение, неся в руках туго мотки эластичного бинта.

— Садись, — приказал он Джулии, расхаживающей по комнате.
— Сейчас мы замотаем, и тебе больше не будет холодно.

Джулия подчинилась, усевшись на стул. Начиная от запястья, доктор аккуратно стал наматывать бинт, стараясь не задевать пальцами оголенную плоть и расправляя получающиеся складки. Слой за слоем он обмотал одну руку, другую, а затем ноги, туловище и голову, оставив отверстия для глаз, рта и носа.

— Ну, вот и отлично, — Женарт с любовью взглянул на свое детище и подал пару матерчатых перчаток и пару носков.

Джулия подошла к разбитому зеркалу.

— Еще один штрих... — Женарт вновь оставил Джулию наедине со своим отражением.

Вернувшись, он протянул ей голубое платье на белых лямочках.

— Ну, совсем другое дело! — воскликнул он.

— Да, так намного лучше, — удовлетворенно ответила Джулия. — Но мне нужна настоящая кожа.

— С этим будет труднее, — задумался Женарт. — Но, я думаю, не стоит волноваться на этот счет. Может, уже сегодня к вечеру мы добудем то, что нам нужно.

Джулия медленно подошла к нему. Казалось, ее немигающие глаза, смотрят ему, прямо в душу. Она положила руки на плечи доктору, слегка приоткрыв рот.

Женарт, не в силах справиться с охватившем его внезапно желанием близости, прикоснулся губами к зубам Джулии, увлекая ее язык своим языком.

— Тебе не было противно? — обеспокоено спросила его Джулия после поцелуя.

— Да нет, что ты, — заверил ее доктор Женарт. — Ничего более восхитительного я не испытывал в жизни.

Будь у Джулии кожа на лице, она наверно улыбнулась бы.

— А как был создан мир, как появился человек? — сходу спросил Женарт, глядя в глазные яблоки стоящей перед ним Джулии.

Сняв руки с его плеч и отвернувшись, Джулия уселась в кресло, закинув ногу за ногу.

— Земля, прежде чем стать такой, как сейчас, прошла через стадию Сатурна. Человек эпохи Сатурна состоял только из физического тела. Оно было неосозаемым и даже невидимым, ибо

тогда на Земле не было ни твердых тел, ни жидкостей, ни газов. Были только термические формы.

– Значит, Рудольф Штейнер был прав! — воскликнул доктор Женарт.

Джулия взглянула на него, имя, которое он назвал, ничего ей не говорило, пожав плечами, она потянулась к раскрытой пачке на столе и закурила.

– Извини, что перебил тебя...

Выпустив изо рта кольцо сизого дыма, Джулия продолжила:

– В космическом пространстве различные цвета очерчивали правильные и неправильные фигуры; каждый человек, каждое существо было организмом, состоящим из меняющихся температур. Человечество в эпоху Сатурна было слепым, глухим и неосозаемым скоплением тепла и холода. Огня и льда. Тепло — это субстанция еще более тонкая, чем газ. До солнечной стадии духи огня и духи воздуха вселяли жизнь в тела людей, которые тогда начинали сверкать и сиять. Но вскоре между стихиями началась война. Духи воздуха захотели господствовать над созданными людьми и духами огня. В итоге духи воздуха оказались сильнее, потому что их противникам для поддержания сил был необходим кислород. Духи огня были заточены под землю, а духи воздуха стали полновластными хозяевами Вселенной. Лишь зеркала, да кабалистические формулы, созданные первыми людьми, остались промежуточным звеном между двумя царствами, да еще тибетская шкатулка. Но придет время, и силы огня разобьют преграды и сметут всех, кто не поклонится им.

– Шкатулка... — вслух подумал Женарт.

– Она открывает вход в ад, в царство духов огня, — пояснила Джулия. Дернув за болтающийся шнур, она опустила жалюзи на окне.

– В ад?

– Он состоит из лабиринта...

– Я так и думал.

– Из лабиринта сознания и располагается на внутренней поверхности Земли, уходя к центру и разделяясь на сто шестнадцать ярусов.

– Но святой Феодоре было открыто лишь двадцать?

Джулия выдавила из себя звук, похожий на смех.

– Их сто шестнадцать. Каждый ярус представляет собой своеобразный лабиринт, который, замыкаясь в сферу, переходит сам в себя, но соединяется со всеми остальными ярусами через третье измерение. По принципу пентаграммы, которую можно нарисовать, но собрать невозможно, так ка она сводит свои лучи не там, где ее

собирают. Чем ближе к центру Земли, тем непонятнее и страшнее лабиринт.

- А откуда ты?
- Я из десятого яруса. Там лабиринтом правит Левиафан.
- Термическая форма?
- Нет, он уже не просто термическая форма, хотя и сохранил свои первоначальные свойства. Ты забываешь, что он был термической формой в эпоху Сатурна. Сейчас другая эра — другая и форма, близкая к той, что рисовала в своем воображении инквизиция. Они создали ее такой, какой она и осталась.
- А кто такие кенобиты? — осведомился Женарт.
- Первооткрыватели скрытых зон сознания. Яма первый открыл лабиринт и стал его демоном. Кенобиты тоже демоны в своих областях разума.
- Я бы хотел взглянуть на лабиринт.
- Ты будешь там.
- Нет, ты не поняла, — попытался объяснить доктор Женарт. — Я хочу очутиться там в своем собственном теле.
- Это возможно. У тебя в руках шкатулка.
- Но она же сделает из меня кенобита?
- Можно устроить, чтобы этого не произошло.
- Как? — оживился Женарт.
- Помоги мне достать кожу, а я помогу тебе попасть в лабиринт, — пообещала Джуллия и потушила недокуренную сигарету, сломав ее в мраморной пепельнице.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Выйдя из душа в свободной белой рубашке, украшенной кружевными оборками, Керсти вытирала голову махровым полотенцем, когда в палату к ней ворвался Карел с искаженным бескровным лицом.

Он был встревожен, не найдя Керсти в «Игротеке». Находясь в полной уверенности, что она у себя в палате, он без стука влетел в ее апартаменты. И теперь, растерявшись, стоял и смотрел на нее.

Керсти, как ни в чем не бывало, продолжала вытирать полотенцем волосы. Чувствуя, что молчание затягивается она спросила:

- Что с вами?
- Все это правда. Все, что ты рассказывала о демонах и шкатулке, — голос, которым Карел произнес эту фразу, показался Керсти чужим и незнакомым. — Одевайся. Я должен помочь тебе уйти отсюда.
- Объясни толком.
- Нет времени.
- Или ты мне все объяснишь, — вспылила Керсти, швырнув полотенце на постель, — или я никуда с тобой не пойду!
- Хорошо, — согласился Карел, — только ты пока одевайся.

Керсти открыла двухстворчатый шкаф и выругалась — ее вещей там не оказалось.

— Я принесу твою одежду, — Карел заглянул в шкаф, в котором ничего не было, кроме пустых болтающихся вешалок. — Я принесу одежду. Это я могу сделать. Я же врач.

Карел скрылся за дверью. В ожидании его возвращения Керсти опустилась на кровать, перебирая в памяти все случившиеся с ней за последнее время несчастья.

«В какую скверную историю я попала, — размышляла Керсти, подогнув под себя ноги. — Почему я? Почему? И отец... зачем Богу угодно посыпать наказания на не сделавших ничего дурного людей? Ведь страдают обычно только обычные люди. Что я сделала? Что сделал мой папа? Да и Джулия, она ведь не всегда была такой. В Бруклине она была нормальной. А была ли? Она же когда-то встречалась с Фрэнком. Не на свадьбе ли папы это было в первый

раз, когда он немного перебрал и оставил ее одну? Может быть... Может быть...»

Дверь приоткрылась, на пороге появился Карел со стопкой чистого и отглаженного белья.

— Вот, — сказал он, отдал ей Керсти и остался в комнате.

— Мне переодеваться в твоем присутствии? — спросила Керсти, лукаво улыбаясь.

Смутившись, Карел вышел в коридор. Керсти быстро сбросила с себя длинную рубашку, натянула джинсы и заправила в них белую блузку, порванную на спине. Чертыхнувшись, она накинула поверх нее кожаную куртку, которую когда-то во время дождя набросил на нее Стив.

Слезы навернулись на глаза. Ведь это было так недавно. Она заплакала, дав волю своим чувствам. Ей стало очень жаль себя. Жаль Стива, папу, Тифони... Всех.

Карел посмотрел на часы и постучал в дверь:

— Керсти, можно войти?

В ответ на это Керсти зарыдала еще сильнее, прижимая полотенце к лицу. Ее плечи содрогались, убитая горем, она упала на кровать.

Карел подождал еще немного и, стукнув в дверь, нажал на ручку.

— Господи, — вымолвил он, глядя на Керсти. — Что случилось?

— Отстань от меня, — сквозь всхлипы попросила Керсти.

— Но я не могу тебя так оставить. Успокойся, — Карел подсел к ней и погладил ее по плечу. — Успокойся, слышишь? Хватит плакать. Ну, пожалуйста.

Керсти понемногу приходила в себя, вытирая глаза полотенцем.

— Не три, — предупредил ее Карел. — Красные будут. Пусть лучше слезы сами высохнут.

— Спасибо, — поблагодарила его Керсти. — Но почему ты веришь мне? Ведь никто не верит. Ни полиция, ни доктор Женарт.

Карел усмехнулся и достал из кармана сигарету.

— Кстати, о докторе Женарте... Вот он-то никогда и не сомневался в том, что ты говоришь правду.

— Как?

— Очень просто. Я только что был в его доме.

— И что?

— Туда отвезли матрас из дома твоего отца... И я видел шкатулку, про которую ты говорила. Она хранится у Женарта под стеклянным колпаком.

— Матрас... — повторила Керсти словно во сне. — Значит его все-таки не уничтожили. Но ведь доктор Женарт должен был знать, что это такое?

- Да он и знал. Пролив на него кровь одного из наших пациентов, он вызвал твою мачеху.
  - Джулию, — обреченно вымолвила Керсти.
  - Да, Джулию, — перед глазами Карела проплыл ее образ. — Она была ужасна. На ней не было кожи...
  - Джулия не заслуживает возвращения, — помолчав, со злостью сказала Керсти. — Это несправедливо. Мне нужна эта коробочка.
  - Шкатулка, открывающая врата ада? — ужаснулся Карел. — Зачем она тебе? Ты что, с ума сошла?
  - Не знаю, ты же специалист, черт возьми! Я пошла...
  - Куда? — Карел схватил ее за плечо. — В дом к доктору Женарту?
  - Мне нужна шкатулка, — ответила Керсти, убирая его руку.
  - Подожди, подумай...
- Керсти обернулась и ткнула ему в грудь пальцем.
- Карел, когда я думаю — мне больно. Ясно?
  - Объясни мне, зачем она тебе? — настаивал Карел.
  - Чтобы я спасла своего отца! — закричала на него Керсти.
  - Подожди всего две секунды, — Карел показал ей указательный и средний пальцы. — Две секунды. Не двигайся.
- Обескураженная, Керсти остановилась около двери.
- Я сейчас, — сказал Карел, выбегая в коридор.
- Действительно, через несколько секунд Карел уже стоял перед ней, одетый в водонепроницаемый плащ поверх темной в белую клетку рубашки.
- Вот теперь пошли, — сказал он.
  - Карел, — она благодарно смотрела на него. — Ты же не обязан это делать...
  - Да конечно, — согласился он и взял ее под руку.
- Керсти еще помедлила немного, но здравый рассудок взял свое, — ведь она не смогла бы выйти из института без сопровождения врача.
- Карел, — повернулась она к нему, когда они уже опускались в лифте. — У меня было видение, когда пришел священник. Точнее, когда он уходил.
  - Что за видение? — с тревогой спросил Карел.
  - Мне показалось, что он кенобит... про которого я рассказывала. — Утыканный гвоздями.
  - Вряд ли, — подумав, ответил Карел. — Скорее всего, это побочное действие транквилизаторов.
  - Может быть, — согласилась с ним Керсти. — Но у них, согласись, довольно странное действие. Когда я читала Библию, оставленную священником, она вдруг превратилась в Коран.

— Это может случиться.

— Но ведь я читала из него строки, какие-то сурь.

— Действительно, это может быть. Природа возникновения галлюцинаций еще до конца не раскрыта. Были случаи, когда под действием сильных успокоительных лекарств у человека открывались даже экстрасенсорные способности. Случалось и такое, что двое изолированных друг от друга людей начинали видеть одно и то же.

— А у тебя есть какое-нибудь объяснение этому?

— Нет, — помедлив, сказал Карел. — До настоящего времени я об этом не задумывался, а теперь мне кажется, что человек попадает в какой-то мир, отличный от нашего.

Когда двери их лифта раздвинулись, открывая перед ними выход, двери соседней кабины, закрылись, увлекая вниз своего пассажира. Машинально глянув на светящееся табло, Карел отметил, что оно загорелось на служебном этаже. Тогда он не придал этому значения и, крепче прижав к себе Керсти, зашагал к выходу. На проходной Карела знали в лицо, у него даже не потребовали пропуск. Керсти беспрепятственно пропустили вместе с ним.

За тот промежуток времени, пока они спускались вниз на лифте, на улице потемнело. Кипарисы двумя рядами гигантских черных свечей уходили в осеннее небо. Солнце еще не завершило свой дневной бег, озаряя небо на западе красными полосами, когда на востоке появилась круглая серебряная луна, временами закрываемая плывущими тучами. За воротами института Женерро город начинал свою вечернюю жизнь. Тут и там вспыхивали неоновые надписи, рекламирующие товары или зазывающие посетить «наше кафе». Огоньки весело перебегали с буквы на букву, подчиняясь воле управляющего ими реле. Керсти, как и большинство американцев, любила вечерний город, но сейчас мысли ее были заняты совсем другим.

Карел поднял руку, надеясь остановить такси. Как назло, машины, не останавливаясь, проносились мимо. Он уже был близок к отчаянию, когда на противоположной стороне улицы затормозил забрызганный грязью «шевроле» и просигналил стоящим у обочины.

Карел обрадовался и перебежал дорогу, а Керсти, недолго думая, побежала в другую сторону.

Когда Карел обернулся, чтобы позвать ее в машину, девушки уже не было видно.

— Черт! — произнес он, с трудом отыскав взглядом в толпе кожаную куртку и копну каштановых волос.

Захлопнув дверцу, попросил водителя ехать в ту сторону, где скрылась Керсти. Пожав плечами, тот отъехал от тротуара, думая про

себя, что это, скорее всего, поссорившаяся супружеская пара, и больше не вспоминал об этом.

— Керсти, подожди! — крикнул Карел. Выскочив из машины, он догонял ее, расталкивая плотный поток пешеходов. — Да постой, ты, черт возьми!

Керсти, не оборачиваясь, бежала вперед, пока не уткнулась носом в грудь неизвестно откуда взявшемуся полицейского. Он стоял перед ней в сдвинутой на один глаз фуражке, упираясь кулаками себе в бока. Вид Керсти явно вызывал у него подозрение, но еще подозрительнее была фигура бегущего следом за ней мужчины.

Полицейский потянулся к кобуре, хотя стрелять в людных местах было запрещено. Он хотел взять Карела на испуг, так как сразу смекнул, что если бросится за ним в погоню, потерпит полное фиаско. Карел был моложе, да и комплекция у копа явно не способствовала быстрому перемещению.

— Стоять, ни с места! — рявкнул он. — Или в твоем брюхе появится пара дыр.

Карел остановился, как вкопанный. Люди вокруг него в страхе расступились. Керсти тоже стояла перед полицейским, тяжело дыша. На бегу Керсти сбросила с себя куртку и теперь ощущала любопытные взгляды: на спине, от плеча и почти до самого низа, ее белая блузка была разорвана и висела неровно вырванными клочьями.

В двух шагах от нее под пристальным взглядом полицейского стоял Карел, сжимая в руках кожаную куртку.

— Можно, я отдам ей куртку? — осведомился он у блюстителя порядка.

Тот взял у него кожанку и, помяв в руках, протянул ее Керсти.

— Сержант полиции Дэвид Харрис, — представился он, щелкнув по железному значку на груди. — Ваши документы или водительские права.

Карел хлопнул себя по карману и убедился, что забыл пропуск в больничном халате.

Керсти не стала даже делать вид, что ищет документы — их у нее не было, они остались в институте Женерро.

— Так, — вымолвил, отчего-то повеселев сержант. — Документов нет.

— Понимаете... — начал Карел.

— Конечно, — продолжил полицейский и, выдвинув антенну у болтавшейся на груди радио, вызвал патрульную машину.

— В участке разберемся, кто вы такие.

— Вы не имеете права, — вставил Карел.

— Нам надо спешить, — пролепетала Керсти, — Дело очень важное...

Она хотела все объяснить сержанту Харрису, но тут подкатила полицейская машина, мигая разноцветными огоньками.

— В участок, — кинул Харрис шоферу в униформе. — Для выяснения личностей.

— Есть, сэр! — козырнул шофер и включил сцепление.

* * *

Доктор Женарт остановил машину перед железными воротами своего дома и, не выключая фар, открыл замок.

Проехав вдоль живой изгороди и затормозив у гаража, он вытолкнул из машины двух босых людей в смирительных рубашках. Это были мужчина лет сорока и совсем молодая девушка двадцати лет. Они, дрожа от холода и не понимая, что происходит, встали у каменной стены дома.

С большими предосторожностями их удалось вывезти из психиатрической клиники, используя для этого выход для разгрузки оборудования и медикаментов в подвале. Их исчезновения никто не заметил, да и не мог заметить, так как они чисились под литерой «Z», то есть были пациентами, не зарегистрированными в картотеке института.

Полгода назад Женарт попытался включить в литеру «Z» и Тифони, но чуть не загубил все дело. Пришлось, скрепя сердце, оставить девочку в женском отделении, хоть она и была «непечатым краем» для его экспериментов.

— Не бойтесь, — обратился к привезенным больным доктор Женарт. — Вам просто сделают прививки, и я тут же отвезу вас обратно.

Женарт поставил машину в гараж и, подталкивая их перед собой, направился к дому.

Острый гравий врезался в босые ноги больных, но они не могли сказать об этом — прозрачный скотч плотно залепил их рты.

Пройдя в гостиную, доктор Женарт оставил их на какое-то время.

Больные с ужасом взирали на окружавшие их со всех сторон страшные лики и жалились друг к другу, предчувствуя беду. Так корова, лишенная разума, знает, что ее ведут на бойню. Вид картин пугал и вызывал хаос в их и без того ослабевшем сознании. Дьявол, сидя верхом на устрашающего вида звере с длинным крокодильим хвостом, выпускал в них из своего рта клубы дыма. Безобразный монстр в одежде Папы Римского, протягивал к ним волосатую лапу с огромными когтями, сжимая в другой два крюка на длинных рукоятках с намотанной вокруг них веревкой. Обнаженные женщины, тела которых были обвиты змеями, с мольбой о пощаде

обращались к двум демонам, хлопающим над ними огромными черными крыльями летучей мыши.

Девушка прижалась к мужчине, который смотрел на нее с отеческой любовью, и, если бы не связанные рукава, непременно обнял бы ее.

«Зачем нас привезли сюда, в это ужасное место?» — спрашивали глаза девушки.

«Не бойся, все будет хорошо», — как бы отвечал ей мужчина.

В комнату вошел Женарт, прервав из бессловесный диалог. В руках он держал моток прочной веревки.

— Идите за мной! — приказал он и подтолкнул их к выходу на лестницу.

Они безропотно повиновались, переставляя израненные ноги по деревянным ступеням.

— Привез? — встретила их вопросом Джулия. С ног до головы обмотанная полосами эластичного бинта, она олицетворяла собой для двух больных людей продолжение кошмара.

— Как видишь, — ответил Женарт и закрыл дверь чердачной комнаты на крючок. — Опусти жалюзи.

Две мощные лампы на потолке заливали помещение ярким светом. Женарт подошел к своим пленникам и снял с них смирительные рубашки.

Девушка стыдливо закрыла руками груди и стояла, отвернувшись в угол, так до конца и не понимая нависшую над ней угрозу. Ее воспаленный мозг воспринял Джулию лишь как часть повседневных кошмаров, вызываемых галлюциногенами, которыми в достатке снабжал ее доктор Женарт. Она испугалась ее не больше, чем ужасных картин в комнате внизу.

Взяв веревку, Женарт затянул узел на запястьях мужчины и, перекинув второй конец через перекладину, вздернул его к потолку. Руки взметнулись вверх, увлекая тело мужчины за собой. Ничего не понимая, тот таращил глаза на доктора, пытаясь что-то сказать заклеенным ртом.

Улыбаясь, доктор подошел к девушке, держа в одной руке конец веревки. Девушка отшатнулась от него, вспомнив увиденную внизу гравюру с веревкой и крюками.

— Ну что ты, что ты? — ласково проговорил доктор и неожиданно сделал резкий выпад в ее сторону.

Она бросилась в угол, испуганно глядя по сторонам и ища поддержки. Мужчина, подвешенный к потолку, что-то замычал ей. Женарт подошел к девушке, с силой оторвал ее руки от груди, набросив на них петлю-удавку. Девушка сопротивлялась изо всех сил, но сил этих было очень мало, и борьба лишь измотала ее, не принеся результата. Этим она лишь усугубила свои страдания.

Ноги беспомощно оторвались от линолеума и повисли в фуре от пола.

Доктор Женарт посмотрел на свои жертвы и, достав из кармана пиджака пачку сигарет, закурил.

— Ну, как она тебе? — спросил он, тыча окурком в сторону висящей на руках девушки. — Специально выбирал для тебя.

Джулия, холодно сверкнув глазами, подошла к ней и срезала пуговицы с ее хлопчатобумажных штанов.

— Хочу посмотреть на свое будущее тело, — произнесла она, смотря, как брюки, спадающие на пол, открывают голые бедра.

Девушка закрыла глаза, не в силах ничего больше сделать от охватившего ее чувства стыда. Мужчина, висевший рядом, отвернулся свою голову к противоположной стене.

— Не красней, шлюха, — Джулия похлопала ее по животу. — Все это тебе уже не принадлежит.

Джулия подошла к подвешенному к балке мужчине. Глаза ее налились кровью. Взгляд стал зверски алчным, совсем не походившим на человеческий. Висевший со страхом смотрел на нее, вспомнив хищного ягуара, благодаря которому он и попал в сумасшедший дом. Сравнение выдавало их идентичность: одна страсть толкала и дикого зверя, и эту женщину, восставшую из ада. Это было последнее, о чем он мог подумать. Острые зубы Джулии впились ему в шею, перекусывая артерию. Жадно глотая теплую кровь, она неправлялась с ее бурным потоком. Льющаяся мимо ее рта, кровь впитывалась белыми бинтами и стекала на грудь жертвы. Джулия старалась не упустить ни одной капли, подхватывая ее ручейки красным от крови языком.

Девушка смотрела на все это, и на ее лице застыло выражение безумного страха.

Джулия повернула перепачканное кровью лицо в сторону доктора Женарта и увидела нацеленный на нее объектив видеокамеры.

— Зачем ты это делаешь? — глаза Джулии горели красным огнем.

— Это пополнит мою коллекцию, — ответил Женарт, настраивая четкость изображения.

— Ты еще более безумен, чем я думала.

— Знаешь, у каждого свое хобби.

Джулия, оторвав взгляд от камеры, направилась в сторону беспомощно висевшей девушки, широко раскрывая окровавленный рот.

— Постой, — крикнул Женарт. — Бинты!

Она остановилась, так и не закрывая хищно раскрытоего рта.

Положив на стол свою камеру, Женарт достал из ящика хирургические ножницы с загнутыми вбок лезвиями. Джулия скинула платье и дала ему разрезать бинты, покрывающие голое мясо.

— Ну, теперь вроде все, — осмотрев ее со всех сторон, произнес Женарт.

Джулия подошла к висящей девушке и рывком сорвала липкую ленту с ее губ.

Закричав, насколько позволяли ей это сделать легкие, пленница рывком нечеловеческой силы попыталась освободиться. Кость хрустнула и вышла из сустава, пронзая ее тело острой нестерпимой болью. Сухожилия заходили, предплечный мускул вздулся, когда Джулия взяла со стола открытую бритву. Шагнув девушке за спину, она воткнула отточенную сталь ей в кожу у шеи и медленно провела бритвой до копчика, деля спину пополам.

От нечеловеческой боли из глаз девушки брызнули слезы. Она кричала, не умолкая. Никто не услышал ее полного страданий крика, беспомощно бившегося в толще каменных стен старой постройки. Вскрикнув последний раз уже безгубым ртом, она умолкла, захлебнувшись в крови, хлынувшей в легкие из рассеченного лезвием бритвы горла.

* * *

— Понимаете, — обратилась к шоферу сидящая на заднем сиденье Керсти. — Нам нужно спешить!

Сидевший рядом с ней сержант зевнул и ответил вместо шофера.

— Нет таких дел, которые нельзя отложить.

— Но нам очень нужно, — повернулась к нему Керсти. — Мы гуляли и поссорились. Я вспылила и попыталась убежать.

Карел, сидевший по другую сторону от сержанта, оценил предприимчивость Керсти. Она дала ему план, которого надо было придерживаться во время «беседы» в полицейском участке.

— Может, это и правда, — оторвался Харрис от вида за окном. — А может, и нет. Вы могли, например, кого-нибудь ограбить, а потом не поделить добычу между собой, или вы, — он обернулся, глядя в упор на Керсти, — могли шантажировать этого джентльмена. Он не захотел платить, кинулся на вас, чтобы раз и навсегда избавиться от рэкета, порвал на вас блузку, вы побежали, он бросился за вами. А? Как версия, мисс?

Керсти демонстративно уставилась в окно, мимо которого проносились столбы уличных фонарей.

— Я бы мог вас отпустить, ребята, вы мне нравитесь...

В глазах Керсти зажглась надежда.

— ...но закон есть закон, — закончил свою фразу Харрис, потушив огонек.

— Салют, Боб! — бросил Харрис дежурному.

— Привет, Дэйв! Что новенького? — оторвался тот от каких-то бумаг.

— Да вот двух жуликов задержал, — сказал Дэйв с улыбкой. — Сам их допрошу. Если что, я у себя.

— О'кей.

— Пойдемте, ребятки, за мной, — повернулся Дэйв к Керсти и Карелу, в нерешительности стоявшим возле висевшего на стене огромного красного огнетушителя.

Они прошли по отделанному «под дерево» коридору и остановились возле обитой железом двери. Позвенев ключами, полицейский открыл ее и пропустил Карела и Керсти вперед, щелкнув у них за спиной выключателем.

В комнате стоял здоровенный несгораемый сейф и однотумбовый письменный стол, заваленный донесениями и еще какими-то бумагами.

«Как у Женарта», — подумал Карел, шагнув по начищенному до блеска полу.

— Садитесь, — пригласил их жестом Харрис. — Ну что, начнем?

Он самодовольно потер руки и открыл папку, вытаскивая оттуда два листа официальных бланков и копирку.

— Ну-с, с вас, пожалуй, — он ткнул в сторону Карела кончиком шариковой ручки.

— Послушайте, инспектор! — возмутился Карел. — Вы запросто можете позвонить в институт Женерро и выяснить, кто я такой.

— Вы пациент?

— Нет, я врач!

— Очень ловко придумано, — заметил Харрис. — Взгляните на часы, вряд ли там кто-то еще остался, кроме больных и санитаров.

Карел взглянул на часы и убедился, что в клинике действительно уже нет никого, кто мог бы подтвердить этому болвану — полицейскому, что он является ее сотрудником.

— Вот видите, — заулыбался Харрис. — Я думаю, что вы пробудете в участке до утра, если, конечно, вы никого не ограбили.

— До утра? — ужаснулась Керсти. — Но мистер Харрис...

— Да-да-да, мисс. До утра. Закон есть закон, и никому не стоит идти против него.

— Это противоречит Конституции. Мы не нарушили закон!

— Вы нарушили общественное спокойствие. Посеяли волнение среди окружающих вас людей, создали панику...

— Панику создали вы, — резко сказала Керсти. — Вы схватились за свою кобуру.

— Я действовал в рамках закона...

— Да пошел ты к черту! — в сердцах крикнула Керсти и отвернулась, сверля глазами стальной сейф.

— А на вас, мисс, — продолжал полицейский ровным голосом, — Можно наложить штраф за оскорбление полицейского во время исполнения им служебных обязанностей. Но я человек мягкий и этого делать пока не стану. На первый раз. Просто я понимаю: вы в таком состоянии сейчас, что не можете контролировать свои действия.

— Перестаньте издеваться, — вмешался в разговор Карел.

— А вы сядьте, молодой человек. Не горячитесь. Будете отвечать, когда я вас об этом попрошу. Успокойте лучше свою мисс.

— Не надо, — убрала руку Карела Керсти. — Все нормально.

— Вот и хорошо, — подытожил полицейский. — Итак, ваше имя, молодой человек.

— Карел Макгрей.

— Где вы работаете?

— Черт!

— Отвечайте на вопрос, Карел Макгрей.

— Институт Женерро.

— Кем?

— Врач. Врач-психиатр.

— Ясно, — Харрис заносил сведения в протокол, царапая по бумаге и выводя маленькие кругленькие буквы, изредка потирая кончиком ручки себе за ухом. — Это, слушаем, не ваша пациентка, которую вы решили соблазнить, воспользовавшись слабостью ее ума?

— Послушайте, вы! — взревел Карел.

— Сядьте, мистер Макгрей, — он указал рукой на стул. — С вами все. Мне неприятно задавать вам вопросы о вашей интимной жизни, но того требует закон, и его надо уважать. Теперь с вами, мисс.

Сержант придвинул к себе чистый лист бумаги.

— А потом вы расскажете, что произошло. Вообще-то вас надо допрашивать раздельно, но вы мне нравитесь, ребята, а я по натуре человек мягкий.

«Боже мой, — выдохнула Керсти. — Если он узнает о расследовании в доме отца — мы пропали».

— Ваше имя, мисс.

— Я... сестра Карела... двоюродная, — с замирающим сердцем сказала Керсти. — Я приехала к нему из Белфаста. Мое имя... Керсти Макгрей.

Карел удивленно посмотрел на нее, но Харрис, кажется, этого не заметил.

— Вот видите, — развеселился полицейский. — Я был не далек от истины. Сначала вы сказали, что вы невеста этого человека, потом сестра, а затем, может, и... сообщница?

Дэйв Харрис, сложил руки на животе, торжествующе посмотрел на них.

* * *

Тифони сидела в своей комнате, сосредоточенно складывая закрученные и изогнутые детальки головоломки. Игрушка явно не хотела собираться, и Тифони беспрестанно меняла положение частей. Волосы спадали ей на глаза, закрывая лицо. Она не обращала на это внимания, оставаясь неподвижной, и не замечала, как стрелки часов над дверью медленно скользят по циферблату, отсчитывая секунды, минуты и часы непрерывно текущего времени.

Сейчас она была подобна жрецам бога Брама, поддерживающим равновесие в природе без устали, днем и ночью, передвигая по восьми алмазным спицам шестьдесят четыре золотых кружка. Да она была выше времени, выше сознания и выше жизни. Она была Тифони — ВЫЗЫВАЮЩАЯ АД.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Первые лучи утреннего солнца, пробившиеся сквозь приоткрытые шторы, застали доктора Женарта сидящим за столом.

Откинувшись на высокую спинку стула, он задумчиво смотрел в потолок. Костюм на нем был слегка помят, узел галстука ослаб. Было похоже, что минувшую ночь он провел не в постели. Покрасневшие глаза устало смотрели на девушку, сидевшую неподалеку от него на мягком подлокотнике кожаного кресла.

Она курила, изредка поправляя свои волнистые, упрямо падавшие на глаза волосы, рукой отбрасывая непокорные пряди назад.

На вид ей было не более двадцати лет, но уверенный взгляд, манера держаться приводили к мысли, что на самом деле она вдвое старше. Голубое платье с белыми перекрещенными бретельками великолепно сидело на ней, подчеркивая достоинства фигуры. Вырез на спине показывал ее нежную тонкую кожу. Если бы не безобразный кровавый рубец, открывавшийся и обнажающий голое мясо каждый раз, когда она поднимала руки, можно было бы подумать, что эта прелестная девушка впервые не ночевала дома и заставила своего отца беспокоиться за нее.

- Ты довольна, Джуллия? — обратился Женарт к девушке.
- Вполне, — помедлив, ответила она и обвела взглядом комнату.

В углу на полу угадывались контуры человеческой фигуры, покрытой испачканным в крови одеялом. Грязная рука, покрытая шевелящимися червями, высовывалась из-под него, создавая образ, достойный кисти великого Гойи. Два подвешенных к перекладинам окровавленных трупа дополняли картину, привнося колорит, типичный для камеры пыток.

И среди этого безумия спокойно сидели и разговаривали двое палачей, заставившие свои жертвы жестоко страдать, наполнившие их сердца ледяным ужасом и нечеловеческой болью.

– Какие у тебя дальнейшие планы? — затягиваясь сигаретой, спросила Джуллия.

– Свое дело я сделал — я помог тебе, — доктор сложил руки на животе. — Теперь очередь за тобой. Ты обещала выполнить мое желание...

- Ты все еще хочешь попасть в ад?

— Я хочу понять, что питает лабиринт сознания. У меня есть шкатулка, открывающая его стены. Ты только расскажи мне, как она действует, и сделай так, чтобы я, оставаясь в своем теле, оказался на внутренней поверхности Земли.

— Я не знаю, как открывается шкатулка, — ответила Джулия, на ее красивом лице сохранялось выражение отрешенного безразличия.

— При мне она никогда не раскладывалась.

— Как? — возмутился доктор. — Ты же обещала мне!..

— Я говорила, что могу тебе дать совет, как избавиться от кенобитов, охраняющих границы разума.

— Черт! А как же открыть двери? — Женарт вскочил со стула и принял ходить по комнате взад и вперед.

Джулия следила за ним, покусывая фильтр уже догорающей сигареты.

Доктор резко остановился.

— Знаю! — воскликнул он и бросился вниз, перешагивая через несколько ступенек.

* * *

Как только часы пробили восемь раз, сержант Харрис позвонил в институт Женерро, где ему подтвердили, что Карел Макрей действительно является сотрудником клиники. У него есть сестра... — дальше сержант ничего не понял. Их неожиданно разъединили и послышались короткие гудки.

Дэйв Харрис не стал перезванивать, так как был «по натуре мягким человеком». Ему стало ясно, что он оказался в дураках. Чтобы не показаться еще большим идиотом в глазах начальства, он их освободил. Напоследок, чтоб они не очень радовались, сержант добавил, что у каждого за душой всегда найдется с десяток грешков, за которые его легко упрятать за решетку.

— Спасибо за доброту, — уже на выходе буркнул Карел.

— Закон есть закон, — грустно ответил ему сержант и развел руками.

Керсти и Карел уныло побрали по дороге, вороша ногами опавшие листья. Настроение было прескверное, они молчали.

— Слушай, — прервал Карел затянувшуюся паузу. — А зачем ты побежала вчера, когда я пошел за такси?

— Я не хотела брать тебя с собой, — сказала Керсти,

— Ты не представляешь, что могут сделать кенобиты.

— Ну почему же, это я представляю себе достаточно хорошо, — Карел передернулся, вспомнив увиденное в доме доктора Женарта.

— Я должна попасть к нему в дом, — обреченно произнесла Керсти. — Мне необходима эта шкатулка. Я смогу помочь своему отцу. Она наверняка сейчас у Джулии.

— Последний раз она находилась у Женарта под колпаком.

За ночь все могло измениться, — Керсти застегнула молнию на куртке, спасаясь от холодного порывистого ветра. — Боже, как много времени мы потеряли. Нам надо спешить...

— Я вызову такси, — предложил Карел и добавил: — Если ты не убежишь на этот раз, мы скоро будем около дома Женарта.

— Не убегу. Да я и не знаю, где живет доктор. Об этом я вчера как-то не подумала, — проговорила Керсти. Засунув руки в карманы куртки, она остановилась, наблюдая за тем, как Карел пытается остановить проезжающие мимо машины.

Вскоре у обочины затормозил красный «плимут», водитель опустил боковое стекло.

Двадцать минут езды по асфальту, мокрому от прошедшего ночью дождя, — и машина остановилась в переулке, не доезжая до дома Женарта.

Карел расплатился с водителем и, подтолкнув Керсти, вылез из машины.

После теплого салона машины им показалось, что на улице холодно и сырьо. Вокруг стояли коммерческие палатки и магазины с яркими, броскими названиями. Некоторые уже открылись, а другие и не закрывались всю ночь, торгуя спиртными напитками и сигаретами. Чуть дальше возвышались здания офисов и каких-то торговых контор.

— Ты же говорил, что его дом где-то на окраине, — недоверчиво заметила Керсти.

— Так безопаснее. Не нужно, чтобы он заметил нас раньше времени, — ответил Карел, осматриваясь по сторонам. — Тут недалеко. Через двести метров ряды этих строений резко оборвутся и дальше ты увидишь крыши небольших частных коттеджей. Дом Женарта будет второй справа, за глухой кирпичной оградой.

Действительно, вскоре здания остались позади, а впереди открылись разноцветные угловатые крыши небольших кирпичных и деревянных домов.

Керсти и Карел благополучно преодолели неприступную, на первый взгляд, ограду, прошли по дорожке и остановились у входа. За дверью послышались грузные шаги, и кто-то повернул ручку с внутренней стороны, явно собираясь открыть дверь. Карел увлек Керсти за угол, они прижались к кирпичной стене, поросшей желтым мхом. На крыльце слышался звон перебираемых ключей, под чьими-то ногами потрескивал гравий. Из-за угла показалась широкоплечая фигура в темно-коричневом плаще и черной фетровой шляпе.

Карел сдавил руку Керсти, предупреждая об опасности. Керсти и сама видела, что это доктор Женарт. Он прошел к гаражу, открыл его ворота, вошел внутрь. Минуту спустя машина доктора выехала из гаража на ровную асфальтовую дорогу и скрылась за поворотом.

Выждав еще какое-то время на случай, если доктору придет в голову вернуться, Карел поднялся на крыльце и, порывшись в карманах плаща, извлек узкую пилочку для ногтей.

— В прошлый раз у меня это получилось, — шепотом сказал он, всовывая тонкую пластину в замочную скважину.

На этот раз он провозился дольше: замок никак не хотел поддаваться, отмычка все время срывалась с зубцов его механизма. Карел упорно продолжал нащупывать заостренным кончиком пилки нужные зубцы замка, наконец тот поддался и, тихо щелкнув, открылся.

Войдя в дом, Керсти тихо прикрыла за собой дверь и проследовала за Карелом в гостиную.

Ей показалось, что все восемь голов Князя Тьмы на древней гравюре неизвестного автора повернулись, глядя на нее. При этом у каждой головы на лице было свое, почти человеческое выражение. Одна смеялась в лицо Керсти, другая изрыгала проклятия, третья высоко подняла брови, изображая крайнюю степень удивления, четвертая, расположившись между ног, высовывала длинный тонкий язык, олицетворяя собой распутство и скрытую истеричность.

Керсти стало не по себе. Хоть она и любила всякие подобные штучки, но здесь был их явный перебор.

— Керсти! — в зловещей тишине шепот Карела ей показался очень громким. — Мы ничего не будем делать, пока я не проверю дом, хорошо? Жди меня здесь!

Керсти кивнула, проводив его взглядом.

Тихо ступая по лестнице, Карел поднялся в причердачное помещение и, осторожно шагая по дощатому полу, хотел открыть дверь, ведущую в помещение, где, как он предполагал, мог лежать матрас. Но он не успел открыть дверь, почувствовав, как чья-то легкая рука легла ему на плечо. Вздрогнув от неожиданности, Карел резко обернулся и инстинктивно попятился назад.

Перед ним стояла красивая молодая девушка, одетая в светло-синее платье. Роскошные каштановые волосы прядями ложились на ее обнаженные плечи, рука все еще тянулась к нему.

— Извините, что напугала вас, — огорченно проговорила она, опустив руку. — Я должна была остановить вас, чтобы вы не вошли туда. Иначе вы бы закричали. Это просто ужасно...

При виде прекрасной незнакомки Карел упокоился, тело его расслабилось. Взгляд девушки был неуловимо загадочным, бескураживающим мягким, в ее лице таилось что-то зовущее и

прекрасное. Карел поймал себя на мысли, что никогда не видел такого чистого лица, излучающего вокруг себя неземную красоту.

— Оно все еще здесь? — стараясь подавить волнение, спросил он и показал глазами на закрытую дверь.

— Я не знаю, — ответила девушка и испуганно повела плечами.

Карел нажал на ручку и распахнул дверь настежь. Из комнаты вырвался и ударил в нос застоявшийся, спертый воздух, наполненный запахом гнили и крови. Не выдержав, Карел на мгновение отпрянул, но пересилил себя и шагнул в помещение, борясь с тошнотворным комком, подкатившим к горлу.

В комнате повсюду кружили неизвестно откуда взявшиеся мухи, спугнутые внезапным движением и скрипом открывшейся двери. Они тут же облепили подвешенные за руки к перекладине трупы — мужчины и женщины. Кожа на шее мужчины была разорвана, клочья мяса выпирали из страшной раны. Тело женщины представляло собой месиво из мышц и сухожилий. На шее не было кожи, остекленевшие глаза тускло смотрели из кровавых глазниц, в них стояли застывший ужас и мольба о пощаде.

Карел отвернулся и в углу на полу под одеялом, засиженном мухами, увидел гниющий труп мистера Киркхайма. «Снимите их с меня, снимите!» — вспомнил его слова Карел, уставившись на руку, покрытую червями и мухами.

— Ну что, — услышав позади себя голос, он снова дернулся от страха, начисто забыв о присутствии девушки. — Я была права? Это правда страшно?

— Да, — ответил Карел, вытирая со лба выступившие капли пота.

— Это действительно страшно.

— Бедный мальчик, — посочувствовала девушка, взяв Карела за руки. — Ты побледнел... Тебе плохо?

Карел не ответил.

— Иди ко мне, — девушка притянула его к себе. — Иди... к мамочке.

Карел, не в силах понять, что происходит, словно под гипнозом приник к ее груди. Сразу стало тепло и по-детски беззаботно.

— Как тебя зовут? — спросила девушка, глядя ему прямо в глаза и проводя рукой по его жестким волосам.

— Карел, — пролепетал он.

— А меня Джуллия.

При этих словах сознание Карела обожгло, как раскаленной добела спицей. Он скинул окутавший его дурман, но было поздно.

Челюсти Джуллии сомкнулись, вырывая его язык. В горло потекла теплая кровь, которую частично отсасывала Джуллия. Карел задергался в ее объятиях, но силы уже оставили его. Ужасный разрез на спине Джуллии стал затягиваться тонкой морщинистой

красноватой кожицей. С каждым новым глотком она становилась все толще, пока не сровнялась с окружающей ее поверхностью. Джулия разжала стальные объятия, и Карел с выпученными глазами упал на пол. Алая струйка крови из его открытого рта стекала прямо на его посиневший откушенный язык.

Ощупав рукой свою спину, Джулия усмехнулась и наступила каблуком туфли на открытый глаз Карела, вдавливая его в глазницу.

* * *

Оставшись в одиночестве, Керсти принялась взглядом обшаривать комнату в поисках шкатулки, но той нигде не было видно. Она уже собиралась осмотреть все ящики стола, но увидела стопку пожелтевших газетных вырезок, лежащих на полированной полке антикварного книжного шкафа. Первая же заметка заинтересовала ее: в ней говорилось о том, что знаменитый этнограф и археолог Эрик Симплтон открыл еще одно захоронение близ Лхолама. Текст сопровождал сделанный от руки Рисунок найденной в нем шкатулки. Керсти узнала ее и быстро стала перебирать остальные вырезки. Все они оповещали о загадочной находке в Тибете, сделанной в могиле человека, не принадлежавшего к монголоидной расе, и заключали в себе выдержки из легенды о правлении Желтого императора.

«И первой проснется Рыба, — пронеслось в голове Керсти. — Не с помощью ли этой шкатулки Император призвал Солнце, чтобы оно поглотило Водяное воинство?»

Керсти села на стул и прикрыла рукой глаза.

— Вот откуда она взялась, — прошептала она, мысленно проклиная Китай и всех его императоров.

«Таинственная шкатулка — мистика или реальность?» — прочитала она следующий заголовок под двумя фотографиями. На одной была изображена красивая коробочка, лежащая между двух глиняных горшков, на другой — лысоватый человек средних лет, облокотившийся на черенок лопаты.

Керсти уже хотела отложить статью, но еще раз всмотрелась в лицо незнакомца. Его облик показался ей, страшно знакомым. Карие глаза, нос с чуть заметной горбинкой, тонкая полоска плотно сжатых губ...

«Где я могла видеть его, причем, совсем недавно?» — спросила себя Керсти. В это время где-то наверху послышался глухой стук упавшего тела.

— Карел! — закричала Керсти и, засунув в карман вырезку из журнала, бросилась вверх по лестнице.

Ступени протяжно заскрипели под ее ногами, открытая дверь причердачного помещения встретила ее пугающей темнотой.

Керсти заглянула в нее, зафиксировав в памяти четыре окровавленных трупа. В одном из них она с ужасом узнала Карела. Кожа на его лице была синей, один глаз вытек, а второй округлился в безмолвном проклятии. Рядом с его открытым ртом, в луже крови валялся почерневший язык.

— Неужели опять... — всхлипнула Керсти, закрывая лицо руками.

— Керсти? — удивленно произнес женский голос рядом с ней.

Керсти повернулась и взглянула в ту сторону, откуда раздался голос. Очень красивая девушка с волнистыми волосами внимательно смотрела на нее.

— Керсти, — повторила она, радуясь произведенному впечатлению. — У тебя удивительно хороший вкус на мужчин. Они тебе этого никогда не говорили? Они изменили правила сказки. Теперь я не просто злая мачеха, теперь я злая королева. Так что иди-ка сюда, к своей мамочке!

Керсти закричала, осознав всю опасность ситуации, в которой сейчас находилась, и кинулась на Джулию, стараясь ухватить ее за волосы. Но Джулия легко поймала ее руки.

— Не рыпайся, Белоснежка! Гномы не придут на твой зов.

Джулия улыбнулась и ударила Керсти по щеке. Удар был таким сильным, что Керсти чуть не упала на пол.

Внизу на лестнице показался доктор Женарт, ведя за локоть маленькую Тифони в белой футболке, серых штанах и спортивных кроссовках.

— Джулия, что происходит? — ровным голосом спросил доктор. — Почему входная дверь открыта?

— Керсти, твоя пациентка, пришла тебя навестить.

Женарт перевел взгляд на девушку, вжавшуюся в угол.

— Ее нельзя трогать! — быстро проговорил доктор. — Полиция может еще наведаться в клинику.

Не скрывая злости, Джулия посмотрела на девушку и изо всей силы ударила ее ногой в живот.

Дыхание у Керсти перехватило, и она осела на пол, хватая воздух ртом.

Доктор Женарт толкнул ее концом ботинка, и она упала, корчась от боли и удушья.

— Теперь моя очередь, — посмотрел доктор Женарт на Джулию. — Тифони вызовет их.

Джулия отступила в сторону, пропуская доктора и Тифони в соседнюю комнату.

— Ну что, Тифони? — ласково сказал Женарт. — Пришла и твоя пора внести посильный вклад.

Тифони с любопытством оглядела обстановку, состоящую из книг, выстроенных ровными рядами на полках, чертежей, сваленных в угол, пузатых причудливых бутылок и склянок с разноцветными жидкостями и кучи других подобных вещей. Взгляд ее остановился на репродукции, изображающей доктора Фауста в тот момент, когда он вызывает Мефистофеля, но тут же ее внимание переключилось на свой внутренний мир. Только хорошо зная Тифони, можно было с уверенностью сказать, что картина произвела на нее впечатление.

Тоже взглянув на репродукцию, Женарт вытащил из ящика шкафа сверкающую шкатулку.

— Ну-с, не будем терять времени, — он протянул коробочку Тифони.

Она приняла шкатулку, любуясь ее совершенством.

— Я не буду тебе мешать, — пообещал доктор и вышел из комнаты.

Тифони села на пол, скрестив ноги в позе лотоса. В Индии цветок лотоса является символом чистоты духа и полностью раскрепощенного сознания. В этой позе достигается полная симметрия тела и увеличивается гармония распределения сил.

Тифони положила шкатулку на раскрытую ладонь, пытаясь понять механизм ее действия. В созерцании она просидела довольно долго, сосредоточив внимание на своем внутреннем Я. Дыхание плавно переходило от живота к груди, захватывая кислород и наполняя им легкие. После каждого вдоха следовала задержка, позволяющая сконцентрировать сознание внутри и объединяющая две жизненно важных энергии человеческого организма — положительную и отрицательную.

В результате Тифони достигла полного равновесия, ликвидирующего все застойные проявления в крови.

Долгие часы специальной гимнастики и тренировок привели к тому, что в организме Тифони каждое нервная клетка была развита, получив удивительную способность — служить проводником энергии высшего порядка.

Она погладила шкатулку подушечками пальцев. Коробочка отзывалась на ее прикосновение сетью ослепительных бело-голубых разрывов. Тифони потерла серебристые грани и очертания рисунка.

Потолок затрещал, пронзенный яркой вспышкой молнии. Взрывы вокруг шкатулки приобрели направленное действие,

следуя вовнутрь. Где-то ударил колокол. Эхо разнесло звук, повторяя его на все голоса и дробя на миллионы частей, которые, в свою очередь, сложились в слова древнего заклинания Четырех.

— Caput Mortnum, imperet tibi Dominus per vivum et devotum serpentem!..

Посмотрев по сторонам, Тифони еще раз обвела пальцами нарисованную в центре окружность.

— Chrib, imperet tibi Dominus pier Adam Jot-Chavah!..

Медленно поднялась вверх середина шкатулки. Стекла на окне задрожали и рассыпались под напором ветра, ворвавшегося в комнату. Книги полетели, подхваченные воздушным водоворотом, свернутые чертежи смело в сторону, где они скомкались, ударившись о стену; они остались лежать на полу, смятые и покоробленные.

— A Quila errans, imperet tibi Dorainus per alas tauri!.. — продолжало биться эхо где-то глубоко в сознании.

Из шкатулки выдвинулась восьмиконечная звезда с обрубленными краями.

— Serpens, imperet tibi Dominus Tetragrammaton per angelum et Leonem!..

Жидкость в банках, стоящих наверху, запузырилась и взорвалась, разрывая стекло на тысячи мелких осколков.

— Raphael! Gabriel! Mikael! Adonai! Lucifer! Baal- Zebub! Moloch! Astaroth!

— Ты уверен, что хочешь именно этого? — спросила Джулия, повернувшись к доктору Женарту, оставшемуся в комнате с четырьмя трупами.

— Я всегда хотел этого, — не отрываясь от пятиугольного окна в пентаграмме, ответил Женарт. — Я должен увидеть все собственными глазами. Я должен узнать.

За стеклом, в соседней комнате сидела Тифони, держа шкатулку на вытянутой ладони.

— Смотри, у нее получилось! — воскликнул доктор, следя, как восемь лопастей, повернувшись по часовой стрелке, вошли обратно в кубик.

— Да уж... вижу, — отозвалась Джулия, наблюдая за происходящим.

— Fiat firmatum per Juhuvehu Zebaoth!.. — продолжал читать чей-то голос, и его звуки не поглощались стенами, а вторили ему сотнями различных комбинаций.

— Fiat judicium per ignem in virtute Mikael!..

Бумаги кружились по комнате, подгоняемые порывами ветра. Воздух, окружающий Тифони, уплотнился, покрываясь

внутренними разрывами. Грохот потряс здание от фундамента до крыши и вырвал из пространства зловещие фигуры четырех кенобитов, затянутых в длинные кожаные одеяния.

Один из них, со спицей в носу, и прорванный сквозь щеки проволокой, проводил оселком по серпу, которым заканчивалась его рука, оттачивая и без того острое лезвие. Он приближался к Тифони, устремив на нее белое бескровное лицо, лишенное растительности. Из-под оселка вылетали и гасли от соприкосновения с воздухом сверкающие искры.

Рядом с ним непрерывно лязгало чересчур длинными зубами безглазое чудовище, все лицо которого было покрыто уродливыми складками.

За ними следовал третий кенобит, очки на глазах у которого были крепко пришиты к коже лица.

Не шевелясь, Тифони сидела на полу, скрестив ноги, полностью отрешенная от мира, напоминая древнеегипетского сфинкса. Своими мыслями она была сейчас далеко отсюда, далеко от настоящего времени и далеко от кенобитов. Полностью погруженная в себя, она созерцала свое второе и настоящее Я, находившееся в полном покое. Казалось, никто и ничто не может вывести ее из этого состояния, никакая реальность, никакие внешние раздражители. Она была выше этого. Она была Тифони. Тифони —зывающая ад в этой реальности, но создающая полный покой в другой.

— Подождите! — приказал кенобит с головой, покрытой гвоздями, и поднял руку. Демоны остановились.

— Нет, — продолжил он.

— Нет? — переспросил демон с рукой-серпом, перестав оттачивать лезвие, и удивленно посмотрел на него.

— Нет! — еще более утвердительно прохрипел первый демон. — Это не рукизывают нас. Это страсть!

Кенобит со спицей в носу взглянул на Тифони и кивнул, согласившись с его словами.

Где-то далеко дважды ударился о бронзовую стенку язык колокола.

Тифони, в своем внутреннем сознании, не слышала этого. Фигуры кенобитов таяли в искрящихся лучах, языки пламени лизали их одежду, унося их с собой туда, где кончаются дороги жизни и начинается бессмертие. Туда, где пеклу не дает разгореться неистовый холод ледяных глыб. Туда, где царствует огонь и лед, создавая то нечто, которым наполняется лабиринт сознания и бесконечности.

Выбросив из себя восьмиконечную звезду и втянув ее обратно, шкатулка оставила открытыми врата ада.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Керсти очнулась лежащей на каменном полу туннеля. Куртки на ней не было, порванная на спине блузка задралась, открывая спину.

Она медленно поднялась. Где-то грохотали, обваливаясь со свода, камни. Гул надвигался все ближе и ближе. Голова нестерпимо болела.

«Где я?» — попыталась вспомнить Керсти.

После удара Джулии, она потеряла сознание. И вот теперь оно постепенно возвращалось.

Она оглядела туннель и мозг внезапно пронзила мысль: «АД!..».

— Боже мой, — вымолвила она, усиленно потирая виски, чтобы окончательно прийти в себя: «И первой проснется Рыба!»

Камни падали уже совсем близко. Может за поворотом? Керсти очнулась. Сзади нее, буквально в нескольких метрах, находился выход. Она бросилась в проем и очутилась в комнате с четырьмя мертвыми телами. Трупы скалили зубы, глядя на нее мутными глазами. Девушка без кожи, подвешенная к балке, как будто бы еще мучилась от стыда и позора, поворачиваясь боком на своей веревке. Ветер сорвал одеяло, наброшенное на мистера Киркхайма, и он предстал взору во всей своей пугающей красе. Черви, извиваясь, ползали по его груди, глаза облепили мухи, а откуда-то взявшаяся крыса грызла его щеку.

Карел уставился на Керсти единственным глазом, словно хотел сказать с укором: «Это ты виновата во всем. Зачем ты меня привела?»

Мужчина с разорванной шеей покачивался на веревке, то скрывая, то открывая свои ужасные раны.

Керсти стало плохо. Она выбежала из помещения и толкнула дверь соседней комнаты.

На полу в центре комнаты, среди мятых бумаг и растрапанных книг, сидела Тифони, не отрывая взгляда от шкатулки.

Керсти подбежала к ней и толкнула в плечо:

— Тифони!

Тифони повернула голову в ее сторону и непонимающими, отрешенными от этого мира глазами взглянула на нее.

— Черт! — вырвалось из Керсти.

Она схватила шкатулку с ладони Тифони и выбежала в коридор: «Надо спасать отца!» — пульсирующей болью стучала в голове одна-единственная мысль.

Она снова вошла в туннель. Камнепад прекратился, только обломки скальной породы на полу говорили, что случился обвал.

Перешагнув через камни, Керсти направилась вглубь туннеля, изредка касаясь рукой скользкой поверхности стены.

Где-то наверху заплакал ребенок. Плач перешел в смех, а смех сменил разговор двух детей.

Керсти подняла голову. Кроме неровного бурого камня — ничего. Капнула вода. Еще раз. Еще... Туннель отозвался гулом водопада. Керсти поежилась и повернулась, ища глазами источник. Но воды не было, из торчащей трубы струился песок.

«Отдай!» — послышался игристый голос невидимой девочки-подростка.

Эхо подхватило: «...дай...дай...дай.»

«Не отдам!» — зазвенело в ответ.

«...дам...дам...дам», — отзывалось эхо.

Сжимая в руке блестящую китайскую диковинку, Керсти шла вперед, настороженно всматриваясь в сумрак подземелья. Остановившись на перекрестке, она посмотрела в разные стороны на расходившиеся веером точно такие же проходы.

Постояв в нерешительности, Керсти приложила ко рту ладони и закричала:

— Папа, где ты? Скажи что-нибудь! Я не знаю, где тебя искать!

Туннель отзывался тысячью голосов, молящих о пощаде и помощи.

— Папа, я иду!.. — снова прокричала Керсти. Она свернула направо.

* * *

Тифони встала, недоуменно смотря по сторонам. Ее мозг плавно выходил из состояния медитации, подключаясь к земной реальности.

Она вышла на лестничную площадку, ступая по разбросанной бумаге, и заглянула в соседнее помещение. Трупы, которые она увидала, не произвели на нее никакого впечатления. Глаза лишь скользнули по ним, а сознание четко зафиксировало их нетленным отпечатком.

Она шагнула из комнаты на каменный пол туннеля. Шаги ее повторились глухим эхом, оно ударились в потолок коридора и

вернулось обратно. Тифони шла по туннелю, не обращая внимания на гогот и улюлюканье, носившиеся в пространстве вокруг нее.

Луч света вырвал из мрака большое прямоугольное зеркало в человеческий рост.

Тифони остановилась. В зеркале стояла ее мать. Прижимая руки к груди, она взвывала к кому-то монотонным, лишенным всякой интонации голосом:

– Помоги моей дочери... Помоги... Помоги... Помоги...

Невидимый свет выхватил из туннеля еще одно зеркало с тем же изображением.

– Помоги моей дочери... Помоги... Помоги... — вторило оно таким же неестественно безликим голосом.

За вторым зеркалом появилось третье, потом четвертое, пятое, шестое... Вскоре зеркала образовали длинную вереницу, уходящую в бесконечность. Тысячи и тысячи отражений повторяли одну и ту же фразу. Слова накладывались друг на друга и терялись, уходя куда-то вдаль и лишая мольбу какого-либо смысла.

По зеркальной глади пронеслось тело чудовищной Рыбы с двумя головами. Оно внесло хаос в изображения, разбив их на миллионы не соединенных между собой обрывков. Добравшись до первого зеркала, Рыба, щелкнув зубами, вцепилась в каменную стену, втягивая за собой в туннель мощный хвост с шипами на конце.

Зеркала сами собой потухли, отражая противоположную стену и создавая иллюзию каменной кладки.

– Мама! — позвала Тифони, сжав кулаки. Это было ее первое слово, произнесенное за полгода пребывания в клинике. Она вспомнила больничную палату. На кровати с поднимающимся изголовьем лежала ее мать. Всевозможные трубы опутывали ее, подавая из капельниц прозрачную жидкость. Половину ее лица закрывала кислородная маска. Подошел доктор с прямыми, зачесанными назад волосами и намечающимся двойным подбородком. Его поросячий глазки впились в совсем еще маленькую Тифони. Рука в кожаной перчатке сорвала кислородную маску с лица матери и опустилась, зажав ей нос и губы. Глаза матери округлились, она попыталась сопротивляться, но только вытащила из своего тела иглы капельниц. Кардиограмма показала замедляющийся ритм сердца. Вот тонкое попискиванье аппарата участилось и перешло в протяжный монотонный звук. По экрану бежала прямая линия.

Доктор посмотрел на прибор и для верности подержал руки на лице матери еще пару минут.

Ничего не понимая, Тифони глядела своими круглыми карими глазенками на врача. Это был ее отец. Память записала информацию и теперь выдала ее с особой яркостью.

Тифони пошатнулась, схватившись рукой за холодную каменную стену. Видение прошло, но осталась тупая боль, возникающая всегда после того, как воспоминания посещали ее мозг.

Она провела похолодевшей от прикосновения к камню рукой по лицу. Боль чуть стихла. Но до конца ее можно было убрать, только снова погрузившись в себя.

Тифони шагала по туннелю, держа ладони у висков и спотыкаясь на выщерблленном полу. Туннель повернул направо, упираясь в тупик, на стене которого она увидела квадрат, выложенный кирпичом. Квадрат был освещен ослепительно ярким светом. Тифони подошла, плотно прикрывая глаза ресницами. В центре квадрата на круглом колесе от огромной детской пирамиды сидел рыжий клоун и жонглировал пластмассовыми шариками. Он с грустью посмотрел на нее, улыбаясь своим раскрашенным ртом, и из его глаз потекли кровавые слезы.

Тифони подошла к нему, всматриваясь в детали его одежды. Вот заплатка, которую она сама пришила ему на разорванные штанишки; вот пуговица от маминого платья — на месте оторвавшегося помпона. Без сомнения, это был клоун, игрушка ее детства, только выросшая до размеров человека. Потом, когда Тифони купили новую куклу с синими бантиками, она забросила клоуна, который остался валяться где-то на пыльном чердаке.

Тифони стало больно. Сердце сжалось. К горлу подступил комок. Хотелось разрыдаться и убежать от этого кошмара.

— Прости меня, клоун, — выдавила из себя Тифони и вышла из комнаты, сдерживая готовые вырваться наружу слезы.

Клоун смотрел ей вслед, не меняя выражение своего лица. Только в глазах его отражалась вся гамма чувств, наполняющих его пластмассовое сердце.

На своем пути Тифони встретил еще один квадрат, выложенный кирпичом на стене.

В углу квадрата сидел ребенок с закрытыми глазами и держал в зажатом кулаке иголку с вдетой в ушко ниткой. Нитка тянулась от зашитого неровными стежками рта. Ребенок поднимал иголку, стараясь закричать, но швы крепко держали губы, впиваясь в них при движении.

Тифони вспомнила, что в детстве сделала такое своему пупсику, чтобы он «больше не плакал и не смел капризничать». Теперь это отразилось в кошмарной реальности.

Не в силах больше видеть все эти ужасы, Тифони метнулась в проем туннеля и побежала, уже не смея смотреть по сторонам. Боль усилилась, отдаваясь в клеточках ее тела ударами огненного бича, вздывающегося и опускающегося в такт шагам.

* * *

Керсти в замешательстве остановилась — туннель расходился на четыре стороны. На нее смотрели темные проемы. Дальше света не было. Черные провалы пугали неизвестностью и предвещали недобро.

«Где ты, папа? Почему не отзываешься на мой зов?» — звук ее голоса четырежды отозвался и повис над головой.

Из проходов показались четыре темные, неясные фигуры. Она узнала их — это на нее наступали кенобиты. Из-под узкого точильного бруска при соприкосновении с серпом сыпались в темноте яркие искры.

Керсти шагнула назад, потом еще и еще, пока не ощутила спиной ледяную стену.

Удары колокола возвестили о приходе демонов.

— А-а-а, — протянул кенобит с гвоздями в голове. — Керсти! Мы думали, что уже потеряли тебя. Хорошо, что ты вернулась.

Подняв руку с зажатым в ней кубиком, Керсти ударила ею по каменной стене, стараясь выдвинуть какую-нибудь грань. Шкатулка не поддавалась.

— Не надо отправлять нас обратно! — утробным голосом продолжал демон. — Мы уже здесь.

— И ты с нами, — вставил кенобит, лицо которого заплыло жиром, опускаясь складками до самой груди.

Снова раздался гул колокола, рожок проиграл где-то печальную, заунывшую мелодию, словно невидимый пастух собирал стадо.

Шкатулка выскочила у нее рук, повинуясь взгляду демона с белым бритым лицом, голова которого ощетинилась гвоздями.

Керсти посмотрела вверх. Шкатулка застыла в воздухе, сложившись в две узкие пирамиды, соединенные основаниями, и упала в ее раскрытую ладонь.

— Но я не открывала ее! — запротестовала Керсти, сжимая в руке острый, вытянутый в стороны, граненый ромб шкатулки.

— Не открывала? — удивился демон с серпом вместо руки. — А в прошлый раз?

— Мы что-то часто стали встречаться, — зарычал первый кенобит. — Ты так любишь играть и не хочешь признаться в этом?

— Может, ты просто дразнишь нас? — вступил в разговор демон с заросшими глазами, поднимая кривую секиру.

— Я пришла за своим отцом.

Демоны переглянулись. Поначалу они не сообразили о ком идет речь, но затем каменные своды туннеля задрожали от их дикого хохота. Его отголоски прокатились по всему туннелю и затерялись, запутавшись в разветвлениях.

Воспользовавшись паузой, Керсти скользнула назад в открытый проход.

Кенобит, утыканный гвоздями, метнув взгляд в опустевший угол камеры, метнул туда же крюк на длинной металлической цепи. Просвистев в воздухе, крюк вонзился в спину Керсти, больно оттянув на ней кожу.

Закричав от внезапно пронзившей ее боли, Керсти остановилась.

— Я вижу, ты хочешь покинуть нас?

Керсти молчала, закусив до крови нижнюю губу.

— А впрочем... — кенобит помедлил. — Ты можешь идти. Мы всегда здесь. Нас тут ничем не удивить. А ты, если хочешь, осмотри местные достопримечательности. Уверен, ты найдешь здесь много забавного. Но знай — тебе не выйти из лабиринта. У нас впереди целая вечность. Мы найдем время, чтобы познать твою плоть!

Цепь ослабла, крюк выскочил из тела, со звоном падая на каменный пол. Керсти снова была свободна.

* * *

— Ну, как первые впечатления? — Джуллия повернула лицо к шедшему рядом с ней доктору Женарту.

— Нормально, — ответил он, когда они подошли к железному столу, на котором лежали два обнаженных человеческих тела.

Молодая женщина яростно сопротивлялась ласкам навалившегося на нее мужчины, пытаясь вырваться из цепей, крепко приковавших ее к поверхности стола. Ее руки и ноги были широко разведены в стороны — она ничего не могла сделать. Мужчина прильнул к ней, придавив ее тело в любовном экстазе.

— Всю свою жизнь она ненавидела мужчин и умерла девственницей. В то же время в своих мечтах она допускала

такие извращения, которые не приснятся и во сне, пояснила Джулия, откинув со лба волосы. — Здесь она получила то, что хотела. У каждого свой ад, порожденный его же собственной фантазией. Нет ничего более удивительного, чем игра воображения, ставшая реальностью. Весь этот лабиринт создан и вскормлен человеческим разумом.

— Негативные эмоции создают здесь ужасы? — спросил доктор, отводя глаза от двух фигур на столе и проходя дальше по коридору.

— Не совсем так, — уточнила Джулия. — Любая мелькнувшая в голове мысль формирует определенные участки лабиринта. Все, что ты видишь, создано человеком. Даже если Земля — в случае ядерной войны или какого-либо другого катаклизма — опустеет, и более того, если ее самой как планеты вообще не станет, лабиринт, порожденный сознанием, останется незыблемым! Разрушить его невозможно!

— Колossalно! — воскликнул Женарт, останавливаясь у винтовой лестницы, круто поднимающейся вверх.

— Наверное, поэтому проповедники учат нас чистоте помыслов.

Джулия согласилась, добавив:

— Но они сами понимают, что это невозможно. Человек может запретить себе о чем-нибудь думать, он не в состоянии контролировать свои мысли. Они формируются извне. Идем, я покажу тебе кое-что.

Джулия потянула Женарта за рукав, поднимаясь по узкой лестнице.

Железные ступени громыхали в тишине под их ногами. Лестница поднималась на десять футов вверх, подводя идущих по ней ближе к центру Земли. Выйдя на небольшую площадку, окаймленную со всех сторон невысоким ограждением, они остановились.

Четыре массивные колонны подпирали по углам покатую крышу башни, похожую на смотровую вышку пожарной команды времен первых автомобилей.

Внизу простирались во все стороны каменные закоулки лабиринта, уходившие к загнутому вверх горизонту. Кое-где возвышались другие башни и трубы, с уханьем испускающие черные клубы едкого дыма. В небе, если так можно назвать пространство, ограниченное дном следующего яруса, висел гигантский вытянутый ромб, зловеще поблескивая своими гранями в красноватых испарениях, исходивших от стен каменных строений.

— Что это там, в развалинах? — спросил Женарт, показывая на кучу каменных обломков, сваленных друг на друга и увенчанных сверху крестом.

— Это церковь другого яруса, — с пренебрежением отозвалась Джулия. — Там души, получив небольшую передышку в своих мучениях, молятся, каждая своему Богу. Здесь у нас все одинаковые — христиане они, иудеи или мусульмане... Здесь свои законы. Законы разума.

— Бог мой!.. — восхищенно прошептал Женарт, схватившись рукой за сердце.

— Нет! — оборвала его Джулия с пылающими глазами. — Это мой Бог. Бог, который послал меня обратно, которому я служу в этом мире и в твоем. Бог плоти, голода и страсти. Мой Бог — Левиафан — Повелитель Лабиринта!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Керсти бежала назад, ее быстрые шаги оглашали топотом мрачное подземелье. За стеной заплакал ребенок, словно устав от какофонии звуков невидимого дьявольского оркестра. Где-то вдали жалобно стонала скрипка, заглушаемая скорбным рокотом барабана. В ушах стоял пронзительный скрип — что-то подобное получается, если двигать пальцем по стеклу. Скрип сменялся лязгом оттачиваемых друг о друга ножей и переходил в цоканье лошадиных копыт.

Керсти, прижимая к груди разложенный кубик, повернула налево, пытаясь выбраться из лабиринта или найти отца.

Прямо на нее шла Тифони, сосредоточенная в своем внутреннем созерцании, пытаясь утихомирить нестерпимую боль в голове.

Тяжело дыша, Керсти окликнула ее:

— Тифони!

Тифони подняла голову. Русые волосы откинулись назад, открывая чистое невинное лицо.

— Ты, должно быть, открыла коробку? — хватая ртом воздух, проговорила Керсти и привалилась к холодной стене туннеля. — Надо закрыть ее. Ты должна это сделать!

Тифони подошла к ней, продолжая сосредоточенно молчать.

— Тифони! — продолжала убеждать Керсти. — Ты знаешь, как действует головоломка. Ты должна вытащить нас. Мы здесь одни и должны помогать друг другу.

Керсти схватила девочку за плечи и встряхнула ее. Та смотрела на Керсти ничего не выражаящими глазами.

— Мы обязаны помогать друг другу! — повторила Керсти. — Слышишь?

Тифони молчала. Боль билась у нее в висках.

— Да? — еще раз потрясла ее Керсти. — Да?

— Да... — еле слышно отозвалась Тифони, морщась от игл, пронзивших ее мозг.

* * *

Джулия и Женарт спустились из башни, направляясь дальше по подземным переходам. Женарт все еще находился под впечатлением от увиденной грандиозной панорамы.

- И это все породил человеческий мозг?
- Да, — подтвердила Джулия.
- А как в других ярусах? Ты говорила, их шестнадцать?
- У меня туда нет доступа.

Джулия подвела его к длинному ряду обитых железом дверей и открыла одну из них.

- Заходи — сказала она, показывая рукой на темный проем.

Женарт растерянно посмотрел на нее, машинально поправляя узел галстука.

– Не бойся! — подтолкнула его Джулия. — Все будет хорошо.

Доктор неуверенно шагнул внутрь, полагая, что она последует за ним. В ту же секунду на руках и ногах Женарта захлопнулись стальные браслеты, не позволяя ему сдвинуться с места. К голове придвигнулись два штыря, фиксируя ее положение.

Доктор Женарт закричал нечеловеческим голосом и рванулся, пытаясь выскочить из камеры, но ему не удалось сдвинуться даже на дюйм. Он был не властен над своим телом.

– Ты же этого хотел! — Джулия явно смеялась над ним. — Ты хотел это увидеть? Это ты хотел узнать?

За спиной неподвижно стоящего Женарта заработала какая-то адская машина, издававшая звук движущегося паровоза.

– Вот оно! — закончила Джулия, и на ее красивом лице, некогда принадлежавшем пациентке доктора, отразилось неописуемое злорадство.

- Помогите! — заголосил Женарт.
- Тут привыкли к подобным воплям.

В позвоночник вонзились раскаленные спицы, полностью блокируя движение.

– А-а-а-а! — завопил доктор от нестерпимой боли.

– Как ты думаешь, — спокойно продолжала Джулия, откинув с лица прядь волос, — почему мне было позволено вернуться?

Женарт ничего не мог ответить, так как в его рот вошел крутящийся барабан с несколькими лопастями, которые дробили его зубы, превращая их в белые крошки.

- Ты был нужен ЕМУ, и я тебя привела.

Перед лицом доктора натянулись металлические струны. Они подошли вплотную и, чуть прогнувшись, вонзились ему в голову, деля ее на пять равных частей. Кровь брызнула из образовавшихся рубцов и потекла ему на грудь, покрывая белую рубашку доктора красными пятнами.

— Ты хотел знать, — жестко проговорила Джулия. — Что же, теперь ты знаешь!

Проволока дюйм за дюймом уходила, погружаясь в голову доктора Женарта.

— Ты хотел этого, и ты это получил!

В тускнеющем сознании Женарта стрелой пронеслись эпизоды его жизни, создавая новые ячейки в лабиринте разума. Он вспомнил, как убил свою жену, перекрыв ей доступ кислорода, вспомнил маленькую Лизу, свою дочь, сидевшую рядом и наблюдавшую за его действиями. В памяти всплыла операция, после которой Лиза не помнила своего прошлого. Она долго жила у него на чердаке, потом он перевел ее в клинику, сделав повторную операцию на мозге и превратив ее в Тифони. Он вспомнил десятки жертв, скончавшихся во время его экспериментов по перестановке реальности. Он вспомнил все.

Стальные струны рассекли голову доктора Женарта и вышли с обратной стороны. Звук работающих машин затих.

— Прощай, доктор, — сказала Джулия, посмотрев на его обезображенное лицо. — Мы еще встретимся в этом огромном мире. Нас ждет вечность.

Зажимы на руках и ногах щелкнули и раскрылись. То, что было раньше доктором Женартом, вышло из кабины и сделало неуверенный шаг.

Джулия удалялась, стук ее каблуков долго разносился по туннелю, отскакивая от квадратных каменных плит пола.

Женарт смотрел ей вслед, больше его уже ничто не тревожило: нового разума у него еще не было.

В камере вновь заработал скрытый механизм, он привел в действие огромный резиновый рукав с пружинными зажимами на конце. Он опустился на голову Женарта, стиснув ее со всех сторон зажимами. Послышался звук, похожий на жужжение бормашины в кабинете дантиста.

Доктор не кричал. На его лице застыла блаженная улыбка.

Из резинового рукава вышло сверло, двигаясь по искривленной окружности. Оно впилось ему в затылок, разрушая остатки мозга и освобождая место для нового сознания. Сотрясаясь от электрических разрядов, проходивших по его телу, доктор Женарт сказал:

— И подумать только: я колебался...

Резиновый рукав поднял его вверх, крепко сдавливая голову. Ноги доктора, обутые теперь в высокие кожаные сапоги, болтались в фуфе от каменного пола.

Победоносно оглядывая своим исполосованным лицом окружающие его стены Женарт плыл куда-то вперед, подчиняясь движению державших его зажимов.

* * *

Стены туннеля оборвались, подойдя вплотную к деревянной двери с витражным стеклом. Свинцовый контур очерчивал большую лилию с длинными зелеными листьями. Сквозь матовое стекло не было видно, что делается за дверью, в помещении, скрытом от посторонних глаз.

— Дом моего отца, — сказала Керсти, вплотную подойдя к витражу и ощупывая его выпуклую поверхность.

Тифони стояла рядом и разглядывала цветной рисунок.

— Я должна зайти туда, — твердо произнесла Керсти.

Если я скоро не вернусь, выбирайся одна. Я хочу, чтобы ты вернулась домой.

Керсти решительно нажала на дверную ручку и вошла в дом, затворив за собой дверь.

Непривычно яркий после сумрака туннеля свет сильно ударили по глазам. Он исходил от сотен свечей в канделябрах и просто воткнутых в пазы каменных блоков. Одна стена была полностью разбита на квадраты выдвигаемых ящиков.

Керсти подошла ближе. Ящик выдвинулся, скользя по рельсам. Он представлял собой ложе, спинка которого служила передней панелью, видной снаружи.

На кровати лежала женщина, охваченная необузданной эротической страстью. Тело ее скрывала полупрозрачная простыня. Женщина протяжно стонала, не в силах удовлетворить свои сексуальные потребности.

Керсти отошла от нее. Тут же ящик вернулся на свое место в стене, унося свою пленницу. Второй ящик вышел из стены и повторилась та же картина, только с другой жертвой. Тело ее дышало невыносимой жаждой страсти и, казалось, ничто не может погасить это пламя. Самое ужасное заключалось в том, что это знала и она сама, вынужденная страдать от вечной чудовищной половой неудовлетворенности. Ложе последовало на свое место, вытолкнув следующее.

Стоны становились невыносимы. Керсти дернула за край простыни, пытаясь открыть лицо лежащей девушки. Но как только ткань слетела с нее, изображение ее тела стало зыбким и вскоре исчезло, открыв гладкую поверхность ложа.

Ящик ушел в стену, плавно скользя по рельсам. У другой стены стояла небольшая тумбочка орехового дерева. На ней Керсти увидела принадлежности для бритья и большой подсвечник с горящей свечой. Расплавленный воск капал прямо на темную полировку, оставляя на ней белые пятна. Над столиком висело огромное овальное зеркало в тяжелой бронзовой раме с вставленной в нее небольшой фотографией брата отца Керсти — Фрэнка.

На зеркальной глади ярко-красной губной помадой были выведены слова: «Я в аду. Помоги мне!»

— Папа... — прошептала Керсти, вытирая выступившие слезы.

В зеркале произошли какие-то изменения.

Керсти взглянула в него и отшатнулась: прямо на нее стремительно летело маленькое существо со злобным выражением на поросячей морде. За ним гналось чудовище с тюленым телом, стараясь поймать его мощными, загнутыми назад зубами.

Керсти отскочила в сторону как раз в тот момент, когда монстры вылетели из стекла и врезались в стену, втягивая туда свои безобразные тела. Керсти окатило облако удручающего зловония.

Керсти робко подошла к тому месту в стене, где скрылись уродливые твари, и потрогала стену. Кирпичи расступились точно по форме протянутых пальцев и тут же сомкнулись. Она резко отдернула руку, испугавшись того, что ее зажмет сдвигающимися камнями.

Керсти взяла со столика помазок и ткнула им в стену. Через секунду от его ручки остались одни щепки, разлетевшиеся в разные стороны.

— Здравствуй, Керсти! — услышала она голос за своей спиной.

Керсти резко повернулась, сжимая в руке острые края помазка, готовая в любое время нанести удар.

Перед ней стоял Фрэнк — в своем нормальном виде, таким он выглядел когда-то на Земле. Белая майка была заправлена в коричневые брюки, подпоясанные райфловским ремнем. В руке он держал автоматический складной нож с открытым лезвием.

— В чем дело, Керсти? — он посмотрел на зазубренную ручку помазка. — Это я, Фрэнк. Твой дядя Фрэнк.

— Нет! — прошипела Керсти. — Не подходи.

— Разве ты не получила моего послания, Керсти? — Фрэнк жадно пожирал ее глазами. — Ты такая спелая, страстная. Ты будешь украшением моего скромного жилища.

— О папа! — воскликнула Керсти, только теперь осознав, что ошиблась.

— Ну, давай, Керсти, — надвигался на нее Фрэнк. — Когда же ты вырастешь, наконец? Когда ты мертв — ты мертв.

Он бросился на нее, выбивая из ее пальцев оружие и зажимая рукой рот.

— Не будь такой шалуньей, — предупредил он, щекоча кончиком ножа ее шею, — а то мне придется наказать тебя. Может, тебе это понравится?

Фрэнк подвел ее к стене из ящиков, которые все разом автоматически выехали вперед и застыли на рельсах, скрывая под окровавленными простынями десятки охваченных страстью жертв.

— Смотри! — он повернул ее голову. — Ты хочешь этого? Не стесняйся, красотка, смотри: они ревнуют. Это мой ад!

Ящики вошли в стену, унося с собой лежащие в них тела.

— Все они дразнили меня, — пояснил Фрэнк. — Обещали — и не отдавались. Вот почему они здесь.

С грохотом из стены вышел свободный ящик, ложе в нем было покрыто белоснежным покрывалом.

Фрэнк лезвием ножа подтолкнул Керсти.

— Хорошо, — тихо сказала она. — Только постараитесь, чтобы не было больно. Я сделаю все, что ты захочешь...

Фрэнк освободил ее, опуская нож. Керсти подошла к ящику и, резко стащив с ложа покрывало, бросила его на горящие свечи, накрыв второй половиной голову Фрэнка.

— Знаешь, да я скорее сгорю, — с металлом в голосе произнесла она, видя, как пламя охватывает Фрэнка. Волосы вспыхнули, закручиваясь в петли и издавая треск на огне.

Фрэнк неистово взвыл и запрыгал, пытаясь сбить с себя огонь. Одежда на нем горела, испуская черный дым. Кожа стала пузириться и лопаться, отваливаясь обгорелыми кусками.

Фрэнк кинулся к зеркалу, опрокинув на пути тумбочку. Фотография выпала из-под рамки и, скручиваясь в рулон, покрылась черной коростой. Кожа на Фрэнке постепенно сползала, обнажая красное мясо, опутанное сосудистой системой. Фрэнк метался по комнате, не в силах потушить охватившее его пламя.

Керсти наблюдала за ним с безучастным видом. Она радовалась, что этому злодею наконец-то пришел конец.

Фрэнк упал на пол, катаясь по цементному полу. Ему все же удалось затушить огонь. Кожа сгорела полностью, открыв мышцы и сухожилия, покрытые сетью кровеносных сосудов. Кое-как приподнявшись на локтях, Фрэнк попытался подняться

на ноги. Боль мешала ему это сделать, со второй попытки он все же сел, с трудом согнув ноги в коленях.

Витражная дверь распахнулась, и в комнату вошла Джулия, ведя под локоть Тифони в белой перепачканной футболке.

— Ну-ну, — произнесла она, оценив обстановку. — Вижу, славная семейка снова в сборе?

— Джулия! — позвал Фрэнк и поднялся на ноги, ухватившись рукой за край выдвинутого ящика.

— Здравствуй, Фрэнк, — бросила она. — Надо же, а ты изменился!

— Я знал, что ты придешь, — проговорил Фрэнк, нетвердо стоя на ногах.

— Знал? — казалось, удивилась Джулия и подошла к нему, отпустив Тифони.

Тифони устремилась к Керсти и прижалась к ее груди, ища защиты.

— Ты та девушка, которая всегда держит слово, — вымолвил Фрэнк свистящим голосом.

— О да! — согласилась Джулия.

— Я знаю, какое место занимаю в твоей жизни. Иди ко мне.

Джулия подошла к нему и провела пальцем по зубам его безгубого рта.

— Поцелуй меня! — потребовал Фрэнк, с лица которого все еще сочилась кровь. — И тогда это будет по-настоящему семейная встреча. Ты принадлежишь мне!

Джулия приоткрыла губы, наклоняясь к нему, но вместо поцелуя толкнула его обгоревшую голову в стену.

Кирпичи расступились, позволив пройти ей в толщу кладки, и резко сдвинулись, сминая голову в неровный блин. Фрэнк не успел даже вскрикнуть, а тело его уже безжизненно повисло на раздробленных шейных позвонках.

Керсти схватила Тифони за пояс и, увлекая за собой, выбежала в туннель. Они помчались, пытаясь найти выход из лабиринта.

Потолок затрещал, из него посыпались груды обломков, образуя непроходимый завал на их пути.

— Сюда, Тифони! — крикнула Керсти, проскользнув в излом треснувшей стены. Тифони последовала за ней, стараясь держаться подальше от центра туннеля, где чаще всего падали камни и кирпичи. Споткнувшись, она больно ударила коленом, выронив раскрытую шкатулку из рук. Град камней, последовавший вслед за этим, отрезал ее от валявшегося среди обломков ромбика.

— Что такое? — громко спросила Керсти, заметив замешательство Тифони.

— Шкатулка! — отозвалась она, стараясь перекричать грохот обвала.

— Нет времени! Уходим, пока нас не завалило.

Взбежав по ступеням оказавшейся перед ними лестнице, они очутились на площадке, окруженной со всех сторон трубами, выпускающими клубы удушливого дыма.

В красном небе висел граненный ромб, отбрасывая холодный свет. Внизу, сквозь дымку испарений, виднелись крыши и перегородки лабиринта, уходящего за горизонт. Туннель дрогнул от мощного взрыва, образовав в его стене чудовищную брешь. Поднялся ураган, сметающий все вокруг. Развалившаяся стена туннеля соприкасалась своей внешней стороной с безвоздушным пространством, выдаваясь далеко в космос. Вакуум вытягивал газ, наполняющий лабиринт, и выгонял его в межзвездную пустоту, выравнивая давление. Лучи пентаграммы должны где-то сходиться. И именно здесь, в неизвестных глубинах космоса, они соединялись.

Идея построить дом, не имеющий выхода, стара как мир. Лабиринт зародился в чьем-то воспаленном воображении, как тессеракт. Гиперкуб, имеющий четыре измерения. Восемь его кубов образовывали стороны? Сто шестнадцать тессерактов представляют собой перевернутый крест в четвертом измерении или сто шестнадцать крестов в третьем. В пятом они образуют гигантский субкуб с выходами в любой точке Вселенной. Так был построен лабиринт. Таким его задумало чье-то безумное сознание.

В образовавшуюся пробоину потоком устремился воздух, сбивая с ног Керсти и Тифони, цепляющихся за уступы стен. Столбы пыли крутились вокруг них, уносимые прочь.

— Держись, Тифони! — кричала Керсти, ухватившись за обломок кирпича, застрявшего в трещине стены.

Пальцы ее побелели от напряжения, они разжимались от усталости, Тифони усилием воли заставляла свое тело подчиняться. Но через какое-то время ее рука все же выпустила край каменной глыбы, лежащей посреди туннеля. Воздушный поток подхватил ее, увлекая в пролом. Тифони уже не надеялась на спасение, когда Керсти удалось одной рукой схватить ее за запястье, держась за кирпич другой рукой.

— Скорее... Уцепись за что-нибудь!.. — закричала она.

Тифони уперлась ребристой подошвой кроссовки в выступ стены и уцепилась пальцами за выступ между плитами пола, отпуская руку Керсти.

Воздушные вихри свистели, проносясь по туннелю мимо девушек. Внезапно на площадку вылетела Джулия, державшаяся за бетонную балку. Голубое платье трепетало на ней, готовое вот-вот сползти. Каштановые волосы развевались на ветру, она намертво вцепилась в балку одной рукой, сжимая в другой шкатулку.

— Ты никогда не могла долго держаться за что-нибудь, Керсти! — прокричала она сквозь завывание и гул урагана.

Крепко сжав зубы, Керсти обхватила обломок, стараясь получше закрепиться ногами. Камни неслись мимо, с грохотом катаясь по полу и устремляясь в пролом со скоростью метеоритов. В космосе они становились межзвездными скитальцами, постепенно переходя с орбиты на орбиту.

Кроссовка сорвалась с ноги Тифони, и девушка повисла на одной руке, из последних сил сопротивляясь напору воздушного потока.

— Тифони! Держись за меня!

Тифони вцепилась в руку, которую протянула ей Керсти. Плиту, за которую она держалась, вдруг вырвало из пола, и та исчезла в проломе. Теперь Тифони оставалась на площадке только благодаря нечеловеческим усилиям Керсти.

Джулия подала Тифони раскрытую ладонь.

— Нет! — закричала Керсти. — Не трогай ее! Держись за меня!

Тифони подняла руку и стала вслепую ощупывать все вокруг себя в надежде найти какую-нибудь впадину или выступ.

Джулия схватила ее руку и потянула к себе. От сильного напряжения кожа на ее спине затрещала и лопнула. Джулия взмыла от боли. Под напором ветра кожа завернулась и разлетелась в стороны, оставшись в руке Тифони. Тело Джулии, ударившись несколько раз о каменные выступы и обагрив их кровью, стрелой вылетело в дыру. Джулия еще пыталась сопротивляться, уцепившись за край выступа зубами и изодранными до костей пальцами, но ее смело огромным камнем, стремительно катившимся по туннелю под действием урагана. Лишь только тело Джулии вынесло в холодные бездны космоса, с потолка туннеля сорвалась гигантская каменная плита и полностью загородила собой расщелину. Воздушный поток ударился об нее и волной отошел назад. Тонкий свист оповещал, что в щель еще выходит кислород.

Полностью обессилев и еле дыша, Керсти и Тифони лежали в туннеле на полу среди камней; им, израненным и измученным в схватке за жизнь, сейчас необходим был отдых.

— Ты в порядке? — прокричала Керсти, еще не привыкнув к наступившей тишине.

— Да, — ответила Тифони и поднялась на ноги, покачиваясь от слабости.

Керсти тоже встала. От ее тоненькой белой блузки на спине остались одни лохмотья. Она сняла ее и надела задом наперед, завязав на груди узлом.

— Так будет лучше, — прокомментировала она свои действия и прижалась к Тифони. — Надо выбираться...

— Надо, — согласилась та и побрела по усыпанному камнями туннелю.

И без того неяркий свет стал еще тусклее из-за кружившейся в воздухе пыли. Многовековая пыль стояла плотной завесой, поднятая ураганным ветром, и теперь медленно оседала на стены и пол лабиринта. Идти в этом пыльном облаке было трудно, везде валялись груды щебня и куски породы, загораживая проход. Так что девушки двигались почти вслепую, на ощупь.

Керсти, то и дело спотыкаясь, шла за Тифони, вытянув вперед руки. Но долго держать их на весу она была не в состоянии — мышцы дрожали и ныли после недавней схватки со стихией.

— В какую же нам сторону? — спросила Керсти.

В горле першило, замучивший их кашель, мало помогал забитым пылью легким.

— Не знаю, — пожала плечами Тифони, поворачивая за выступ стены.

— Чертов погреб! — зло крикнула Керсти и запустила в стену здоровенным булыжником.

Стена раздвинулась, открыв узкую неровную щель. Видимо, в этом месте стены был скрыт механизм, и удар камня привел его в действие.

Из трещины брызнул свет, заливая все вокруг и теряясь где-то среди пыли и хаоса. Цветная плитка в шахматном порядке устилала пол по ту сторону стены.

Керсти заглянула в пролом. Ярко выкрашенные стены напомнили ей институт Женерро.

— Клиника, — прошептала Тифони, тоже прильнувшая к отверстию.

Как только девушки пролезли сквозь щель, стена за ними сомкнулась, ничем не выдавая скрытого прохода.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

— Папа прости! — сквозь слезы проговорила Керсти, сидя на больничной кровати. — Прости меня...

Тифони сидела рядом и нежно гладила Керсти по голове, стараясь облегчить ее страдания.

— Мы должны выйти отсюда, — успокаиваясь, сказала Керсти.

— Нам надо переодеться, — вместо ответа произнесла Тифони. — Пойдем, посмотрим у меня что-нибудь.

Керсти встала, вытирая слезы, и они прошли по пустому коридору в комнату Тифони.

— Одень вот это, — Тифони протянула Керсти аккуратно сложенную байковую рубашку. — Тебе подойдет.

Керсти сняла с себя изодранную блузку и надела рубашку в красно-черную клетку.

— И действительно — мне в ней хорошо.

Они вышли, затворив за собой дверь с рифленым стеклом, и направились к лестнице, которая находилась в противоположном от лифта конце здания.

Проходя мимо «Игротеки», Керсти заглянула в открытые двери. Больные в серых пижамах, находившиеся там, повернули головы, посмотрев на нее ничего не выражавшими взглядами. Керсти хотела уже уходить, но заметила на лице одной из пациенток что-то необычное. Подойдя поближе, она увидела, что из ее брови торчит крюк, с которого свисает кусок оборванной цепи. Сама больная, казалось, не замечала этого, складывая что-то из коробочек. Вставляя один край в другой, она должна была получить в итоге огромное картонное колесо.

— Смотри! — шепнула Керсти наклонившись к уху Тифони. — Крюк...

Седовласая пациентка, не обращая на них ни малейшего внимания, вставляла последнюю коробочку, чтобы замкнуть колесо. Как только она это сделала, где-то вверху прогремел колокол. Огромная рама окна затрещала под чьим-то напором и вылетела вместе со стеклом. Все это грохнулось на пол, но не разбилось. В «Игротеку» ворвался ветер, он подхватил колесо и погнал его по поверхности стола, вырвав из рук пожилой женщины.

Керсти и Тифони с удивлением наблюдали за происходящим.

Пациенты тоже оторвались от своих повседневных забот и с интересом посмотрели на окно, вздрагивая от внезапного холода. За окном тянулись ровные ряды уложенных в стену кирпичей. Воздушный смерч поднял колесо в воздух и закрутил его вокруг оси. В «Игротеку» через выломанное окно влетело чудовище, разбив своим телом кирпичную кладку. Каким-то адским инструментом лицо его было разрезано на пять частей. Глаза его горели красным огнем, отбрасывая лучи вокруг себя. Голову сжимали пружинные тиски, исходившие из ребристой трубы, благодаря которой чудовище держалось в воздухе. Пальцы его рук постоянно меняли свою форму, обращаясь то в змей с ядовитыми зубами, то в десять тонких кинжалов, а то и во все сразу, когда ножи вылезали из открытых змеиных ртов.

— Доктор прибыл, — прохрипело чудовище, обойдя огненным взглядом пациентов. — Все ко мне на консультацию!

Из пасти змеи вышел глаз и уставился на бешено вращающееся колесо.

— «Ныне это твое Колесо, — сказало Пламя Искре,» —казалось, изуродованный доктор что-то цитировал. — «Я сам воплотился в тебя, и ты мой Вахана, до будь с нами до того дня, когда ты снова станешь Мною и другими, собою и Мною».

После этих слов стальной кинжал вылетел изо рта змеи и вонзился в горло седовласой женщины.

— Бежим! — крикнула Керсти и устремилась по коридору к лестнице.

Рванув дверь, она застыла. Перед ней была каменная кладка лабиринта.

— Черт! — Керсти шагнула в туннель.

С потолка посыпались струйки песка. Из «Игротеки» доносились стоны и крики убиваемых доктором пациентов. Они умирали мучительной смертью, чтобы снова ожить и умереть еще раз.

Керсти и Тифони побежали по каменному коридору. Колокол прозвонил снова. Маленькие колокольчики поддержали его гул тоненькими голосами.

— Привет, Керсти! — утробным голосом произнес, преграждая им дорогу, кенобит, голову которого украшали забитые гвозди. — Я же говорил, ты не выйдешь из лабиринта.

Керсти опустила руки, мысленно прощаясь с жизнью.

— Больше никаких отсрочек! — другой демон проверил пальцем остроту своего серпа. — Мы не позволим тебе больше дразнить нас.

— Пришло время поиграть и нам, — заключил третий с жабьим лицом, покрытым складками.

— Подождите! — внезапно вспомнила Керсти и полезла в карман брюк.

— Никаких сделок, Керсти! — остановил ее кенобит. — Мы хотим испытать твою плоть, а не твоё умение торговаться.

— Сделок не будет. Просто информация, — пообещала Керсти. — Просто информация.

— Ну давай, продолжай, — согласился демон. — Но если ты нас снова обманешь, деточка, о твоих страданиях пойдут легенды даже в ад.

Вытащив свернутую пополам вырезку из журнала, Керсти протянула ее кенобиту с гвоздями на голове. Выражая недоумение на своем бескровном лице, тот взял ее и повертел в разные стороны, всматриваясь в фигуру человека с лопатой.

— Ну, и что это? — изрек он, приготовившись выслушать очередной бред Керсти. — Этот тоже ускользнул от нас, как Фрэнк?

— Нет, — спокойно ответила Керсти, глядя прямо в карие глаза кенобита. — Этот не ускользнул. Это ты!

Демон еще раз взгляделся в лицо археолога и сказал:

— Ерунда, я...

— Это ты! — оборвала его Керсти. — Ты не всегда был такой. Ты был человеком. Вспомни! — она обвела взглядом всех четырех кенобитов. — Вспомните все свое прошлое! Подумайте...

— Достаточно, — прервал поток ее красноречия демон с растянутой на штырях шеей и спицей в носу.

— Подожди, — остановил его первый первопроходец потайных зон сознания. — Я вспоминаю...

На его лице застыла маска задумчивости, глаза устремились вверх, куда-то к каменному своду, потрескивавшему время от времени. Воспоминания проявились в его мозгу сначала неясными очертаниями, но затем они становились все более четкими и, наконец, пронзили его сознание сильнее, чем забитые в череп гвозди.

Пробковый шлем, кобура с высынутой из нее ручкой крупнокалиберного пистолета, часы, показывающие точные лунные фазы... Сам он сидит на полу. На нем светлая рубашка, небрежно повязанный галстук. Черные волосы, откинутые назад, открывают раннюю лысину. Вокруг свечи пламя колеблется под неощутимым сквозняком. Пентаграмма с разорванной окружностью и буквами J.H.S. На его ладони лежит шкатулка. Орнамент светится тусклыми бликами.

То же самое когда-то видел Желтый Император, призывая на помощь Солнце.

Но на что он нажимал? Может быть, на этот круг в центре одной из сторон? Он погладил по рисунку. Из шкатулки послышался треск, и голубые искры на миг выхватили затемненные углы комнаты. Он провел по периметру окружности. Шкатулка вновь взорвалась в руках сонмом ослепительных огоньков. По граням от края до края пробежал импульс.

– *Caput mortnum, imperet tigi Dorainus per vivum et devotum serpentem!..*

Эрик Симплтон огляделся, ища источник голоса, но не нашел его. Комнату покрыл еще более непроницаемый мрак. Только свечи освещали пентаграмму, отбрасывая по сторонам длинные тени и создавая этим что-то похожее на колеса телеги со спицами, сходящимися в центре.

– *Cherug, imperet tigi Dominus pier Adam Jot- Chavah!..*

Центр коробочки поднялся вверх, вылезая из кубика металлической полусферой.

Археолог с замиранием сердца следил за движением шкатулки.

– *Aquika errans, imperet tibi Dominus per alas tauri!..*

Шар разделился на четыре части, медленно расползающиеся по сторонам, открывая адский цветок.

Симплтон нагнулся, чтобы заглянуть в недра бутона. Из цветка вырвалась цепь и растянула его руки в стороны. Шкатулка упала, выбрасывая из себя все новые и новые цепи, скручивающие этнографа.

Он грохнулся на пол, но тут же цепи взмыли вверх, подтягивая его к потолку. Невидимая рука стала выдергивать у него из головы по одному волоску.

– *Licifer! Baal-Zebub! Moloch! Astaroth!* — крутилась в голове молитва.

Направляемая невидимой волей, к лицу его подлетела бритва, до этого лежавшая на столе и разрезала кожу на ровные квадраты. Откуда-то появившийся молоток методично забил гвозди в пересечения окровавленных рубцов.

Демон дернул головой, пытаясь отбросить воспоминания, но они уже крепко засели в его пробитой гвоздями черепной коробке.

– Понимаете, вы все когда-то были людьми, — обратилась к кенобитам Керсти, заметив, что фотография произвела на них определенное воздействие, и желая закрепить полученные результаты.

Кенобит, щеки которого прорыкала стальная проволока, сходившаяся где-то за спиной, в задумчивости посмотрел на Керсти и потер своей ужасной рукой себя по виску.

Дверь, ведущая в клинику, затрещала и вывалилась в туннель, подняв клубы пыли. В проеме показался доктор, раскачивающийся на длинном хоботе шланга. На губах его играла победоносная улыбка, а из пальцев высывались окровавленные кинжалы, заглатываемые змеями.

— Иди сюда, Тифони! — проскрипел он. — Я твой пapa и доктор. Я помогу тебе в лечении твоей продолжительной болезни.

Тифони вжалась в каменные изломы туннеля.

Кенобиты, оторвавшись от своих мыслей, повернули головы по направлению к вошедшему, сменяя милость на гнев.

— А-а, — доктор посмотрел на них. — Без крови здесь не обойтись. Хорошо!

Кенобиты взирали на него с выражением решимости на лицах. Сзади них из пола выполз деревянный столб с цепями наверху. Он кружился на своей оси, скрипя в раскручивающих его блоках.

Доктор, шевеля змеями на своих руках, подплыл к ним, крепко связанный с держащим его резиновым рукавом.

Кенобит, бывший некогда Эриком Симплтоном, метнул взгляд в угол каменного подземелья, выпуская из рук журнальную вырезку с фотоснимком. Мимо пронесся крюк, вонзаясь в доктора.

Демон повернул голову в другую сторону — опять просвистел крюк. Столб при каждом своем повороте выкидывал по паре цепей. Они свистели со всех сторон, попадая в висевшего в воздухе доктора. Тело его кровоточило от пронзивших его крючьев. Змеи на его руках словно по команде втянули внутрь свои безобразные головки и, повернувшись где-то внутри, выставили длинные хвосты, покрытые чешуйчатой кожей. Молниеносный удар — и цепи ослабли, рассеченные пополам. Доктор засмеялся, оглашая неистовым хохотом каменные стены и не замечая своих кровавых ран.

Кенобиты переглянулись.

— Эту операцию я беру на себя, — с пафосом произнес доктор и, обернувшись в сторону Тифони и Керсти, добавил:

— А вы, девушки, будете моими первыми пациентками.

Доктор перевел огненные глаза на стоящих плечом к плечу кенобитов. Змеи, высывая острые клинки из своих пастей, таращились на острый серп одного из демонов. Один из ножей отделился от пальца руки доктора и пробил горло кенобита с

проводкой в щеках. Внешность его стала быстро меняться, и он упал у подножья деревянного столба уже девушкой с золотистыми волосами, заплетенными в толстую косу. Голубые глаза и чуть выступающие скулы выдавали в ней скандинавское происхождение.

Тифони прижалась к Керсти, со страхом смотря на битву титанов.

Из ладони доктора вылетело копье, прибив к столбу демона с лицом, заплывшим жирными складками, превратив его в мужчину средних лет с бородкой и в круглых очках, все еще сидевших на носу. В предсмертном порыве он попытался вытащить древко из своей груди, но просвистевший кинжал оттянул его руку, пригвождая ее к дереву. Следующее копье изменило свой курс под ударом обкрутившей его цепи и пролетело в сантиметре от Тифони, вонзившись в стену и сломавшись пополам. Безглазый кенобит замахнулся секирой и обрушил ее на доктора, отрубив ему ухо и задев плечо. Взвыв от боли и ярости, доктор выпустил в него целый град отточенных лезвий. Один из кинжалов достиг намеченной цели — голова кенобита покатилась по плитам пола, став головой прыщавого подростка с коротко стриженными волосами.

— Ну, что? — с издевкой закричал доктор, глядя на оставшегося в одиночестве демона.

Тот молча стоял перед доктором, и в его взгляде не было ничего, кроме брезгливости. Демон метнул в него крюк, но не попал, отброшенный в сторону мощным ударом хвоста.

Пасть змеи раскрылась и выпустила в кенобита тонкий стальной клинок. Он с силой вошел в грудь демона, но тот остался на ногах. Гвозди посыпались из его головы, изрезанная на клетки кожа начала стягиваться, быстро срастаясь. Из лысого черепа пробились черные жесткие волосы. Кенобит крепко стоял на полу, бесстрашно глядя в лицо своей смерти.

Из пальца доктора показался хвост с острым шипом на конце. Словно ударом хлыста он перерезал горло Симплтона, повалив его на деревянный столб. Кровь потоком заструилась по кожаному одеянию демона. Он опустился на колени, ухватившись за рукоятку воткнутого в дерево топора, медленно осел вниз, глотая заливающую горло кровь. Последним усилием он выдернул топор, но руки его ослабли и топор упал на пол. Голова его опять покрылась квадратами разрезов, а из черепной коробки вновь простили гвозди с ребристыми шляпками. Он все же остался кенобитом до конца.

Победный хохот Женарта потряс своды подземелья. Керсти схватила Тифони и потащила ее к двери, выломанной доктором.

Каменный свод затрещал, с него посыпались камни и кирпичи. Где-то далеко-далеко прозвонили колокольчики, наполняя сердце непреодолимой тоской, обрываясь на половине начатой музыкальной фразы.

— Подожди, — Тифони остановилась. — Я должна вернуться. Мне нужно закончить головоломку.

— Тифони, о чём ты? — перебила Керсти.

— Они себя вспомнили! — стояла на своем Тифони. — И стали лучше. Их нельзя там оставлять. Мне надо идти!

Вырвавшись из ее рук, Тифони побежала по коридору. Керсти, догнав ее, следовала рядом.

А где-то за их спиной доктор, потрясая кулаками и оглашая подземелье воинственными воплями, отплясывал вокруг столба танец смерти.

Незримый компас в подсознании Тифони вывел их к лестнице, ведущей на площадку, окруженную трубами. Взбежав по ней, Тифони нашла глазами валявшуюся среди осколков камней рваную кожу Джгулии. Мягкая перчатка руки все еще сжимала разложенный кубик шкатулки. Два ее острых угла поблескивали, отражая свет своими гранями. Тифони схватила шкатулку и побежала к ожидающей на лестнице Керсти.

— Тифони, зачем она тебе?

Посмотрев на нее, Тифони указала взглядом на висевший в красном небе гигантский вытянутый ромб. Ударил гром. Ромб зловеще сверкал, разбрасывая разряды молний, покрывающие своими вспышками всю огромную площадь, занимаемую лабиринтом.

Керсти перевела глаза с висящего над ними ромба на шкатулку, заметив идентичность их форм.

— Теперь я понимаю, — произнесла она. — Это головоломка, да?

Тифони кивнула, а Керсти, ни к кому не обращаясь, повторила последние слова:

— Это головоломка...

Спустившись по каменным ступеням, Тифони села на холодный пол и, скрестив ноги в позе лотоса, закрыла глаза. Живот ее приподнялся, грудь расширилась, полностью наполняя легкие кислородом. Выдох прошел в той же последовательности, после чего дыхание прекратилось. В этот момент в организме Тифони произошли коренные изменения, настраивая ее на внутренний мир. Отрицательный полюс, находящийся в копчике, стал медленно подниматься по позвоночному столбу, стараясь достичь положительного полюса на его верхнем позвонке и соединиться с ним. В этом

соединении нашло свое выражение вечное стремление полярностей и полов друг к другу. И лучше всего это соединение выражалось внутри самого себя — в высшей степени совершенства, в трансэкстазе. Но две формы энергии не желали слиться в одно целое, сознание постоянно вырывало из памяти отдельные куски жизни, картинами встававшие перед внутренним взором Тифони. Мама лежит на больничной кровати. Рядом пищит аппарат, вычерчивая кривую кардиограммы. Доктор вставляет ей в рот кислородную трубку. Медсестра: «Она так любит головоломки», и гладит Тифони по голове. Кенобит корчится в предсмертных судорогах на древке пронзившего его копья. «Назовем ее Тифони», — улыбается медсестра, подходя со шприцем в руке. Затем опять доктор. Доктор Женарт. Он зажимает рот матери, перекрыв доступ воздуха, и ухмыляется, смотря на Тифони. Мама корчится на постели. Иглы, соединяющие ее тело с резиновыми трубками, по которым поступает жидкость, поддерживающая ее сердце, ломаются.

Перед глазами все поплыло, заливаясь красными пятнами и закрывая пеленой. Это был не туман, это были слезы, брызнувшие из глаз Тифони на ее руку.

Задрожав на вытянутой ладони, шкатулка упала на пол, повторяя действия своего большого двойника, застывшего на красном небе между двумя ярусами ада.

Впереди послышался звук трубы, сопровождающейся грохотом падающих булыжников.

Тифони, так и не сумевшая настроиться на медитацию, вздрогнула и посмотрела сквозь дыру в стене, пересиливая боль в наливающейся свинцом голове.

Она увидела, что к ним летел по воздуху доктор, болтаясь на гибком рукаве трубы.

Тифони встала, зажав виски руками. Боль не проходила, пульсируя в такт ударам сердца и затмевая разум. Покачнувшись, она подняла с пола выпавшую из рук шкатулку, все еще не отказываясь от попытки переключиться на внутреннее Я.

— Как вы себя сегодня чувствуете, девочки? — проскрипел доктор, показываясь в проломе. — Теперь у вас все позади. Времени для вас больше не существует.

Со свистом прорезав воздух, хвост выбил шкатулку из рук Тифони. Клинки завертелись в пастих змей, превратившись в сверкающие сверла. Их сменили длинные тонкие иглы, вылезающие из змеиных голов. Доктор засмеялся, с удовольствием заметив ужас в глазах Тифони.

— Я вижу, дело идет на поправку! — проревел он. — Теперь тебя можно чем-то удивить. Но заключительная операция не помешает, Лиза. Что у нас сегодня на повестке дня?

Доктор глянул на свою руку, из которой выдвинулся круглый крючковатый барабан.

— Ах, да... Снятие кожи с лица, — вспомнил он, выкинув руку с вращающимся механизмом вперед.

Попятившись, Тифони упала, зацепившись ногой за вывернутую плиту.

Размахивая широким плащом, доктор подлетел и повис над ее головой, тыча в лицо пронзительно звенящей циркулярной пилой, которой оканчивалась его рука.

Осколки стремительно разлетались вокруг, когда пила соприкасалась с полом, и обдавали Тифони горячими крошками, больно врезавшимися в лицо.

— Ну что же ты, Лиза? — произнес Женарт. — Ты боишься своего папочки? Иди же ко мне, прикоснись к отцовской груди. Или ты не любишь меня?

Доктор дернулся, держа крутящийся зазубренный диск, готовясь нанести им последний удар.

Перед ним стояла Джулия, она улыбалась, смотря на него. Лицо ее было немного забрызгано кровью, но каштановые волосы все так же красиво спадали на ее плечи.

— Я знал, что ты вернешься, — прохрипел Женарт, и губы его растянулись в сатанинской улыбке.

Джулия обняла его за плечи и прильнула к груди, отводя в сторону стремительно крутящийся диск пилы.

Тифони подползла к валявшейся на полу шкатулке и зажала ее в руках, поглаживая по ребрам. С чудовищным напряжением ей удалось собрать всю свою энергию и волю, объединив их в мощный кулак. Затаив дыхание, Тифони заскользила пальцами по острым углам, перемещая напряжение к квадратному основанию. Запас воздуха в ее груди закончился. Она сделала глубокий вдох. Углы у шкатулки, уже начавшие опускаться вниз, резко расправились, образовав первоначальную фигуру. Поджав под себя ноги, Тифони повторила попытку. Острые края втягивались вовнутрь. Вот уже осталось несколько градусов до прямого состояния.

Запас кислорода кончался, инстинкт самосохранения приказывал выдохнуть углекислый газ, скопившийся в легких и набрать новую порцию живительного воздуха. Тифони задыхалась. Сознание мутнело, но она продолжала давить углы к центру. Хлоп! Шкатулка собралась в правильной формы куб и застыла в руках Тифони.

Услышав щелчок, доктор оторвался от губ Джулии и повернулся на шланге в сторону Тифони, устремив на нее испепеляющий взгляд.

— История твоей болезни закрыта, Тифони! — произнес он и выставил вперед ладони. — Боюсь, исход летальный.

Из его рук вылетели два дротика с тянувшимися от них цепями.

Тифони увернулась, перекатившись в сторону. Ноги ее соскользнули с площадки, увлекая вниз тело. Под ней расстилались огромные непонятные строения лабиринта в розовато-оранжевой дымке. Тифони обеими руками схватилась за камни, повиснув на трехсотфутовой высоте и боясь взглянуть вниз.

Дротики подняли кучу пыли, глубоко вонзившись в камень в нескольких дюймах от Тифони. Их цепи, связанные с руками доктора, не позволяли ему даже двинуть ими. Зажимы трубы, крепко державшие голову доктора, начали подниматься, таща за собой вверх и доктора. Цепи не отпускали его, крепко связывая руки с застрявшими в глыбе короткими копьями. Резиновый рукав неуклонно тянул доктора вверх, заставляя его сухожилия неестественно растягиваться. Женарт заорал нечеловеческим голосом. Глаза вылезли из орбит, мышцы натянулись, не в состоянии сопротивляться нечеловеческой силе. Шланг дернулся, ломая шейные позвонки и отрывая голову доктора от туловища. Кровь, все еще подгоняя сердце, хлынула из разорванных артерий. Обезглавленное тело рухнуло вниз, застыв на каменном полу. Голова еще шевелила губами и таращила глаза, но скоро и это прекратилось, и она повисла в воздухе, прикрепленная к резиновой трубе. Пружинные зажимы стали раскрываться, постепенно выпуская голову, рассеченную на пять частей. Все они попадали вниз — одна за другой, словно ужасные бараки, со стуком шлепаясь на каменные плиты пола.

Стены коридора были залиты кровью и кусками мозга, сползающего вниз. Зажим открылся до конца, выпуская из своих тисков просверленную насквозь затылочную часть, и закрыл четыре стальных пружины, обступившее со всех сторон тонкое сверло.

Джулия в ужасе смотрела на происходящее, не в силах отвести взгляд.

Тифони закричала, держась за острый цементный край площадки. Джулия взглянула в сторону, откуда послышался крик, но ничего не увидела. Сначала она даже не сообразила, что произошло, но вовремя обратила внимание на две руки с

побелевшими от напряжения пальцами, ухватившимися за край смотровой площадки.

Подойдя, Джулия осторожно взглянула вниз. Голова ее закружила, и она отпрянула от края, подавая руку Тифони.

Подняв лицо, Тифони с недоверием смотрела на протянутую руку и думала, есть ли у нее какая-нибудь другая возможность спастиесь.

— Пожалуйста, поверь мне, — сказала Джулия. Что-то в интонации ее голоса заставило Тифони откликнуться на предложение Джулии. В красном небе вращался стальной ромб, окруженный электрическими разрядами. С каждым новым поворотом его острые углы делались все более прямыми, а тупые стороны вытягивались.

Тифони, крепко держась за руку Джулии, медленно подтягивала вверх свое тело. Гравий сыпался из-под подошв ее кроссовок, струясь по стене башни.

В пространстве между ярусами прогремел мощный раскат грома, прокатившись по лабиринту, он вернулся дробным приглушенным эхом. Границы куба вновь стали параллельны.

Тифони рывком вытащила свое тело из пропасти. На руке Джулии, зажатой в пальцах Тифони, кожа порвалась и слезла, как перчатка. Забросив ноги на площадку, девушка откатилась от края бездны, и, тяжело дыша, повернула свое запыленное лицо к Джулии.

Джулия подняла окровавленную руку и, схватив себя за подбородок, рванула его вверх. Кожа треснула и сползла с ее головы, сворачиваясь в рулон. На Тифони смотрело перепачканное в крови лицо. Однако перед ней была не Джулия.

— Керсти?! — выдохнула Тифони, не веря своим глазам.

— Я влезла в кожу Джулии, чтобы спасти тебя, — стирая с себя кровь рукавом байковой рубахи, сказала Керсти. — И мне это удалось, как видишь.

Тифони увидела, что висящая в небе шкатулка уже приняла форму куба.

— Нам надо немедленно уходить!

— Да, если еще не поздно...

Туннель содрогнулся от невидимого взрыва. Плита, закрывавшая выход в космос, чуть сдвинулась в сторону, и поток уходящего во Вселенную воздуха стал сильнее.

— Скорее сюда! — крикнула Тифони, сбегая по ступенькам и сворачивая за угол.

В конце прохода зияла трещина, ведущая в клинику Женерро. Сзади слышался хриплый рев и топот бросившегося за убегающими девушками чудовища.

Левиафан, перебирая по стенам ужасными перепончатыми лапами, быстро догонял их. Его челюсти громко щелкали, испуская ужасное зловоние. Ударом рыбьего хвоста он толкал свое чешуйчатое тело вперед, стараясь догнать девушек, прежде чем они покинут его лабиринт.

Края трещины медленно сходились, отрезая им путь в земную реальность. Поднятая с пола, пыль застилала свет и ела глаза. Ветер дул им прямо в лицо, мешая быстро двигаться к цели. Шершавый длинный язык Левиафана рванул рубашку Керсти, задирая ее к плечам. Еще секунда, и стена захлопнется, навсегда оставив беглянок в этом ужасном мире, населенном безобразными тварями. Последний рывок — и девушки проскочили в уже почти сомкнувшиеся врата ада. Их края сошлись. Ударившись об стену, Левиафан злобно заревел, царапая когтями цемент.

Оглянувшись, Тифони смотрела на то место, где только что исчезла щель, проводя рукой по ровной глади стены. Из-за стены еще какое-то время слышался рев двухголовой Рыбы.

— Да будет так, — Тифони выписала рукой свастику — древний рунический знак, означающий мудрость и покровительство силы Света. — Да не откроются больше врата ада и не выпустят его исчадия на Божий Свет. Аминь!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

— Черт возьми! — споткнулся полицейский о ступеньку и, держась за перила лестницы, проследовал наверх.

Маленькая прикердачная комната встретила его хаосом разбросанной по полу бумаги, рваных книг и стеклянных осколков. На стене висела картина, изображающая спиритический сеанс доктора Фауста. В помещении никого не было. Окно, заключенное в пентаграмму, выводило в другую каморку, переоборудованную в лабораторию.

Полицейский прильнул к стеклу и попятился назад: четыре гниющих трупа уставились на него, оскалив зубы.

— О, Господи, — вымолвил он, доставая из кобуры пистолет. Подойдя к двери, он прислушался: все было тихо.

Ударом ноги он распахнул ее и влетел в комнату, наводя на все углы ствол пистолета. Пусто. Только мертвецы не отрывали от него засиженных мухами глаз.

Полицейский опустил пистолет, но все же не убрал его в кобуру. Он брезгливо смотрел на квадратный деревянный столб, стоящий посреди окровавленного матраса. Из него выглядывали монстры, которые не могут присниться и в кошмарном сне: человеческая голова с перекошенным ртом; ребенок с зашитым ртом, держащий в Руках иголку с ниткой; лицо, щеки которого проткнуты стальной проволокой; клоун, растрянувший губы в жуткой улыбке. Все было здесь — вся горечь греха отразилась в этих формах и чертах, создав действительно чудовищные образы.

— О, Бог мой! — прошептал полицейский, безвольно опускаясь на покрытый пятнами крови матрас.

К нему повернулась голова, рассеченная на ровные клетки с забитыми в пересечения гвоздями.

Полицейский хотел выстрелить, но не смог поднять руку и спустить курок от налившшейся на его тело тяжести.

Голова засмеялась, высунув наружу обложенный язык, и произнесла диким гулким голосом, словно клинком прорезая мозг.

— Что пожелаете, сэр?

Глаза полицейского округлились. Он хотел подняться, но что-то не пускало его, пригвоздив к месту. Вылезшие из матраса кровавые руки обвили его туловище. Он закричал, но жесткие

руки продолжали втаскивать его внутрь, не давая возможности спастись. Поверхность матраса стала зыбкой, как болотная трясина, затягивающая его в свои недра. Вот уже только лицо с отчаянно хватающим воздух ртом осталось на поверхности матраса. Через миг оно исчезло в пропасти преисподней. Чудовища у столба захочотали, всколыхнув пространство. Белый налет покрыл их лица, словно пудрой. Он становился все плотнее и плотнее, пока не превратился в каменную глыбу, повторяющую все очертания дьявольских изваяний. Каменный монолит возвышался над матрасом и окружавшими его трупами, вырубленный резцом великого мастера ада, ваятеля судеб и человеческой плоти, имя которого Левиафан — повелитель лабиринта. Лабиринта сознания, желания и разума.

ОЛАРД ДИКСОН

АД НА ЗЕМЛЕ

Olard Dixon
«HELLRAISER III: HELL ON
EARTH»

Перевод с английского

Олард Диксон
«ВОССТАВШИЙ ИЗ АДА III:
АД НА ЗЕМЛЕ»

Сказал Он: «Выходи оттуда
опозоренный, униженный! Тех, кто
последовал из них за тобой... Я наполню
гейнну вами всеми!»

Коран 7:17 (18)

... Горе живущим на земле и на море,
потому что к вам сошел дьявол в сильной
ярости, зная, что не много ему
остается времени!

Откровение Иоанна Богослова 12:12

Посмотрите на мастера глиняных дел.
Месит глину прилежно, умен и умел.
Но вглядитесь внимательней: Мастер безумен.
Ибо это не глина, а месиво тел.

Омар Хайям

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Джон не любил, когда его называли по имени, для всех он был Джей Пи Монро. В свои двадцать четыре он многое повидал, но судьба улыбнулась ему только полтора года назад, когда он купил стены заброшенной старой котельной. В результате после капитального ремонта и реконструкции, куда Джон вложил все свои сбережения, появилась молодежная дискотека с баром. В ее названии «Бойлерная»

отразилось прошлое заведения, которое здесь было раньше. Уже через полгода деньги, вложенные в дискотеку, окупились, и она стала приносить первые ощутимые доходы. Вот тогда-то Джон и решил сократить свое имя до Джей Пи. «Пи» он взял из своего второго имени Пат, данного ему при крещении.

Сегодня он решил отправиться в свой еженедельный рейд по лавкам, торгующим подержанными вещами и предметами старины. Джей знал, что там можно купить самые неожиданные и интересные вещи. Совсем недорого, и как раз то, что нужно для внутреннего убранства дискотеки.

Молодежь требовала чего-то необычного и диковинного, выходящего за рамки стандартных понятий их родителей. и Монро, по мере сил, старался удовлетворить запросы своих юных посетителей.

Он остановился у обочины, щелкнул зажигалкой, опалившей кончик сигареты, и перешел на другую сторону улицы к дому, над дверью которого с трудом можно было прочесть полустертую вывеску: «Галерея «Пирамида». Торговля редкостями и антиквариатом».

Джей толкнул дверь без ручки, почему-то не ожидая, что она откроется. Однако она поддалась, повернулась вокруг своей оси на сто восемьдесят градусов и снова закрыла проем, впустив его. Колокольчик над входом дзинькнул, предупреждая хозяина о покупателе.

Джей Пи очутился в довольно тесном и сухом помещении, заваленном всевозможным хламом. Медные, давно не чищенные кофейники, некомплектные столовые приборы с витыми ручками, чугунные сковородки. Все это лежало вперемешку с потрепанными книгами, пакетиками с семенами каких-то неизвестных растений, банками привозного пива. По

стенам с потрескавшимися обоями были развешаны боевые трофеи времен борьбы кафров за независимость, почерневшие циновки йогов, сайгачи рога; множество всевозможных вещей загромождали углы. В центре стоял монумент, высотой примерно восемь футов. О нем ему рассказывала побывавшая здесь подружка. Монумент был явно создан безумным скульптором, причем, в часы обострения болезни. Джей подошел к скульптурной группе, всматриваясь в неподвижные искаженные лица, страшными масками покрывающие своеобразную колонну. Тусклый свет от раскачивающегося на сквозняке бронзового фонаря придавал монументу грозный вид, то затемняя его фрагменты, то освещая их.

— Вам нравится?

Джей повернул голову в сторону говорившего и быстро опустил руку в карман, где у него лежал блестящий хромированный кастет.

К нему подходил продавец в коричневой рубашке навыпуск. Широкие плечи делали его похожим на борца-атлета, смуглое бородатое лицо было спокойным, в темных глазах светился разум.

Джей разжал в кармане кулак, высвобождая пальцы из отверстий кастета, и вновь перевел взгляд на монумент.

— Действительно, как сказал великий Сезар, в каждой форме скрыта своя душа, — продолжал продавец. — Мне кажется, особенно это заметно в работе неизвестного мастера, которая вас, я вижу, так заинтересовала.

— Она продается? — спросил Монро. Скульптурная группа ему явно нравилась.

— Это не моя вещь, но вам я ее продам, — уклончиво произнес владелец «Пирамиды».

— Это не важно. Сколько?

— А сколько, по-вашему, она стоит?

Джей расстегнул молнию на своей красно-черной клубной куртке и, порывшись, вытащил из кармана солидную пачку долларов.

— Примерно такую сумму я и имел в виду, мистер, — взял у Джей пачку и пересчитав деньги, сказал продавец.

— Наслаждайтесь!

Монро провел ладонью по каменному монументу и ощутил, как его окутывает адский холод.

* * *

Обхватив ногами ножку высокого стула и облокотясь на стойку бара, Майкл Бэрроуз скучал, рассматривая стоявшую перед ним стеклянную кружку. Висевший под потолком шар, облепленный зеркальными осколками, крутился, подхватывая направленные на него лучи света и разбивая их на множество бликов, скачущих по стенам быстрыми солнечными зайчиками. Отхлебнув из кружки темно-желтого пива и мотнув модной прической «зеленый ирокез», Майкл принял разглядывать стоящую рядом со стойкой статую, чем-то напоминающую колонну языческого храма. Ужасные лица, изображенные на ней, скалились в неописуемых страданиях. Они были вырезаны так искусно, что, кажется, еще мгновение — и они оживут, задвигаются, внося сумятицу в этот обыденный мир. Среди них особенно выделялась лысая голова с забитыми в череп гвоздями. Торча в точках пересечения шрамов, оставшихся после чудовищных порезов, они напоминали иглы ощетинившегося дикобраза. Руки монстра, скрещиваясь на груди, покоились на плечах, тело его уходило в толщу каменной глыбы.

Майкл опустил глаза и заметил темный угол какого-то небольшого, по-видимому, квадратного предмета, выступающего на поверхности камня. Если бы его с трех сторон не закрывала четырехпалая лапа с перепонками между пальцами и длинными обломанными когтями, кубик легко заметили бы раньше, так как он выделялся на сером фоне и явно не входил в композицию. Майкл дотронулся до него. Проступившая сквозь слой пыли чистая грань засияла в мечущихся лучах света неестественным зеленоватым болотным огнем.

Выпрямившись, Майкл огляделся по сторонам. В людном, шумном зале дискотеки никто не обращал на него внимания. Довольный этим обстоятельством, он ухватился пальцами за грань коробочки и, раскачивая ее вверх-вниз, с трудом вытащил из каменной ниши и быстро сунул во внутренний карман кожаной куртки. Проделав все это, Майкл Бэрроуз поднялся с круглого стула и, звякнув по стойке связкой ключей на брелоке, не спеша направился в туалет, чтобы там спокойно рассмотреть свою находку.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— К таинственному исчезновению доктора Женарта нам добавить больше нечего. Его судьба для нас остается загадкой. Мы воздержимся и от попыток объяснить, что произошло в его доме. Уже неделю город лихорадит от мысли, что по улицам безнаказанно бродит маньяк-убийца, а полиция хранит упорное молчание по поводу случившегося. Сегодня мы еще раз показываем леденящие кровь кадры

этой ужасной трагедии и обращаемся ко всем с предупреждением. Люди, будьте особенно внимательны, ибо убийца не знает жалости ни к кому. Если кому-либо из вас что-то известно или кто-то что-нибудь видел, связанное с этой таинственной историей, огромная просьба сообщить об этом в ближайший полицейский участок. Анонимность гарантируется. Это была Джоун Соммервиль. Восьмой канал.

Девушка, говорившая это в объектив кинокамеры, переключила тумблер на своем столике и, оттолкнувшись от него ногой, откинулась на спинку кресла, устало положив руки на его поручни. Кресло легко катилось по паркетному полу.

— Какая скука! — протянула она, вытягиваясь на сидении. — Ни одного живого репортажа, никаких новостей, сплошная тоска... Ну полный отпад!..

Поправляя рукава своей блузки и мысленно взявшись за руки, она уже более сдержанно сказала:

— Ну ладно, все!

— Действительно, больше ничего интересного, — поддержал ее Энтони Сандерс, выключая круглый юпитер с зеркальным отражателем направленного действия.

— Мне ужасно жаль, — видимо не смогла сменить пластинку длинноволосая девушка. — Мой первый выход в эфир — и ничего нет.

— Успокойся Джоун, — проговорил, снимая со штатива небольшую телекамеру, мужчина с бородой и огромными, спускающимися ниже подбородка усами. — Всякое бывает... Ты сама говорила: тайна, загадка...

— Да все я понимаю, Даг! — с досадой ответила Джоун. — Но ведь так хотелось, чтобы первый репортаж был интересным, динамичным, чтобы он привлек внимание.

— Так бывает не всегда, ты же знаешь. А вообще ты молодец, — похвалил ее Даг Спенсер, откручивая объектив. — Кому-либо другому на твоем месте вряд ли удалось бы раздобыть эту информацию.

Улыбнувшись, Джоун встала с кресла и одернула на бедрах короткую юбку.

— Спасибо тебе за поддержку, Даг, — она обвела взглядом помещение телестудии и состроила гримаску.

Помещение действительно было неуютным. Три абсолютно голые стены, если не считать нескольких встроенных в ниши телевизоров, вместо четвертой стены — гигантская пластиковая панорама с фигуркой бегущего леопарда и надписью под ним «TV-8»

Энтони Сандерс уже разбирал осветительное устройство на круглой металлической подставке, когда в студии зазвонил телефон, замигав на электронном табло номером абонента. Даг, ближе всех стоявший к телефону, взглянул на цифры и поднял трубку.

— Говорите, — буркнул он, предчувствуя разговор с начальством, и включил селектор.

— Даг! — узнал он голос Брукса, шефа отдела новостей. — Собирайся немедленно. На Двадцать четвертой авеню захват заложников. Террористы неизвестны.

— Послушайте, — Спенсер посмотрел на девушку. — Мы здесь с Джоун. Может, захватить и ее?

— Не стоит, — остановил его голос из селектора. — Марк уже там. Быстрее!

— Я готов, — ответил оператор и повесил трубку, выключив громкоговоритель.

— Поспеши, Даг, — грустно произнесла Джоун, — Хороший репортаж ждет настоящего репортера.

— Джоун, подбросить тебя домой? Все равно мы будем проезжать мимо...

— Доеду на автобусе, ничего страшного.

— Ладно, как хочешь, — не стал уговаривать ее Даг.

— Не принимай все близко к сердцу.

— Будь осторожнее. Там, наверно, стреляют...

— Я привык. Вся моя жизнь в этом, — ответил Даг и, повернувшись к стоящему рядом Энтони, добавил: — А ты пока

сдай отнятую пленку. После идет заставка нефтяной компании и реклама кока-колы.

– Не беспокойся, Даг. Все будет в лучшем виде.

– Ну, тогда до скорого. Я сюда сегодня, наверное, еще заеду.

Подхватив видеокамеру, Даг бегом спустился по лестнице, настраиваясь на поездку.

Джоун накинула на себя куртку, распустила по плечам длинные золотистые волосы. Она, попрощавшись с остающимся Энтони, хотела было уйти, но остановилась на полпути, услышав телефонный звонок.

Сандерс подошел к аппарату и нажал на мягкую резиновую кнопку с цифрой «два». На табло высветилось «Sound», подтверждая включение встроенного внутрь динамика.

– Джоун еще здесь? — послышался взволнованный голос Брукса.

Сердце молодой репортерши радостно забилось.

– Пусть она немедленно отправляется в Центральную больницу, на углу Сорок второй и Пятьдесят пятой улиц. Туда только что повезли парня со следами насилия. Если она поторопится, то сможет увидеть его и расспросить свидетелей.

Джоун схватила со стола заряженный фотоаппарат и направилась к лестничному пролету, решив не тратить время на лифт, как это всегда делал Даг Спенсер.

* * *

– Быстрее-быстрее! С дороги! — орал на толпившихся медсестер здоровенный санитар с закатанными рукавами, толкая перед собой на колесиках тележку с накрытым простыней человеческим телом.

Из-под простыни тянулись по полу железные цепи, оставляя на линолеуме кровавые следы.

– Вы когда-нибудь видели такое? — вскрикнула женщина средних лет, осеняя себя крестным знамением.

Медсестра не стала поддерживать разговор. Не отрывая глаз, она смотрела вслед каталке, удаляющейся по направлению к операционной.

– Я здесь ни при чем! — пожала плечами девушка в короткой кожаной юбке, увешанной декоративными цепочками и замками, в ответ на вопрос врача: «Что произошло?» — Только не делайте ему ничего плохого, ладно?

Она испуганно взглянула на врача, пытаясь стряхнуть с себя его руку, державшую ее локоть.

— Подождите! — голос девушки лет двадцати двух с копной развеивающихся волос, бежавшей за каталкой, был почти не слышен. — Подождите! Я репортер! Что здесь случилось!

— Вы не видите надпись? — преградил ей путь врач. — Посторонним сюда нельзя.

— Подождите, пожалуйста! — не обращая внимания на преградившего ей дорогу человека в белом халате, закричала Джоун. Она пыталась пробиться в операционную, которую отделяла от толпившихся в коридоре людей пара выкрашенных в белую краску прочных дверей.

— Вот кто вам нужен! — врач показал на девушку в кожаной юбке, с химической завивкой на голове, явно стремясь отвлечь внимание назойливой журналистки от входа в операционную.

— Это не моя проблема! — запротестовала девушка. — Я ничего не знаю! Я просто жила там.

— Где? — уцепилась Джоун, хватая ее за плечи.

— В «Бойлерной», в котельной.

— В котельной? Что это такое? Где это? — вопросы сыпались градом. Джоун поняла, что она на правильном пути.

— Дискотека напротив супермаркета «Отари»

— Так. И что?

— Ничего. Отпустите меня! — девица вырвалась из рук Джоун и побежала, озираясь по сторонам в поисках укрытия.

Мощный порыв ветра распахнул двери операционной, створки с силой ударили о вбитые в пол деревянные ограничители. Одна из створок, задев стоявшего в коридоре врача, отбросила его к стене. Со всего маху ударившись затылком о кафель, врач осел и сполз на пол, оставляя на белых плитках красные полосы. Оставив девушку в покое, Джоун с ужасом смотрела на истекающего кровью врача. Наконец, она перевела взгляд на операционный стол. На нем лежал изувеченный парень с ярко-зеленым гребнем на бритой голове. Тело его представляло собой сплошную кровоточащую рану от впившихся в него крючьев с острыми зазубренными краями, похожими на наконечники копий или стрел.

Парень еще дышал, но находился в состоянии, близком к шоку.

— Аминь! — громыхнул чей-то голос, и тут же раздался взрыв. Цепи, прикованные к крюкам, взмыли вверх, растягивая жертву.

По металлу пробежал искрящийся голубоватый огонек, он сконцентрировался на концах цепей, оплавляя последние звенья. Тело на столе дернулось и зависло в воздухе, подчиняясь

натяжению цепей. Звенья таяли, как масло на сковородке, и распинали его, словно на невидимом кресте.

— Да будет так! — густо прогудел чей-то бас. Звуковая волна, ударившись в окно, со звоном выбила стекла.

Куски человеческой плоти полетели в стены, облепив их кровавой кашей. Голова оторвалась от тела и, словно мяч под ударом невидимой ноги, вылетела в коридор, просвистев мимо оцепеневшей Джоун. Цепи исчезли, их жидкие капли смешались с кусками внутренностей. Запахло горелым мясом. Металл зашипел от соприкосновения с влагой и, проделав в человеческой плоти рваные дыры, застыл, выравнивая дефекты керамического пола.

Сразу стало тихо. Сквозняк из разбитого окна был просто ледяной, но врачи в забрызганных кровью халатах, в ужасе прижавшиеся к стенам операционной, его не замечали.

Человек, который всю жизнь отрицает подобные факты, а потом неожиданно встречается с ними лицом к лицу, оказывается безоружным. Некоторые, уже потом, позднее, находят успокоение в религии, но многим так и не удается найти покой для своей взволнованной души, и они кончают свой путь в сумасшедшем доме. Так и не сумев поверить в то, что с ними произошло, они теряют рассудок.

Джоун, шатаясь, добрела до автобусной остановки. Ноги ее подкашивались, голова отказывалась здраво рассуждать. Она привалилась к перилам и потрогала висевший на шее фотоаппарат. Уж он-то, наверняка, четко запечатлел на пленке все произшедшее в больнице.

«Жаль, не было Дага с камерой, — подумала Джоун. — Ну ничего, репортаж все равно получится классный».

На улице холодный ветерок приятно обвевал ее лицо, и Джоун понемногу начала приходить в себя. Она мотнула головой, стараясь отогнать стоящую перед глазами картину случившегося в операционной, и поднялась в подошедший автобус.

Пассажиров было немного, Джоун села на свободное место, спиной к водителю, размышляя о том, куда могла деться девчонка. В глаза ей бросилась листовка, приклеенная к стеклу какими-то религиозными фанатиками, и она бездумно пробежала по черным строчкам. Что-то заставило ее вернуться к началу текста и осмыслить прочитанное: «Приготовьтесь ко второму пришествию! Надвигается третья волна знамений. Остановите мутантов разума — и Бог отблагодарит вас небесной обителью!»

Джоун застала Дага в студии за просмотром пленки с интервью, которое она взяла у профессора Бэрнстайна.

— Несколько слов о вашей книге, профессор, — монотонно проговорила она с экрана телевизора.

Поморщившись, Даг перемотал назад, не замечая прихода Джоун.

— Даг! — позвала она, взяв его за плечо.

Ничуть не удивившись, он повернул к ней голову, покручивая длинный светлый ус.

— Привет, Джоун. Хорошо, что зашла. Вот смотри... — он пустил пленку.

— Несколько слов зрителям о вашей книге, — обратилась она к профессору, не испытывая никакого энтузиазма.

— Видишь?

— Что?

— Техника у тебя неправильная.

— Почему? — Джоун на миг забыла о последних событиях.

— Тебя не интересует ответ, — заметил Даг. — И юбка на тебе чересчур коротка для серьезного репортажа. Ее еще чуть приподнять и ноги раздвинуть — и ты стала бы звездой «Плейбоя».

— Да ладно, кончай ты, — заступился сидевший в углу Энтони Сандерс, которого поначалу Джоун и не заметила. — Ну что ты к ней привязался на самом деле?

— Надо все делать правильно! — Даг щелкал дистанционным управлением снова и снова прокручивая ленту.
— Ты только посмотри! Этот профессор в течение всего разговора плялится на ее ляжки, обтянутые сеточкой. Здесь должен быть короткий репортаж: настроение, работа, планы, а Джоун растянула его больше, чем на сорок минут.

Джоун нечего было возразить. Она и сама понимала, что это не самая удачная ее работа.

— Краткий обзор и только! Без всякой сексапильности!

— Ну, ты даешь! — не согласился Энтони, — Чтобы как вчера, да?

— Зачем «как вчера»? Это телевидение. Никаких историй...

— История есть! — нисколько не обидевшись, прервала Дага Джоун. — Здесь все!

Она похлопала по кожаному футляру «Никона».

— Ну давай, выкладывай, — легко сменил тему разговора Даг. Для него это было характерно: долго и подробно говорил об

одном и тут же, как ни в чем не бывало, переходил на что-то другое.

– Это надо проявить.

– Отдай в лабораторию — через полчаса получишь нужные тебе кадры.

После обработки пленки лаборатория выдала им тридцать шесть девственно прозрачных прямоугольников.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Джоун, помня то, что ей рассказала увешанная побрякушками девчонка, нашла дискотеку довольно быстро. Действительно, она оказалась, почти напротив огромного магазина самообслуживания «Отари».

Неоновая вывеска с бегающими по кругу огоньками высвечивала надпись: «Бойлерная. Рок- клуб». Буквы были выведены на кирпичной стене двухэтажного здания котельной, выпадающего из общего архитектурного стиля современных построек. Здание было старое, но крепкое. С выкрашенным полосами фасадом, оно имело довольно убогий вид. Из чуть приоткрытой двери на улицу вырывалась грохочущая музыка, заставляя оглядываться прохожих.

Подойдя к входу Джоун навалилась на тяжелую двухстворчатую дверь. Одна ее половина оказалась запертой на шпингалет. У входа девушку встретил длинноволосый парень с серьгой в ухе.

— Десять долларов за вход, пожалуйста, — он широко улыбался, выставляя всем на обозрение свои гнилые зубы.

Джоун расстегнула сумочку и протянула ему сложенную бумажку с изображением Гамильтона. Пройдя через небольшой вестибюль, выложенный профильным пластиком «под камень», они повернула на звуки му.шки, громкость которой нарастала с каждым шагом Джоун. С по толка свешивались камуфляжные черепа со свечами в глазницах, стены были заклеены изображениями обнаженных девиц, углы покрывала сеть бутафорской паутины с запутавшимися в ней пластмассовыми мухами.

— Какая крошка! — услышала она голос у себя за спиной. Обернувшись, она увидела полуписьаную довольно физиономию какого-то панка с банкой пива в руках.

— Пошел прочь! — с максимальной уверенностью в голосе выпалила Джоун, сверкнув для верности глазами.

Окинув ее туманным взглядом, панк пригубил свое пойло и направился по коридору, что-то бормоча себе в проколотый кольцом нос.

Вздохнув с облегчением, Джоун вышла на танцевальную площадку.

Музыка оглушила ее грохотом огромных динамиков с решетками из тонких пластин. Пол под ногами дрожал от ударов бас-гитары и барабанов играющей группы. Светящееся панно возвещало, что сегодня вас приветствует «Ме.....». Присутствующие слились в неистовом танце, гремя цепями, густо оплетающими их кожаные куртки, и выкрикивая нечленораздельные звуки.

Убранство дискотеки отвечало вкусам ее посетителей. Кроме акустической, свето- и пиротехнической аппаратуры, здесь были и другие устройства, заставляющие двигаться распятые на крестах скелеты, скручиваться в кольца резинового дракона с пылающими огнем глазами и пастью, шевелиться отвратительных мохнатых гадин, свисающих на проволоке с потолка, затянутого пятнистой противовоздушной военной сеткой.

Оглядев помещение, Джоун прошла в бар. Он был отгорожен от танцплощадки каменными колоннами, покрытыми посередине игривыми завитушками.

За длинной стойкой несколько парней и девушек прихлебывали из бокалов свои любимые напитки. Хромированная сталь заклепок на их куртках вспыхивала под лучами крутящегося зеркального шара.

— Простите, — Джоун прикоснулась к никелированному шипу на рукаве одного из парней.

— Вам помочь? — он взглянул на нее сквозь круглые темные очки.

— Вы не скажете мне... — Джоун протянула ему свою визитную карточку, — Я ищу девушку... красивую, в короткой кожаной юбке и джинсовке...

— Здесь все красивые, — усмехнулся парень, хлопая по оттопыренному заду восседавшей рядом с ним девицы. — И все в коротеньких юбочках.

— Да... — согласилась Джоун, — А как же мне быть?

— Вы знаете, вам, наверно, Джей Пи Монро поможет. Он где-то здесь.

— Спасибо.

— Я не люблю этого слова. Оно означает буквально: спаси вас бог, а я не нуждаюсь в спасении. Всегда ведь можно сказать: «Благодарю».

Из бара Джоун прошла в зал, стараясь подойти поближе к сцене с выступающей рок-группой. Там она заметила одного парня, с серьезным видом крутящего ручки усилительной аппаратуры. Несколько зеленых светодиодных индикаторов

плавно дергались в такт музыке, не переходя за перегрузочную черту.

— Я ищу одну девушку, — обратилась она к звукоинженеру.
— Темные глаза, темные волосы — спадающая химия... вот такого роста, примерно...

Джоун подняла ладонь и остановила ее на уровне своего подбородка.

— У нее еще к джинсе значок приколот...
— Кто у нас спец по девушкам, так это Джей Пи, — ответил парень, выравнивая баланс. — Он сейчас наверху, в ресторане. Но, по-моему, вы ищете Терри. Значок такой большой, круглый, с закрученной желтой надписью?

— Да! — Джоун хотела сказать «Спасибо», но вместо этого, осекшись, произнесла «Благодарю» и положила ему визитку на алюминиевый предметный столик. На карточке значилось, что Джоун Соммервиль представляет интересы восьмого канала телевидения в должности штатного репортера. Далее шел домашний телефон и полный адрес. Инженер покрутил картонкой и, с интересом взглянув на нее, положил в карман, расстегнув широкую молнию.

— Меня зовут Джек. Что вы делаете сегодня? — осведомился он. — Может быть, мы сможем...

— Исключено! — отрезала Джоун и пожалела, что оставила ему свой номер телефона.

Джек задумчиво смотрел ей вслед, когда она поднималась по широким ступеням лестницы, ведущей на второй этаж. Музыка наверх почти не доходила, путь ей преграждали две массивные, обитые железным листом двери. Обстановка здесь была совершенно иная. Приглушенное звучание небольшого оркестра, круглые столики на четыре персоны, хрустальные люстры, официанты в накрахмаленных белых сорочках, стены, отделанные зеркалами и лакированными деревянными панелями. Да, здесь все было абсолютно другим.

Джоун остановилась в дверях, еще не веря в такую резкую перемену, затем подошла к ближайшему столику, покрытому узорчатой скатертью. Сидящий за столом молодой человек с двухдневной щетиной на щеках обнимал сразу двух прильнувших к нему девушек в длинных платьях с глубокими вырезами на груди.

— Простите, — обратилась к ним Джоун, но ее слова остались без внимания.

— Прошу прощения, — повторила она. — Мне нужен владелец этого заведения. Это, случайно, не вы?

— Угадали, — отозвался небритый парень, проводя пальцем по открытой шее одной из своих дам. — Здесь все принадлежит мне.

— Послушайте. Я ищу девушку. Ее зовут Терри. Молодая, красивая. Темные волосы... По-моему, она здесь часто бывает.

Джей Пи засмеялся, похлопывая своих подружек по плечам.

— Присаживайтесь, — предложил он, выдвигая ногой мягкий стул из-под стола, — выпьем, закусим, а потом и поговорим.

— Боюсь, я не в вашем вкусе, — смерила взглядом его подруг Джоун, — я школу уже окончила.

Она быстро повернулась и, щелкая каблуками, спустилась вниз.

Группа, завершив очередную композицию, теперь общалась с публикой, заводя ее криками и предлагая повторять их вслед за собой.

Джоун взглянула на потных музыкантов и двинулась к выходу, пробиваясь сквозь толпу слушателей.

Позади раздались глухие удары барабана, подхваченные бас-гитарой, на них наложилось клацанье ритма, вокалист низко протянул слово «Смерть», продленное скрежетом соло-партии.

Уличная прохлада освежила Джоун. Начавшая было пухнуть голова постепенно отходила в спокойной обстановке. Мимо проносились машины и автобусы, развозившие своих пассажиров по домам после напряженного рабочего дня. Джоун встала на краю тротуара, не очень, впрочем, надеясь поймать такси в такую пору. Простояв минут двадцать, она взглянула на свои наручные часы, поправила сползающую лямку сумочки и перешла на другую сторону, к остановке автобуса, идущего до ближайшей станции подземки.

* * *

Грохот канонады оглушил ее. Джоун стояла в открытом поле. Развеваясь на ветру, задралась ее ночная рубашка, обнажая красивые колени. Она поправила завернувшийся подол и, придерживая его одной рукой, направилась к видневшимся слева окопам. Волосы разлохматились и трепетали под порывами ветра неровными спутанными прядями. Она шла по гудящей от разрывов бомб земле, переставляя босые ноги по сухой, выжженной солнцем траве. Небо заволокло огромными черными тучами, сквозь них рваные края проглядывал идеально круглый красный диск солнца. Острые камешки и куски разорвавшихся осколочных гранат впивались в подошву, и Джоун выбирала более мягкие участки почвы. Совсем рядом тонко

свистели пули, стремясь достичь цели. Некоторые из них падали у ее ног, обдавая щиколотки горячими струйками песка.

Она упорно шла вперед, с каждым шагом приближаясь к окопу с засевшими в нем американскими солдатами. Над бруствером высунулась чья-то голова в круглой каске, затянутой защитной сеткой с прутиками. Тут же просвистела пуля, попав прямо в переносицу и отбросив голову назад. Какой-то молодой солдат выскоцил из окопа и, строча перед собой из ручного пулемета, помчался вперед, призывая за собой остальных. Но вот он покачнулся и, взмахнув руками, опустился на землю с простреленной грудной клеткой. Пулемет выпал у него из рук с резким бряцаньем и зарылся наполовину в песок.

Джоун подошла к краю окопа. На дне корчились в предсмертных судорогах солдаты, хватаясь руками за кровавые раны. Кто-то просил пить, кто-то стонал, предчувствуя скорый конец своим мучениям. Рядом валялся «Томпсон», его хозяину, лежавшему тут же, гранатой снесло полголовы. Из пробитой фляжки сочилась вода, но раненый в живот не мог дотянуться до нее. Где-то совсем рядом разорвался снаряд от крупнокалиберной пушки, засыпав землей еще живых молодых парней в военной форме. Еще взрыв. Снова куски почвы полетели на извивающиеся тела. Грохот разорвавшегося снаряда — столб пыли и песка оседает на спины и животы солдат, погребая их заживо.

Но что это? Что это за звук? Хлопанье крыльев огромного стервятника, кидающего тень на азиатскую землю?

Джоун подняла голову: ВЕРТОЛЕТ!

Трава затрепетала волнами от нагоняемого его лопастями ветра.

Вертолет, низко пролетев над окопом, стал подниматься.

— Куда же вы?! — закричала Джоун, заламывая руки. — Они ведь еще живы! Вернитесь! Спасите моего отца!

Вертолет по-прежнему набирал высоту, словно не желая слушать адресованные к нему мольбы. Лишь знак военно-воздушных сил США на его борту, казалось, ответил на призыв: его звезда, вспыхнула в охватившем вертолет огненном вихре.

Джоун упала на колени и, обхватив голову руками, повалилась на песок, захлебываясь в плаче от бессилия что-либо изменить...

Она проснулась от резкой трели телефона, стоящего у постели на тумбочке. Не открывая глаза, шарила руками в поисках трубки. Перевернув попутно стаканчик с карандашами и скинув на пол пудреницу, она все же нашупала ее и прижала к уху.

– Да,— буркнула Джоун, приподнимая длинные ресницы и всматриваясь в темноту.

– Это Джоун Соммервиль? — осведомился чей-то женский голос.

– Соммервиль, точно.

– Вы оставили свою визитную карточку в клубе.

– Ну?

– Я Терри Крейд. Что вам от меня нужно?

– Мне нужно поговорить с вами Терри, — сбрасывая остатки сна, сказала Джоун и посмотрела на часы, они показывали два часа ночи.

На том конце провода замолчали.

– Только не вешайте трубку! Это важно, — почувствовав, что Терри не из тех, кто охотно откровенничает с репортерами, поспешила добавить Джоун.

– Давайте договоримся так, — предложила Терри. — Мой парень только что выгнал меня из дома, и мне негде ночевать. Так что если вы меня устроите, мы сможем побеседовать.

– Как, сегодня тебе негде ночевать?

– Ну да...

Джоун еще раз глянула на светящийся циферблат часов.

– А что, с этим проблемы? — спросила Терри, — С вами сейчас дружок в постели?

– Нет, нет, — смутилась Джоун. — Да ради Бога... Приезжайте прямо сейчас. Не обращайте на меня внимания, просто мне приснился кошмар, поэтому я несколько заторможенная...

– Ну и хорошо. Я скоро буду, — обрадовалась Терри.

– Это ваш адрес на визитке?

– Да.

– Ну тогда все.

Джоун повесила трубку на рычажок и, включив у изголовья ночник села на постели.

– Черт, ну надо же в такое время, — проворчала она и чтобы окончательно прогнать сон, решила принять холодный душ.

Выходя из ванной и вытирая руки махровым полотенцем, она пошла на кухню, чтобы сварить кофе, но на полпути ее остановил веселый мотивчик дверного звонка.

Повернув ручку замка, Джоун открыла дверь.

– Это я, — представилась Терри на манер капитана Дрейка, закрывая один глаз ладонью.

Джоун сняла цепочку и впустила гостью в прихожую. Терри вошла и с удивлением стала оглядываться по сторонам, явно не ожидая увидеть себя в цивилизованной квартире.

— Проходи, — гостеприимно махнула ей рукой Джоун. — Раздевайся. Я сейчас...

Терри сняла с себя джинсовую безрукавку, одетую поверх кожаной куртки, и осталась в облегающем фигуру черном, блестящем, очень коротком, платье.

Джоун вернулась в широком зеленом свитере и черных брюках.

— Обувь тоже снимать? — поинтересовалась Терри, увидев застланный ковром пол.

— Да, желательно, — подтвердила ее предположение хозяйка и прошла на кухню.

Терри развязала кожаные ремешки, накрест стягивающие голенища ее сапог и в колготках проследовала за Джоун, попутно восхищаясь обоями и отделочным штапиком.

— Идешь в комнату! — скомандовала Джоун. — Я сейчас принесу кофе с бутербродами. Подумав, она добавила: — Может, ты есть хочешь?

— Да я... — промямлила Терри.

— Ясно, — заключила Джоун. — Через десять минут будет готово.

— Какой кошмар? — как-будто об этом только и шла речь, спросила Терри, удобно расположившись в кресле и уплетая яичницу с ветчиной.

— Что? — переспросила Джоун, не сумевшая переключиться так же быстро.

— Ты говорила по телефону, что тебе кошмар приснился, — теперь Терри выглядела довольной и счастливой.

С комфортом, подогнув под себя ноги, она наслаждалась вкусом крепкого черного кофе, в который для аромата Джоун добавила ложечку коньяка.

— Ах, да, — вспомнила Джоун. — Не то, чтобы кошмар... Я знаю, в чем дело.

— А в чем?

— Почему тебе это так интересно?

— Прошу прощения...

— Да ничего страшного. Мне приснился отец.

— Да?! А он что, к тебе лез?

— Нет, нет, — заверила Джоун. — Ничего такого. Он умер до моего рождения. — Во Вьетнаме погиб. Я не знаю подробностей. Но мне снится смерть... Я пытаюсь его спасти...

— Это здорово! — воскликнула Терри.

Джоун удивленно на нее посмотрела, не разделяя внезапного веселья.

— Извини... — попыталась исправить свою неловкость Терри. — Просто... Мне вообще не снятся сны. Никогда. Ложусь и проваливаюсь в какую-то черную яму, а открываю глаза — уже утро. Наверное, так же выглядит смерть, только без пробуждения.

— Может быть...

— Для меня является странным само состояние сна. Я завидую. Как будто у всех есть это ощущение, а у меня нет. Дома, улицы, я, мои дурацкие кавалеры... — вот и весь мой мир. Но есть ведь что-то еще. Неизвестный ночной мир? Это ведь здорово, — Терри закатила глаза и отодвинула от себя чашку с темной гущей на донышке.

— Хороший кофе.

Терри встала и прошлась по комнате, вытягивая руки вверх и сладко зевая.

— У тебя есть сигареты?

— Да, секунду...

Джоун на миг скрылась за дверью спальни и показалась вновь с пачкой «Salem» и небольшой хрустальной пепельницей на четырех ножках. Терри вытащила сигарету с белым фильтром, увидев, что Джоун кладет коробку на стол, спросила:

— Ты не будешь?

— Пытаюсь бросить, — неизвестно зачем соврала Джоун.

— Да ладно тебе, — махнула рукой Терри. — Какого черта, ты ведь не собираешься вечно жить?

— Вечно — нет, но быть здоровой...

— Ерунда это все! Тогда тебе и кофе пить нельзя, да и вообще ничего нельзя. Дышать отправленным воздухом тоже вредно. Жизнь, сама по себе, опасная для здоровья штука.

— А ты, оказывается, философ!

— Да нет, — Терри явно испугалась этого ярлыка. — Просто я недавно прочла научную статью об участившихся случаях рождения детей без головного мозга из-за загрязнения окружающей среды токсичными веществами. Там даже фотография помещалась: такой весь зеленый со здоровенной плоской башкой. Бр-р, — Терри поморщилась, — Нэнфалы, кажется, называются.

— Анэнцефалы, — поправила Джоун.

— Вот-вот. А потом рожай детей после этого.

Терри подошла к рабочему столику, над которым висели фотографии родных и знакомых Джоун.

— А это кто? — показала она на молодого человека в военной форме с нашивками десантника.

— Мой отец, — ответила Джоун. — Помнишь, я говорила, что он умер...

— Понятно, — Терри обратила внимание на кучу исписанных бумажных листочеков разного формата, сложенных стопкой. На первом листе была выведена округлая надпись фломастером «Бойлерная», далее шли мелкие стенографические строчки, набросанные рукой Джоун. — Ты, наверное, об этом хочешь поговорить?

— Терри, — подошла к ней Джоун. — Там произошло что-то ужасное ... Я хочу знать — что именно.

— А если я ничего не знаю, — заволновалась девушка, роняя пепел на бежевый палас.

— Ты дружила с тем парнем?

— Нет.

Джоун неодобрительно посмотрела на нее.

— Ну ладно, — решила сознаться Терри Крейд. — Я видела его пару раз в клубе.

Джоун покачала головой, скрестив руки на груди.

— Но я даже с ним никогда не танцевала и, вообще, ничего такого... — запротестовала Терри, заметив ее недоверие. — Он вор! Он забрал это со статуи. Я видела, что он около нее крутился, делая вид, что пьет пиво.

— Что «это»? С какой статуи?

— С каменной. Она стояла между баром и дискотекой. Такой квадратный столб с уродливыми мордами.

— А где она сейчас?

— Джей утащил ее к себе в комнату, на второй этаж котельной.

— Ясно. А что ты подразумеваешь под «этим» и откуда взялись цепи?

— Я и пытаюсь объяснить... Сейчас, подожди...

Терри выскочила в прихожую и вернулась с грязной коробкой в руке.

— Вот — отсюда! — выпалила она, протягивая Джоун какой-то предмет в виде кубика, напоминающий шкатулку.

Джоун двумя пальцами подняла шкатулку и повернула на свет.

Сквозь пыль и копоть на ее поверхности проступал чуть выпуклый узор, состоящий из комбинации всевозможных

изломов. Откуда-то изнутри лилась тонкая нежная мелодия, от которой трепетало сознание и исчезал Душевный покой.

* * *

Избавившись от Терри, Джей Пи Монро почувствовал себя, наконец-то, свободным человеком, не связанным ни с кем какими-либо обязательствами. Теперь он мог делать все, что захочет, не опасаясь, что ему придется выслушивать бурное негодование своей бывшей спутницы.

Прикурив сигарету, он растянулся на низкой двухспальной кровати, стряхивая пепел в стоящую на подушке мраморную пепельницу. Он наслаждался жизнью. Подложив руку под голову, он рассматривал возвышающуюся над ними серую статую в виде четырехгранной колонны с набалдашником сверху, в котором угадывались замотанные цепи.

Было в этом монументе что-то притягательное. Он олицетворял собою жизнь. Жизнь во всех ее проявлениях — радости и горе. Холодные, как две льдины, глаза центральной фигуры смотрели на него из-под ребристых шляпок гвоздей. Лицо монстра находилось в невообразимом покое, выражая полное бездущие. Все другие фигуры барельефа лишь подчеркивали это состояние основного действующего лица.

Заметив впадину от торчавшего ранее кубика, полу-прикрытую безобразной ладонью одного из чудовищ, Джей поднялся и, затушив сигарету, присел около статуи на корточки, вглядываясь в темную нишу.

— Какого черта! — зло прошептал он и осторожно засунул руку в отверстие, погрузив ее почти до локтя. Дна пальцы не почувствовали. Царапая ногтями по шероховатой стенке, Джей протолкнул руку глубже, насколько мог позволить застрявший в дыре предплечный мускул. Следуя по прямой линии, рука его должна была выйти наружу с обратной стороны колонны, но этого не произошло. Обескураженный, Джей вытащил руку и, нагнувшись, крикнул в бездну. Гул тысяч голосов повторил его возглас, теряясь среди бескрайних просторов и заставляя статую содрогаться.

Монро выдвинул ящик шкафа, выхватил оттуда длинную линейку и вновь повторил операцию, стараясь дотянуться до конца открытой им норы. Рука вновь ушла по плечо, не почувствовав никакой преграды. Джей решил было уже оставить свою затею, когда на его ладони сомкнулись челюсти невидимой твари, впились в нее острыми зубами, прокусывая кисть до самого мяса. Закричав от неожиданной боли, он разжал пальцы и выпустил линейку, выдергивая руку из дыры. Линейка

полетела куда-то вниз, изредка гулко ударяясь краями о каменные стены.

Какое-то время Джей не мог сообразить, что с ним произошло, тупо смотря на кровоточащую рану со следами острых клыков.

По статуе пробежал ослепительный, похожий на электрический, импульсный разряд, тут же он собрался воедино, бегая по раскроенными квадратами голове демона. Он получил свою первую кровавую жертву.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Джоун проснулась от сильного запаха гари, идущего из-под двери. Скинув с себя одеяло и передернувшись от холода, она по инерции покрутила кран на батарее, увеличив приток горячей воды, и прошла на кухню, верно угадав источник запаха. Открыв дверь с большим квадратным стеклом, она закашлялась, прижимая ладони к груди. Глаза защипало от едкого дыма, заполнившего кухню от пола до потолка. У плиты невозмутимо стояла Терри со сковородкой в руке, в которой некогда лежали мясные тефтельки.

— Что-нибудь случилось? — забеспокоилась Джоун, открывая форточку и включая кондиционер.

— Нет, что ты, — улыбнулась Терри, словно не чувствуя дыма. — Просто я решила приготовить завтрак.

— Большое спасибо, Терри, — кашляя и сморкаясь, произнесла Джоун, крутя над головой полотенцем. — У тебя всегда так прекрасно получается?

— Не знаю. Первый раз в жизни решила что-нибудь приготовить, — честно созналась девушка. — Я, считай, кухонная девственница. Что, если я налью сюда воду? — и Терри показала глазами на сковородку.

— Нет-нет, не надо, — Джоун решительно отобрала у нее сковородку. — Я сама обожаю лить воду. У меня и работа такая: лить воду. А ты сходи посмотри пока мультишки, хорошо?

Как ни в чем не бывало, Терри сняла с себя заляпанный маслом и чем-то еще передник и села на табурет, положив руку на хлебницу.

— Послушай, — немного поерзав на стуле, проговорила Терри, следя за действиями Джоун. — Тебе смерть с косой снится или нет?

Джоун остановилась, держа кастрюльку за огнеупорные ручки.

- Нет... Просто смерть...
- Ну, тогда это к новом знакомству.
- Почему? — засомневалась Джоун.
- Не знаю. Это я в соннике вычитала специально для тебя, вчера перед сном.

- Понятно.
- А скелеты снились?
- Нет.
- Жаль, это значит, что ты вышла бы замуж за врача. А Вьетнам я так и не нашла... Может, глянуть в раздел «Война»?
- Ну глянь, — по-матерински разрешила Джоун, улыбаясь ее детскому наиву. — Я сейчас приготовлю что-нибудь поесть и тебя позову.

После легкого завтрака Терри, с сигаретой в зубах, потянулась в кресле и, с завистью в голосе, вымолвила:

- У тебя такая хорошая квартира...
- Она подошла к настенной лампе в форме бронзового подсвечника и толкнула одну хрустальную подвеску. Та с дзиньканьем ударила о соседнюю и закачалась на цепочке, переливаясь радужными искорками.
- Она вся твоя, личная?
- Вообще-то квартира принадлежит банку, — ответила Джоун, раздвигая занавески, скрывающие огромное, во всю стену, окно с видом на крыши многоэтажных домов.
- А у меня с тринацати лет нет своего жилья. С тех пор, как умерли родители.
- А сколько тебе сейчас?
- Восемнадцать... будет через полгода...
- Где же ты жила все это время?
- А, — отмахнулась Терри, — лучше и не вспоминать...

Посмотри, какой вид за окном. Вот это да!

- Я все это уже видела, вид действительно неплохой.
- Джоун стояла за спиной Терри, радуясь ее ребячеству.
- Ты знаешь... — начала Терри и запнулась. — Мне так нравится здесь.
- Мне нужно разобраться в этой истории, — сменила тему разговора Джоун. — Выяснить, что происходит. Ты говорила о статуе. Откуда она взялась?
- Это я ее нашла.
- Ты?
- Да. Я подумала, что она ему понравится.
- Кому?
- Моему последнему парню — Джей Пи, ну... владельцу клуба. Он ее и купил.
- А где ты ее «нашла»?
- Есть такой магазинчик, там всякие странные штуковины продаются.

- Странные?
- Ну да. Ты видела дискотеку? Вот типа таких. И поэтому я сразу поняла, что Джей заинтересуется.
- Ты можешь найти этот магазин? — глаза Джоун азартно засияли.
- Да, конечно, а что? — обернулась Терри.
- Сейчас мы туда поедем.

На улице, девушки плотнее запахнули свои куртки, закрываясь от ветра и сырости.

- Ты забыла выключить батарею, — остановилась Терри.
- Там терморегулятор. Она сама отключится в случае перегрева, — успокоила ее Джоун. — А вот ты зря не согласилась надеть шарф.
- Я уже сама это почувствовала, — застегнув косую молнию до самого плеча, Терри глубоко засунула руки в карманы. — Возьмем такси?
- Да. Не трястись же в подземке.

На поднятую руку отреагировали сразу две машины, затормозив у обочины. В это время суток они частенько проносились без пассажиров, дожинаясь вечера и конца рабочего дня. Через полчаса унылой езды девушки вышли у одинокого здания с вывеской «Галерея «Пирамида», располагающегося на противоположном от дома Джоун конце города. Расплатившись с водителем, они подошли к входной двери и постучали. Гробовое молчание красноречиво свидетельствовало об отсутствии за ней кого бы то ни было.

- Может, они сегодня закрыты? — догадка осенила Терри, безрезультатно колотящую носком сапога по крепким доскам.
- Они каждый день закрыты, — ответил непонятно откуда выскочивший седой старичок с таксой на поводке. — Владелец на Гавайях. Уже месяц, как уехал.
- Не слушай его. Это вранье, — категорично заявила Терри и, повернувшись к нему, добавила: — на днях мой парень здесь купил кое-что.
- Это невозможно, — спокойно продолжал старик, игнорируя ее выпад и поджидая, пока собачка сделает все свои дела.
- Вы в этом уверены? — попробовала разобраться Джоун.
- Абсолютно. Я их уже лет двадцать знаю... владельцев.

Последнее слово он проговорил с несколько странным выражением и, дернув за поводок, прошелся мимо, догадываясь, что девушки смотрят ему вслед. Такса прыгала

рядом, переставляя свои кривые ножки и тычать мордой в асфальт.

— Черт!

— Ничего, еще не все потеряно, — подбодрила Терри. — Наверняка здесь есть еще какой-нибудь вход. Пойдем!

Они обошли здание, свернув в грязный переулок, заваленный ржавыми бочками и пустыми ящиками из-под овощей, и очутились у двери с решетчатым окошком. Тусклый фонарь на проволоке под небольшим деревянным навесом освещал закоулок, хотя на улице было еще совсем светло.

Терри огляделась по сторонам и скоро обнаружила то, что ей было нужно, среди кучи хлама, состоящего из обрезков труб, арматуры и консервных банок.

Через пять минут они переступили порог вспомогательного помещения галереи.

— Не думала, что здесь такое... — осматриваясь, процедила Джоун.

— Да все эти «Галереи», на один лад, — ответила ее спутница, которая совершенно не волновало то, что она только что взломала дверь.

— И часто ты таким путем попадаешь в подобные заведения?

— А я куда угодно могу пройти, если дождь идет и спать негде. Ты лучше скажи, что мы ищем?

— Да все, что угодно. Контакты, ключи, следы...

Джоун, казалось, вжилась в роль заправского детектива, перебирая пачку бухгалтерской документации.

— На это уйдет целая вечность, — протянула Терри, взглянув на увесистую папку приходно-расходных ордеров, на которой Джоун развязала шнурки, быстро просматривая содержание бумаг и мало что в них понимая.

— Эй! — позвала она Терри, рассматриваяющую фигурку гипсового Будды. — А сколько твой парень заплатил за статую?

— Сколько надо, столько и заплатил, — не стала отвечать Терри, опуская в карман какую-то маленькую безделушку. — А что?

— Они все здесь купили за копейки. В школах, на распродажах и в психиатрических лечебницах.

— Во! — Терри, казалось, не обратила никакого внимания на слова Джоун. — Давай возьмем вот это? Повесить на потолок...

Она показала ей засушенную круглую рыбку с острыми, торчащими во все стороны, иглами.

— Ты что! Положи на место, — оторвалась от листов Джоун и снова погрузилась в увлекательный мир финансовой отчетности.
— Так. Институт Женерро. Там, вроде бы, работал пропавший доктор Женарт. Керсти Коттон... Ага! Вот эта коробка!

Она развернула вырезку из журнала с фотографиями шкатулки между двух горшков, и лысоватого человека, опирающегося одной ногой на лопату с прилипшими к ней ошметками грязи.

— Известный археолог Эрик Симплтон открывает новую тайну Тибета. Таинственная шкатулка — мистика или реальность? — вслух прочла надпись под снимками Джоун.

Терри подошла к ней сбоку и тоже начала читать сопровождающее интервью:

«...Искряся, взор он привлекает
И эхом тысяч голосов
Он врата ада отворяет.
Глядя в глазницы мертвцевов...»

* * *

В баре играла приглашенная для увеселения публики группа тяжелого рока. Септаккорды ритма сменялись тягучими звуками соло-гитары. Бас четко очерчивал динамику композиции, отстукиваемую на ударной установке. Барабанщик неистово колотил ногами по педалям, поддерживая жесткий ломанный саунд, проходясь время от времени по тарелкам и двум ведущим альтам. Хриплый вокалист, терзая струны, рычал в два поставленных перед ним микрофона. Остальные исполнители подхватывали его голос на коротком припеве, обозначающем суть всей песни. Длинные спутанные волосы мотались из стороны в сторону во время виртуозных пассов соло-гитариста, извлекающего из своего инструмента бодрящие кровь подголоски и брэки. Толпа, подступая к сцене со всех сторон, бесновалась, выкрикивая знаки высшей похвалы, размахивая руками и нечесанными патлами. Сигаретный дым клубился в лучах прожекторов, направленных на музыкантов. Лампочки весело мигали, разбегаясь разноцветными огнями по всему залу. Мыльные пузыри летали в воздухе, вырываясь из труб двух ангелочеков, паривших под потолком на бесцветных невидимых лесках. Не долетая до земли, пузыри лопались на головах и плечах танцующих, попадая иногда кому-нибудь в глаз и вызывая слезы.

Джей Пи издали наблюдал за своим детищем, радуясь успешным делам и притопывая кованым ботинком в такт

музыке. За стойкой он заметил молодую девушку в розовом открытом платье и кудряшками светло-желтых волос. Она сидела на банкетке и потягивала молочный коктейль через полосатую пластмассовую соломинку. Девушка была хороша, казалось, она вся дышала свежестью и чистотой. Она впервые посетила подобное заведение — это было видно по ее глазам, но упорно притворялась безразличной ко всему, удерживая на своем лице маску томной усталости.

Джей подождал, пока попадет в поле зрения разливающего напитки бармена и подозвал его к себе взмахом Руки.

Бармен послушно оставил свои дела и, перекинув салфетку через руку, подошел к нему.

Монро показал глазами на молодую особу. Бармен кивнул и скрылся в проеме подсобки для обслуживающего персонала.

Девушка допила свой коктейль и задумчиво постукивала ногтями по пустому бокалу. Подведенные голубым карандашом глаза удивленно расширились, когда перед ней появился бармен с прекрасной белой розой в руке и протянул ей цветок.

— Спасибо, — смущенно поблагодарила она. — Это от вас?

Хихикнув, бармен потер гладко выбритую щеку.

— Это от хозяина...

Джей Пи не заставил себя долго ждать и вскоре объявился сам, вырнувшись из танцующей толпы.

— Добро пожаловать, — ставя руки на стойку, сказал он.

— Ты Джей Пи Монро? — заинтересованно посмотрела на него девушка. — Правильно?

— Точно, — подтвердил Джей, мысленно думая: «Клюнула рыбка!»

— Это твой клуб? Прекрасное место. Мне здесь нравится, — обрадовалась девушка, прижимая розу к груди. — Меня зовут Одри.

— Спасибо за лестный отзыв. — Про себя: «Мне наплевать как тебя зовут».

— Это тебе спасибо за розу.

— Я дарю их только женщинам исключительной красоты.

— Да ладно, — чуть покраснела Одри. — Здесь полно девушек красивее меня.

— Нет-нет, не говори так. Никогда не нужно приижать свои достоинства. Если у тебя есть какое-то качество — нужно гордиться им. Выставлять его на показ... А у тебя это качество есть.

— А теперь, — послышался хриплый голос из динамика, — по просьбе слушателей мы исполним незаслуженно забытую песню из репертуара «GRAVE DIGGER»!

Ритм-гитарист перебрал струны, вызывая печальную мелодию старого хита «Вчера».

— Пойдем, потанцуем? — предложил Джей Пи девушке.

Одри легко поднялась с банкетки и, зажав нежную розу между пальцев, повисла на шее у нового ухажера. Не веря свалившемуся на нее счастью, она медленно кружилась в танце, прикрыв глаза, с головой погруженная в музыку, чувствуя, как бережно обнимают ее руки партнера.

ГЛАВА ПЯТАЯ

— Это снова Джоун Соммервиль, — произнесла репортер в телефонную трубку, держа ее у уха и развалившись на кровати. Она который раз пыталась дозвониться до института Женерро и уже начинала испытывать легкое раздражение.

Терри, привычно поджав под себя ноги, щелкала переключателем каналов телевизора, стараясь найти развлекательную программу.

Джоун зажала трубку ладонью и попросила ее сделать звук потише. Терри неохотно подчинилась.

— Да, я еще здесь, — отнимая ладонь от трубки, грубо сказала Джоун. — Вы уже полчаса дурака валяете, да, по поводу видеопленки. Я знаю, что уже поздно... Мне что, управляющему телестанции звонить? Последний раз прошу — соедините меня с начальником.

Видимо, получив категорический отказ, Джоун осведомилась:

— А кто мне может дать видеоархивы вашей лечебницы?

— Минуточку, я сейчас узнаю, — голос у диспетчера был сиплый и унылый.

— Хорошо, — Джоун, держа трубку у уха, посмотрела на кресло, в котором устроилась Терри, выбрав наконец сериал про Тома и Джерри.

После продолжительных гудков на другом конце провода, Джоун наконец-то соединили:

— Доктор Харрис слушает.

— Здравствуйте, — сказала она. — Сейчас секундочку...

Джоун цыкнула на теребящую ее Терри и продолжила разговор:

— Доктор Харрис, извините. Мне нужна пленка Керсти Коттон. Ваш помощник все знает... Ну хорошо. Большое спасибо.

Джоун бросила трубку на рычаги аппарата и, несильно толкнув кулаком Терри, воскликнула:

— Есть!

— Ну, наконец ты получила, что хотела... — то ли грустно, то ли обиженно произнесла Терри, вставая с кресла.

Джоун кивнула головой.

– Значит, все в порядке. So Long. Тогда я пойду...

– А куда тебе идти? — спросила Джоун.

Терри печально опустила голову, закрывая большие и темные, как ночь, глаза.

– Знаешь, у меня есть лишняя комната, — как-будто между прочим сказала Джоун. — Ты всегда можешь переночевать в ней, если хочешь.

– Да? — оживилась Терри. — Вот здорово! Я буду тебе завтрак готовить... помогать тебе во всем...

Джоун хотела было запротестовать, но Терри быстро добавила:

– Если ты разрешишь... Ты ведь научишь меня, правда? Я тоже хочу так, как ты...

Джоун прижала голову девушки к себе. Терри обвила ее руками и пролепетала:

– Я буду стараться. Научи меня, пожалуйста...

Джоун стало жаль девушку, еще не совсем взрослую,

но уже не ребенка. Сколько же ей пришлось пережить за свою короткую жизнь...

* * *

Джей Пи сидел на обнаженной Одри, одной рукой лаская ее юную, еще не сформировавшуюся грудь, а другой сжимая тлевшую сигарету. На шее у него висел тяжелый серебряный крест на массивной цепочке и покачивался в такт любовным движениям. Одежда девушки валялась около кровати, а сама она, закатив глаза, мяла пальцами белоснежную простыню с кровавым пятном посередине. Ей казалось, что она все отдала бы за эти мгновения, только бы всегда принадлежать Джою. В страсти она кинулась на него, вонзая ногти ему в спину и обжигаясь о горящую сигарету. Монро оттолкнул ее, повалив обратно на низкую кровать. Одри, падая, раскинула руки по сторонам, выгибая свое нежное тело с тонкими незагорелыми полосками от купальника. Мышцы напряглись, выплеснув целый каскад сладостных ощущений. Сжимаясь и разжимаясь, они вызвали целую бурю из многочисленных волн, которые охватили все ее сознание, проникая в каждую клеточку ее организма. Это было так восхитительно, что ни о чем другом она думать больше не могла, отдавшись оцепенению экстаза.

– Я люблю тебя, Джей! — хрипло произнесла она, чуть приоткрыв глаза.

Монро слез с нее и прошел в другой угол комнаты за новой сигаретой.

Белая роза, потеряв несколько лепестков, лежала у подножия статуи, смотревшей на нее десятками диких барельефных глаз. Что-то переменилось в ней. Что-то заставляло трепетать от ее пугающего присутствия. Но что?

* * *

— Терри, а от чего умерли твои родители? — бес tactно спросила Джоун, но, смутившись, добавила: — ты извини, я, наверное, не должна была спрашивать об этом?

— Да ничего, — отозвалась Терри, перебирая семейные фотографии своей подруги. — Это было так давно... Они причисляли себя к хиппи и пацифистам. Знаешь: любовь, мир и цветы для всей планеты и подобная дребедень. Героин их довел до могилы почти одновременно. У меня даже карточки их не осталось... Я помыкалась в «Коммуне» и вместе с «Ангелами смерти» подалась на запад. Сначала мне даже повезло. Меня подобрал один фирмач и дал мне работу, ничего не требуя взамен. Я стирала белье, мыла грязную посуду в третьеразрядном отеле, но потом он прикрыл свой бизнес, и я оказалась на улице. Были еще несколько, но они уже хотели моего тела... Потом съемки порнографических роликов...

— В тринадцать лет? — ужаснулась Джоун.

— Мне тогда было пятнадцать... На порнониве я отпахала два года. Ты не представляешь... иногда случалось делать такие мерзости...

— А чего же ты не ушла оттуда?

— Это не так просто. Они мне давали крышу над головой и еду. Джей выкупил меня и взял к себе. Остальное ты знаешь... У тебя прекрасный вкус, — резко сменила тему Терри и потянула за длинный висячий шнурок полуавтоматических штор. Они сошлись, скрыв за собой чудесный вид вечернего города.

— Такая клевая квартира... А вот это очень дорогая вещь, да? — осведомилась Терри, толкнув костяную голову китайского болванчика, закачавшуюся на внутреннем противовесе. — Это мобиль?

— Ага.

— Ничего, что я говорю про твои вещи?

— Ничего.

— Если тебя беспокоит, ты скажи, я не буду трогать.

— Это меня не беспокоит и даже не интересует.

— А я что, по-твоему, не интересный человек? — уцепилась за слово Терри.

— Почему?

— Не знаю. Я, наверно, кажусь глупой в твоих глазах?

— Нисколько... Ты еще просто ребенок. Взрослый ребенок, успевший повидать такое, с чем не встречался в своей жизни иной старик.

— Я не поняла: хорошо это или плохо?

— Да не хорошо, не плохо. Это ЖИЗНЬ. Твоя жизнь. Постарайся сделать выводы из прошлого и не совершать подобных ошибок.

Терри в раздумье уставилась в навесной потолок, отделанный накладными деревянными уголками и завитушками, вспоминая прошедшее и пытаясь заглянуть в будущее. Чем больше она думала, тем меньше ей хотелось возвращаться в бар, заполненный полупьяными панками и шлюхами, готовыми пойти с мужиком за стакан дешевого виски.

* * *

— Ты же мне подарил розу... — грустно сказала Одри, посмотрев на обсыпавшийся белый бутон.

— А завтра я подарю ее кому-нибудь еще, — поучительно заявил Джей. — Одевайся и уматывай отсюда!

Монро бросил ей скомканные лифчик и трусики.

— Ты дермо, — сказала Одри, поднимая упавшие вещи. — И последняя тварь. Да и вообще, кто ты такой? Ты думаешь, что тебе все можно?

— Я Джей Пи Монро, ясно? А ты дура. Грязная потаскуха и блядь. Забирай свои манатки и проваливай, пока я сам не вытолкал тебя в таком виде на всеобщее обозрение. Мне как раз в баре стриптиза не хватает.

— Не могу поверить... — у Одри опустились руки и на глаза навернулись слезы. — Свинья! Ты меня заманил!

— Заманил? Я тебя на аркане что ли притащил? Пистолетом угрожал? Ты сама пришла, идиотка.

Одри металась по комнате, расшвыривая в разные стороны безделушки Джая, стоящие в открытой нише вместительного книжного шкафа.

— Ты такой у нас, да? — закричала она, хватаясь за нож для разрезания бумаг. — Ты никто! Есть намного лучше тебя, понятно?.. Ты... ты... ты просто мразь! Я убью тебя!

Губы центральной фигуры на статуе разжались, выпуская изо рта четыре цепи. Они молниеносно рассекли воздух и

вонзились в незащищенное тело Одри. Она закричала, захлебываясь в крови. Демон захотел, отчего заходили ходуном покрывающие его голову гвозди. Джей, упав на кровать, безмолвно наблюдал за происходящим, выпучив от ужаса глаза.

Цепи дернулись, подтаскивая извивающуюся Одри к каменной глыбе. Рваные раны растягивались, образовывая неправильные круги. Девушка билась в оковах, крича от боли и страха. Забыв о своих недавних обидах она взмолилась:

– Джей, спаси меня...

Неровные разрывы расходились, пока не соединились между собой, прорвав все еще державшиеся тонкие перегородки. Натяжение, — и кожа слезла, оголяя мышцы, оплетенные сетью сосудов.

Безгубый рот все еще взывал, моля о спасении, пока нога не попала в нишу, где ранее находилась адская шкатулка. Неуклонно ее затягивало в дыру. Кровоточащими руками Одри хотела зацепиться за что-нибудь, но пальцы соскачивали, сдирая мясо.

Бездна поглощала ее изувеченное лицо, кромсая и раздирая его пополам. Боль заполняла сознание, оно не покидало Одри до самого конца, принося страшные мучения. Они стали невыносимы и вдруг... все кончилось. Словно тонкую нить перерезали ножницы. Одри снова стала Одри. Ей стало хорошо и легко. Как мотылек, она порхала в воздухе. Ничего больше не заботило ее. Жизнь стала прекрасна. Одри была свободна, сливаясь с окружающим ее миром. Неописуемое блаженство лилось через край. Но что это?.. Внимание ее привлекла картина внизу: Джей в трусах сидел на кровати, смотря в одну точку у подножия каменного истукана. Подлетев поближе, Одри увидела лужи крови на полу и торчащую из столба живую голову восставшего демона. Но больше ее не тревожила земная реальность. Все стало чужим и далеким. Она последний раз бросила взгляд на обезумевшего хозяина дискотеки и поднялась выше, беспрепятственно преодолевая балки перекрытий.

– Это карма. Сура, стали А — Сура, — услышала она голос с престола и устремилась в темный тоннель, проносясь мимо кадров прожитой ею жизни.

Она стремилась на лучистый свет в конце тоннеля, где ее ждал чудесный город, окаймленный рощей со странными деревьями, у которых были красивые листья.

– Господи, Боже, — выговорил Джей Пи, не видя находившуюся рядом с ним Одри — девушку с чистой душой.

— Не совсем, — поправила его голова кенобита, растягиваясь в улыбке.

Джей не мог поверить своим глазам. Он с силой ущипнул себя за плечо и закрыл глаза. Посидев немного в темноте, он вновь открыл их, но кровавое видение не исчезло.

— Ты видел, — продолжил заточенный в камень демон. — Что утолило аппетит моих желаний. Пока крутится мир, да будет так!.. Ты насладился девицей?

Джей кивнул, стараясь держаться подальше от монстра.

— Хорошо. И я насладился. И это тоже самое... Я твое ограждение и твое подобие. Ты возродил меня своими страстями.

— Но это не одно и то же... — не согласился Джей, осторожно пододвигаясь к шкафу. — Я просто... Нет! То, что сделал ты — это зло!

Демон рассмеялся, высовывая язык с синим налетом.

— Господи.., хотя мне и неприятно произносить это слово. Зло, добро, — рассуждал он. — Нет ни того, ни другого. Это сказка для таких, как ты. Абстрактные понятия действий. Еще Будда сказал: Человек скован двумя цепями: стальной — злом и золотой — добром. Возложи на себя золотую, чтобы сбросить железную, а затем скинь и эту. Будь свободен! Есть только плоть! Полное познание ее — есть совершенство. И ты поможешь мне в этом!

— Никогда! — в отчаянии заголосил Джей, выдвинув ящик и выхватив из него револьвер, — Fuck You!

Пистолет, нацеленный прямо в раскроенный лоб кенобита, дрожал в пальцах Джая.

— Как трогательно, — скорчил гримасу демон. — Скажи, ты из него убил своих родителей...

Ствол заходил ходуном в руках Монро.

— Я тебя понимаю... Это было также искушение. Что еще оставалось делать? Ты хотел купить клуб, а денег у тебя не было...

— Пошел ты... — Джей Пи поймал переносицу на мушку и нажал на курок.

Друг за другом прогремели четыре выстрела, способные размозжить вдребезги что угодно, но на кенобита они не произвели никакого впечатления.

Губы демона вытянулись в трубочку, выплевывая стальные конусы в подсыхающую кровь на полу.

— Ну, а теперь мы можем поговорить, как разумные люди? — спросил он, чуть шевельнув гвоздями на щеках.

Джей Пи выронил револьвер и опустился на заляпанное покрывало, обхватив голову руками.

— Не беги от себя самого. Если у тебя есть какое-нибудь качество, гордись им, какое бы оно ни было. Разве это не твои слова? Серость не угодна даже твоему бывшему Богу, чей знак болтается у тебя на груди и который ты нацепил просто так. Помогая мне, ты поможешь и себе. Ты всегда хотел этого. Все твои картины, скульптуры... все изображает насилие. И это правильно. Кровь — это Жизнь. Когда льется кровь, в пространство выходит энергия. Ее можно накопить, если правильно с ней обращаться и направлять в нужное русло. Это знали древние. Об этом твердит и Ветхий Завет твоей Церкви. Посмотри на этот мир: он не совершенен. Наркотики, распутство, пьянство... Земля погрязла в этом. Человек сам разрушает окружающую его природу, неизбежно ведя ее к катастрофе. Я дам тебе власть. Наш союз будет нерушим. Мы с тобой — это кисть и нож в руках художника и хирурга. Мы вырежем больные нарывы общества и закроем их девственной плевой нового мировоззрения. Мы сможем...

— Мистер Монро! — прервал его разглагольствования голос и стук в железную дверь с открывающимся глазком. — Мистер Монро, с вами все в порядке?

Джей не шевелясь сидел на кровати, вникая в смысл слов демона и находил их все более и более здравыми.

— У меня приготовлено для тебя место по правую руку, Монро. Для человека твоих вкусов, — кенобит говорил ровным низким голосом, словно льющимся из бездны познания и разума. — Я могу удовлетворить все твои желания. На свете много таких, как ты, но именно ты поможешь мне, и я дам тебе жезл Верховной Власти.

— Мистер Монро! — вновь заколотили в дверь.

Демон показал глазами, что Джою нужно подойти. Тот встал и деревянными ногами шагнул к двери, отодвигая заслонку глазка. Увидев его в круглом проеме, стучавший парень обеспокоенно осведомился:

— Я услышал выстрелы... Все нормально?

— Да, все в порядке, — разжал челюсть Монро и закрыл круглую бляшку, вешая на нее крючок.

— Я согласен, — повернулся он к демону. — С чего начинать?

— Мы уже начали, — спокойно сказал кенобит и закрыл глаза, почти сливааясь с общим фоном барельефа.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— Эй, Джоун, — окликнул ее на улице Даг. — Подожди!

Она остановилась, поправляя залезшие под воротник золотистые волосы и глядя на спешащего к ней оператора.

— Прекрасный день сегодня, — расстегивая молнию на теплой куртке, сказал Даг. — Ты куда?

— Хочу подышать свежим воздухом.

— Это только что принесли для тебя, — Даг извлек из-под куртки завернутую в полиэтилен видеокассету и вложил ее в руку Джоун. — Что-то для твоего репортажа?

— Надеюсь.

— Ну ладно, я побежал, мне еще надо пошнырять в полицейском участке. Может, выясню что-нибудь новенькое про террористов. Если я тебе понадоблюсь — звони. У тебя должен быть номер моего телефона.

— Он у меня есть. Спасибо.

Даг перебежал через дорогу, встряхивая длинной гривой светло-русых волос, и быстро поймал такси. Джоун всегда удивлялась этой его способности. У нее никогда не получалось остановить первую попавшуюся машину. Она хотела пойти домой, где ее ждала Терри, но вовремя вспомнила о сломавшемся вчера видеомагнитофоне.

— Черт! — произнесла она вслух и закинула кассету в кожаную сумочку с болтающимися длинными кистями.

Джоун повернула в противоположную сторону и уже скоро входила в пустое помещение телевизионной студии. Переключив телевизор на свободный канал, она настроила магнитофон и вставила в щель черную кассету с наклеенной на нее этикеткой с изображением двух тигров с мечами и надписью: «от Си до Ди. Керсти Коттон. Видеоархив института Женерро. Для свободного пользования. № TH 5937714.»

Джоун скинула плащ, бросив его на треногу кинокамеры и, надев очки, уселась у телевизора.

По экрану побежала рябь, продолжавшаяся довольно долго. Джоун уже хотела перемотать пленку вперед, решив, что ей подсунули стертую запись, когда полосы стали выравниваться, складываясь в довольно приличное изображение девушки с

волнистыми каштановыми волосами и довольно миловидным, но изможденным лицом. Руки ее нервно теребили край длинной белой в тонкую желтую полоску пижамы. Какое-то время она только раскрывала рот, говоря что-то, чего не зафиксировал звукозаписывающий блок, а затем до ушей Джоун донеслись тихие слова:

— Я не знаю, где сейчас эта коробка..., но я знаю что она делает.

Джоун увеличила громкость до нормального звучания.

— Я уже говорила все это раньше, — на грани срыва воскликнула Керсти. — Мне очень жаль, что я открыла ее. Это правда. Мне очень жаль... Но вы мне не верите! Ну как еще объяснить? — сорвалась на крик она. — Как? Да выключите эту чертову камеру!

Керсти подалась вперед, заполняя собой весь экран. Посыпался звук возни и изображение погасло, сменившись белыми двигающимися точками. Через минуту на экране вновь появилась девушка, но уже в смирительной рубашке с завязанными за спиной рукавами.

— Опять коробка... — сказала она уставшим голосом. — Я не знаю, для чего она. Ее нашли на Тибете, в древнем захоронении. Похоже, она была всегда. Я не скажу вам, кто ее сделал, потому что не имею об этом ни малейшего представления. Она приносит боль. Чудовищную боль... Она открывается сама по себе. У нее тысячи, а может быть, и больше, возможных комбинаций. Ты держишь ее в руках, а палец сам скользит по рисунку, и ты понимаешь, что она хочет разложиться. Именно: разложиться, как головоломка. Затем, неизвестно откуда возникает голос, читающий молитву по латыни. Удар колокола — и кенобиты... современные демоны, порожденные сознанием. Но их убил доктор Женарт, превратившись в монстра, а его самого разодрала Рыба. Библейская Рыба — Левиафан...

Запись кончилась. Джоун сняла очки и провела ладонью по лицу, пытаясь выстроить все в логический причинно-следственный ряд. Но он не выстраивался, примитивизируя услышанное в земные понятия. Слишком уж все было странно и непонятно: кенобиты, китайская шкатулка, демоны, молитва — все это походило на средневековые бредни времен Инститориса. Джоун потянулась, чтобы выключить вхолостую работающий магнитофон, но остановилась, задержав руку на полу пути.

— Она говорит правду, Джоун, — донеслось из громкоговорителя и телевизор представил искаженное помехами лицо с зачесанными назад волосами. Это, несомненно, был человек, фотография которого помещалась в

публикации об археологическом открытии. Через мгновение все исчезло.

— Что? — не поняла Джоун и снова, нацепив очки, перемотала пленку назад.

— ... драла Рыба. Библейская Рыба — Левиафан...

Больше ничего не было. Дальше кассета оказалась пустой.

Джоун откинулась на спинку и постаралась привести свои лихорадочные мысли в относительный порядок. Казалось, еще немного — и она, сопоставив все факты, прояснит события, случившиеся за последние несколько недель, но мысль, не до конца созрев, ускользнула из мозга, оставляя после себя полосу пустоты и неведения.

* * *

Оставшись одна, Терри вкушала прелесть не так часто выпадающего на ее долю одиночества, чувствуя себя полной хозяйкой квартиры. Она небрежно раскинулась в мягком кресле, утопая в его глубинах, и читала вчерашнюю газету, пропуская политические новости. Она считала, что интересоваться политикой — глупо и не стоит тратить времени на ее изучение. Какая ей разница, кто сейчас занимает пост премьер-министра Великобритании и что происходит в Намибии или России: у них всегда неразбериха во всех вопросах. И поэтому Терри никогда долго не задерживалась на подобных статьях. Бегло просмотрев заголовки и сопровождающие их снимки деятелей в галстуках и строгих костюмах, она переворачивала страницу, ища глазами сенсационные байки или кроссворд. Терри очень любила разгадывать всевозможные головоломки и ребусы, но не умела этого делать. После десятиминутного тупого разглядывания шарады, она вписывала туда первое, подходящее по буквам, слово и смеялась получившейся несуразице.

Затянувшись сигаретой, она отложила газету и потянулась, выпрямив ноги и руки в стороны. Браслеты на запястье зазвенели, упав один на другой, а цепочка на щиколотке съехала на икру. Терри щелчком сбросила пепел и поднялась, ступив босой ногой на мягкий ворс ковра. Подойдя к рабочему столику Джоун, она сняла со спинки стула сложенный домашний халат и накинула его на себя, поверх кружевных трусиков и чуть закрывающего грудь черного бюстгальтера.

Рядом с декоративным бронзовым стаканчиком-совой, с торчащими из него кончиками всевозможных карандашей и автоматических ручек, лежал кубик, покрытый сетью сверкающих на солнце узоров. Терри поначалу даже не узнала шкатулку.

— Почистила, — мотнув головой, усмехнулась девушка, беря ее в руки. — Наверно, когда я пошла спать... Вот сумасшедшая. Зачем ей все это нужно...

Палец коснулся выпуклого орнамента. Терри почувствовала скрытую энергию, заключенную в этой вещице, заставлявшую ее палец безвольно двигаться по выступающему узору. Ноготь поехал вдоль испещренного завитушками круга. Терри улыбалась, не в силах контролировать свои поступки и мысли. Шкатулка задрожала и уже готова была раскрыться, когда девушка вздрогнула от телефонного звонка. Бросив коробочку на диван, она повернулась к ней спиной, не видя искр, посыпавшихся из нее. Импульс прошел по ее граням и затаился внутри.

Подождав второго звонка, Терри неуверенно взяла трубку, так и не решив: хорошо это или плохо.

— Джоун? — спросила она в трубку, подумав, что та может позвонить.

— Не совсем, — ответил грубоватый мужской голос.

— Джей Пи, — узнала Терри и сердце ее учащенно забилось.

— Он самый. Как поживаешь, малютка?

— Что тебе нужно?

— Да так просто. Хочу узнать, как у тебя дела.

— Откуда у тебя этот номер телефона?

— Успокойся. Твоя подружка оставила повсюду свои визитки, помнишь?

— Ах да, — согласилась Терри, поглаживая кнопочки с цифрами. — У меня все в порядке. Джоун найдет мне работу на телевидении, она сказала. Я встречаюсь со многими интересными людьми... Так все здорово!

— Ну ладно тебе, — не поверил Монро, — только не говори, что ты обо мне ни разу не вспоминала.

— Да нет, вспоминала, — сдавала свои позиции Терри. — Я думала о тебе... Джей, ты просто ужасен!

Терри мысленно прокляла себя за свое откровение, ведь она решила порвать с ним раз и навсегда.

— Да, я плохой. Я знаю. Но я пытаюсь быть хорошим... Я очень соскучился по тебе.

— Я тоже соскучилась.

— Хорошо! Приезжай. Выпьем по рюмочке, поговорим...

— Нет, я не могу.

— Почему?

— Просто не могу и все! — закричала Терри, вновь пряча свои чувства. Гордость овладела ею, и она бросила трубку.

Через пару секунд телефон снова ожил, оповещая об абоненте. Терри заплакала и перевела его в состояние автоответчика. Аппарат пискнул и выдал голос Джоун, записанный на пленку:

— Это Джоун. Меня сейчас нет дома. Оставьте вашу информацию после гудка.

— Джоун, поздравляю, — из включенного динамика донесся незнакомый Терри голос. — Ты ведь еще не знаешь... Тебя, помоему, переводят в Монте-Рей. Ты ведь хотела этого? Тебе все же придется продать мне квартиру. До скорого. Пока!

Терри присела рядом, соображая, что ей сейчас предпринять и, не долго раздумывая, вытащила из совы перьевую ручку, нацарапала на листке бумаги пару слов и прикрепила его к зеркалу в прихожей.

* * *

Джоун отжала защелку и, удерживая ее в этом положении, открыла дверь.

— Терри! — первым делом позвала она, вешая плащ на пластмассовую вешалку с откидными плечиками.

Глаза ее привычно скользнули по зеркалу с двумя вделанными в раму подсвечниками и обнаружили торчащую записку.

Джоун вытащил ее и, поднеся близко к глазам, пробежала по двум неровным строчкам: «Поздравляю с Монте-Рей, лгунья!»

— Куда же ты пошла, девочка? — вымолвила она и, скомкав записку, бросила ее на туалетный столик, заваленный пудреницами, помадами и прочими женскими принадлежностями.

* * *

— Проходи, Терри, — Джей Пи жестом пригласил девушку, пропуская ее в свое жилище на втором этаже дискотеки.

Терри ступила на небольшой коврик ручной работы, лежащий у порога металлической двери.

— Не очень хороший у нас квартал, правда? — спросил Джей Пи, явно что-то подразумевая. — Люди исчезают...

— А что такое?

— Ничего. То то, то другое. Не читала в сегодняшнем выпуске?

— Нет.

— Да какая-то девушка пошла в «Бойлерную» и больше ее никто не видел. Опять полиция приезжала. А откуда я могу знать? Весь день здесь торчали, все вынюхивали да выспрашивали, но ни с чем убрались восвояси.

Терри не придала значения рассказу и прошлась по комнате, остановившись напротив каменной статуи и, вешая сумочку на обломанное древко, пронзающее грудь какого-то мужчины с искаженным гримасой боли лицом.

— Ну что, как будто ты никогда отсюда и не уходила, правда, милая?

— Не совсем так, — поправила она. — Вот эту штуку ты только затачивал наверх, когда прогнал меня, назвал при всех потаскую.

Терри щелкнула пальцем по зашитому рту младенца с иголкой в руке.

— Ну ладно тебе вспоминать старое. Я тогда погорячился, да и ты хороша...

— Что? — недовольно спросила Терри, снимая с дротика сумку.

— Не кипятись, — поспешил остановить ее Джей Пи. — К чему эти склоки, ведь мы любим друг друга.

Терри, ничего не сказав, уселась на мягкую банкетку, принесенную сюда из бара, и посмотрела на безобразную скульптуру.

— Она какая-то другая теперь...

— Да. Я ее немного доработал, почистил. Одна моя знакомая вложила всю свою душу и сердце в это произведение искусства.

— Какая знакомая? Я ее знаю? — осведомилась Терри, закуривая предложенную ей сигарету и немного ревнуя.

— Да нет, — неохотно ответил Джей, досадуя на то, что вообще упомянул о ней. — Ты здесь, значит ее больше не существует. Я так благодарен тебе, что ты пришла.

— Да? Послушай, Джон.., — начала она.

— Давно ты меня так не называла, — прервал он. — Терри, я знаю, о чем мы оба думали: будем мы или не будем мы... Ведь так?

— Да, но...

Монро подсел к ней, обняв одной рукой за плечи. Терри попробовала протестовать, но уступила.

— Иди сюда, — привлек ее к себе Джей и поцеловал в затылок. — Нам о многом нужно поговорить. Мы сейчас выпьем, расслабимся — и забудем все наши переживания.

— Я так не считаю! — оттолкнула его Терри и встала, сделав шаг по направлению к буфету, собираясь с духом, чтобы выложить ему все, что она о нем думает.

Открыв дверцу бара, она плеснула в стакан изрядную дозу виски и, не разбавляя, выпила ее одним махом.

— Я понимаю, — произнес Джей. — Тебе обидно...

— Я не смогу простить тебя. По крайней мере, так скоро. Я к этому еще не готова.

— Конечно, конечно. Успеется. У нас впереди целая ночь.

Потеребив висевшую на ней груду всевозможных цепочек и откупорив бутылку, Терри налила еще одну порцию виски, но на сей раз разбавила ее тоником.

Джей удовлетворенно смотрел на нее, наблюдая, как гнев ее постепенно остывает, сдавая свои позиции рассудку.

Терри отхлебнула виски и повернулась к довольному Монро, который тут же сделал грустную физиономию.

— Ты все же сволочь, Джей Пи, — с неприязнью в голосе сказала она.

— Я знаю, — согласился Джей. — Но ничего не могу с собой поделать. Если разобраться, то ты тоже не ангел.

— На что ты намекаешь?

— Да так, ни на что. Но если проследить твою жизнь, начиная с пятнадцати лет, то может сложиться определенное мнение...

— Сука ты, — процедила сквозь плотно сжатые зубы Терри и выплеснула ему в лицо остатки виски. — Интересно, что ты сделал бы на моем месте, оставшись один? Чем ты отличаешься от меня?

Джей Пи невозмутимо утерся платком, думая: «Ничего, я с тобой за все рассчитаюсь, шлюха!»

— Какое ты имеешь право рассуждать о моей жизни, — продолжала Терри, сжимая кулаки. — Ты — ничтожество! Скольких девок ты перепортил?

— Я же не насиловал их, они знали, на что шли. Я лишь пользовался моментом, а это уже другой вопрос. И поэтому я считаю себя лишь корректором их судеб, но никак не негодяй. Не я, так другой сделал бы с ними то же самое. А тебя я вообще купил у торговцев порнухой. Ты принадлежишь мне! Я заплатил за тебя деньги, причем немалые! Ты была для них просто находка, которую даже не надо пичкать наркотиками, чтобы она раздвигала ляжки перед кинокамерой.

Терри замахнулась и хотела влепить ему пощечину, но Монро, поймав ее руку, заломил за спину.

— Ты забыла, кто ты! — грозно крикнул Джей Пи и толкнул ее на пол. — На колени!

Упав на коврик, Терри залилась слезами, проклиная себя за то, что вернулась сюда. Ее короткое платье задралось, открывая ажурные трусики, проступающие через черные полупрозрачные колготки.

Джей молча смотрел на нее с презрением. В данный момент он ненавидел не только ее, но и вообще всех людей, считая их быдлом, безропотно следующим за дудочкой пастуха, который зовется Богом. Сам он не верил в существование справедливого Бога, дарующего кому-то счастье на Земле или на небе. Он полагал, что Бога выдумал какой-то отчаявшийся маньяк, докопавшийся до Истины, согласно которой все в жизни зависит только от тебя самого, и от этого знания рехнувшийся окончательно. Он повернул голову к статуе. Глаза кенобита медленно открылись, словно он слышал размышления Джая. Они поглотили его разум, затянув в две черные бездонные воронки зрачков, увлекающие в холодные стены лабиринта. Где-то там, среди неистового огня и ледяных айсбергов, выстроились новые ячейки, ждущие Джона Монро после смерти.

* * *

Взрывы один за другим сотрясали многострадальную землю Вьетнама. Джоун стояла среди трупов, лежащих в разных позах. Пули пролетали сквозь нее, не причиняя никакого вреда.

Где же отец?

Она склонилась над солдатом и перевернула его на спину, всматриваясь в искаженное судорогой лицо и сопоставляя его с фотографиями в семейном альбоме.

Это не он!

Джоун отпустила его руку, та тяжело упала на землю. Грохот снаряда раздался совсем близко. Она обернулась. На месте дзота — дыра, уходящая в самые недра земли.

Что там внутри?

Подойдя к краю, она посмотрела в бездну: столбы пара и дыма ударили ей в лицо. Из трещины в коре поднималось Нечто, зияя впавшими глазницами. Белый саван трепетал на его костях, обвисая на суставах.

- Кто ТЫ?
- Я? Смерть...
- Зачем ты явилась?
- Собрать урожай.

Небо заволокли черные тучи, полностью закрывая собой огненное колесо. Удар грома... Колокол отзывался из Земных

недр. Это Смерть махнула поржавевшей от крови косой, вырубая под корень выжженную траву. Еще удар... Сотни жертв легли в эту секунду. Взмах — удар... Взмах — удар... Клочья травы опустились на землю, сбивая с ног американских солдат.

Рог протрубил, чередуя две протяжные низкие ноты. Крупинки посыпались в песочных часах, отсчитывая секунды жизни.

— TERRA SPIRITUM, — послышался голос из Преисподней.

Последняя песчинка упала, смешавшись с барханом. Найди ее среди тысяч подобных!

Джоун подхватила горсть песка, струившегося между пальцев.

Танк, лязгая гусеницами, выполз из ложбины, оставляя позади себя две вдавленные полосы и поднимая чахлые деревца на своих траках. Заскрежетав, он повернул свою башню в сторону Джоун, опуская ствол мощной пушки.

— Нет! — закричала Джоун и бросилась бежать. — Не надо!

На пути встала Смерть, увенчанная каской времен Второй Мировой войны.

— Куда ты, Джоун? Разве ты не хочешь к своему отцу? Он давно тебя поджидает в могиле.

— Прошу вас, не надо! — взмолилась Джоун и, обращаясь к небу, добавила, — Господи, спаси меня!

В тучах образовалась брешь, открывшая клочок голубого неба и край солнца. Луч упал на землю, выжигая растительность. Лед, встав на защиту, зашипел, моментально превращаясь в пар. Но и луч потерял свою мощь.

Джоун, споткнувшись об раскуроченный автомат, упала и почувствовала необъяснимое движение под своим телом. Земля разверзлась, и две цепкие полуистлевшие руки ухватились за края надетой на нее ночной рубашки.

— Я твой отец, — прохрипела показавшаяся из могилы полусгнившая голова в каске. — Иди к папочке...

Джоун вскрикнула, увидев занесенную над ней сталь косы, и проснулась, обливаясь холодным потом.

По экрану невыключенного телевизора пронеслась стая светящихся точек и слилась воедино, образуя голову Эрика Симплтона.

— Ты должна помочь мне! — четко выговорил он.

Джоун протерла глаза — видение исчезло, сменившись заставкой завершившего свою трансляцию канала.

* * *

— Ну, черт! — выслушав полуписьменные излияния Терри, сказал Джей Пи, закуривая новую сигарету. — Какая тварь! Она специально наобещала тебе с три короба, использовала, а потом выбросила.

— Нет! — плача отвергла обвинения Терри. — Она не такая. Ты не знаешь ее. Она бы никогда...

Терри запнулась и отхлебнула содовой.

— Понимаешь, все не так. Все, чтобы я ни пробовала...

— Да ладно, кончай! — грубо прервал ее Монро. — Мне очень, очень жаль, что ты в таком состоянии.

— Правда? — перестав реветь спросила Терри.

— Да.

— Я хочу обнять тебя. Прижаться и забыть все на свете. Утешь меня, пожалуйста.

— Ну иди, обними меня, — Джей раскрыл руки. — Иди ко мне...

Терри, пошатываясь, встала и направилась к нему, гремя бижутерией на шее. Джей потихоньку отступал, приближаясь к каменной колонне с застывшими на ней эпизодами ужаса.

— Иди ко мне...

— Нет! Я не могу, — остановилась Терри и попятилась назад.

Джей прыжком настиг ее и, схватив за куртку, поволок к статуе.

— Тащи ее сюда! — услышал он глухое, как эхо в колодце, восклицание за спиной.

Терри закричала, выбинаясь из его рук.

— Нет, я не хочу! Не надо!

Восставший демон надрывно захохотал, высовывая безобразный язык. Терри, неожиданно кое-что вспомнив, засунула руку в карман и пропустила пальцы в отверстия кастета, подаренного ей Джеем.

Монро закрутил ее волосы на кулак и дернул. Терри звякнула еще громче, вытаскивая кастет, и изо всей силы ударила Джая Пи в челюсть. Холодные металлические кольца врезались в скулу, ломая коренные зубы. Мокро обмяк и, как подкошенный, рухнул на пол, потеряв сознание. Терри, трезвея на ходу, выпустила кастет и рванула к открытой двери, боясь повернуться, чтобы не встретиться взглядом с ожившим кенобитом, торчащим из страшного четырехгранного барельефа.

— Подожди! — остановил ее властный гортанный окрик, исходивший из скульптуры. — Постой! Зачем бежать?

Терри невольно повернула голову, прижавшись к замкнутой двери.

– Ты знаешь, где ты?

– Я... я...

– Ты у порога, за которым начинаются сны и мечты. В этой комнате есть два ключа. Один — в кармане этого болвана. Можешь взять его.

Терри сделала шаг, но снова прислонилась к железным листам.

– Не беспокойся, — заметив ее нерешительность, заверил демон с самого адского дна. — Я до тебя не достану. Давай, и ты снова вернешься в тот мир, который так прекрасно знаешь: банальный, безнадежный, без снов и мечтаний.

– А второй ключ? — не двигаясь, спросила она.

– Второй ключ? Ах, Терри, я знал, что ты задашь этот вопрос. Да кто бы и не задал его в твоем положении, зная, что есть два возможных варианта. Второй открывает двери. Он порождает сладкие грезы, темные чудеса, неизвестную жизнь, полную неведомых наслаждений души и плоти. Поверни его, Терри.

– А где он?

– Он валяется у твоих ног, — кенобит показал на тело Джей Пи Монро. — Ад не может мстить брошенной всеми женщине.

Терри, неотрывно смотря на ощерившуюся гвоздями голову демона, с опаской приблизилась к беспомощно лежащему телу Джея.

– Подвинь его ближе ко мне.

Как в гипнотическом сне, руки Терри подняли Монро за шиворот и потащили к статуе. Груз был слишком тяжел, и пальцы ее разжались.

– Ну же...

Терри уперлась спиной в кровать и перекатила Джая Пи, толкнув его ногами к подножию скульптуры.

Демон выплюнул изо рта несколько обмотавшихся вокруг тела цепей. Крюки вонзились в кожу, рвя ее на части. От невыносимой боли Монро пришел в себя. Свернутая набок челюсть мешала позвать на помощь. Из горла донеслись лишь нечленораздельные завывания. В глазах, обращенных к Терри, застыл неподдельный ужас. Демон хохотал, подбирая цепи к себе. Ад призвал Монро, засасывая в недра монумента. Суставы хрустели от натяжения, когда он продирался через тоннель. Его ждал Левиафан, приготовив свои инструменты. Десятки железных кругов пробили черепную коробку, делая из нее подставку для лазерных дисков. Кровь брызнула, обагряя стены

ячейки. Статуя затряслась, разваливаясь на части. Гниль разложившегося мяса падала вниз, издавая тошнотворный запах и высвобождая чудовище. Оно взмахнуло руками, разбивая последние оковы, и предстало перед Терри. Колокол трижды прозвонил, раскачавшись на чугунной оси. В небе, за окном, полыхнула молния, прорезав его электрическим разрядом. Где-то далеко Тифони поставила последнюю недостающую фигуру, образующую одно целое. Головоломка перевернулась в ее детских руках и превратилась в монолит.

— Ну что, Терри, — сказал кенобит, закрывая на груди черную кожаную рясу с многочисленными шнурками, молниями и заклепками. — Поиграем в игру?

Терри, все это время сидевшая на полу, вскочила и побежала к выходу, стараясь открыть запертую на замок стальную дверь.

— Куда? — прорычал демон, посыпая за ней металлические крюки. — Ты хотела снов? Ты их получишь!

Цепи обвились вокруг икр, повалив Терри на ковер. Руки растянулись по углам, пронзенные в запястьях.

— Не надо! — крикнула она. — Я не хочу! Господи, спаси меня и сохрани. Прошу тебя!

— Ты о нем поздновато вспомнила, — заметил кенобит, прокалывая ей нос большой брошкой с разноцветными камушками, вспыхивающими красивыми яркими огоньками в отблесках молний.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Джоун вскочила среди ночи от непонятного скрежета, доносявшегося из недр огромного шкафа. Она включила бра, опустила ноги на пол, нашупала тапочки и открыла деревянную створку, укрупненную по углам накладными завитками из ясеня. На полке покоился старый допотопный радиоприемник, доставшийся Джоун от отца. Круглое стеклянное табло высвечивало названия городов и красную стрелку в оба конца. Из динамиков по бокам несся треск, прерываемый временами искаженной музыкой и голосами дикторов, говорящих на разных языках. «Странно, — подумала Джоун. — Я ведь, вроде бы, его вчера не слушала. Точно. Я вообще его включала в последний раз месяца два назад. Может, что-нибудь в нем замкнуло? Сколько же ему лет?»

Успокоенная таким разумным объяснением, Джоун зачем-то покрутила ручку. Стрелка дернулась и нехотя задвигалась по таблице настройки, перепрыгивая с одной волны на другую. Радиосигналы смешивались в струящемся потоке помех, наползая друг на друга. Индикаторная шкала расширилась и захлопала своими зелеными крыльями.

— Теперь мы в Лондоне, — бодро донеслось из репродуктора. — Слушаем, как Биг-Бен бьет двенадцать и желаем спокойной ночи всем нашим ребятам в окопах. Спите ребята...

Часы в комнате ответно продзинькали полночь. Джоун посмотрела на циферблат и слегка удивилась: ей казалось, что времени должно быть больше.

Стрелка вновь скользнула по кругу, легко преодолевая сотни разделяющих станции километров. Звуки джаза сменялись рок-н-роллом, переходили в твист и обрывались на хард-роке, уступая место сводке погоды.

Джоун отпустила ручку и пустыми глазами посмотрела на освещенное табло. Голос из приемника, обращаясь прямо к ней, вывел ее из тупого состояния:

— Подойди к окну, Джоун. Подойди к окну!

Она бросила взгляд на зашторенный проем и уставилась на радио.

— Подойди к нему, Джоун, — повторил чуть хрипловатый баритон. — Не бойся!

Джоун потянула за витой шнур, шторы разъехались. На черной поверхности стекла отражалась комната и стоявшая перед окном Джоун в ночной рубашке. Джоун видела, что окно отражало действительность. Ночные огни города еле пробивались из-за включенного ночника, освещавшего полкомнаты. По огромному, от пола до потолка, панорамному окну прошла еле заметная дымка, разъедающая прозрачно-зеркальную преграду и открывая новый вид.

Посреди мрачного каменного подземелья с двумя воткнутыми в кладку факелами, в позе лотоса восседал человек с открытым покатым лбом, переходящим в большую залысину. Гладкие черные волосы чуть закрывали ее, зачесанные слева направо жидкими слипшимися прядками. На нем была одета испачканная землей простая рабочая роба, а в руках он сжимал вытянутую призму непонятного предмета. Он оторвал глаза от поглощавшей его внимание вещи и поднял голову, жестом приглашая переступить отделяющую от него раму.

Джоун потрогала пространство вокруг себя и, схватившись на всякий случай рукой за прикроватную тумбочку, опустила ногу, ставя ее на холодный каменный пол.

Человек вновь уткнулся в созерцание призмы у него на ладони.

— Ну, а теперь что? — спросила Джоун, все еще нетвердо ступая по холодному полу склепа. — Я здесь.

Мужчина поднялся на ноги, не выражая никаких эмоций.

— Я только что вошла в безумие ради вас, — напомнила Джоун, дернувшись от пронзающей до костей сырости. — Говорите...

Человек молчал.

— Говорите!

Он медленно повернулся и потянул за выступающее из кирпичей кольцо. Замаскированная дверь, со скрипом проворачиваясь в петлях, распахнулась, обдав стоящих струей свежего, после затхлого подземелья, воздуха.

— Пойдем, — предложил он. — Я Эрик Симплтон. Не бойся меня.

Они вошли в проем и очутились на выжженном солнцем поле, где недавно рвались снаряды и свистели пули. Джоун узнала пейзаж. Желтая трава... Окопы... Воронки... Искореженный танк. Она подняла глаза, чтобы посмотреть, такое ли здесь идеально круглое солнце, окруженное миллиардами частичек пыли, но ничего не увидела. Неровные

края чуть заслоняли крутящееся Огненное Колесо левосторонней свастики, очерчивающей на небе правильную дугу с востока на запад.

– Джоун, ты правильно сделала, что откликнулась на мой зов.

– Я не понимаю, это все мне снится?

– Ты должна помочь мне. Ты все узнаешь со временем. Это не сон. Это — пограничная реальность.

– Пограничная реальность?

– Да. Нейтральная зона между земным измерением и параллельными мирами. Мир хаотичен, в нем нет ничего незыблемого, в том числе и мерности пространства. На земле она составляет 3,00017. Близость этого числа к целому числу три ввела вас в заблуждение относительно представления о всеобщей трехмерности. Числа, стоящие после запятой, как раз и показывают на существование так называемых «ворот» в иной мир.

Джоун плохо поняла объяснение, но искренне хотела это уразуметь. Человек остановился и неожиданно протянул ей ладонь.

– Как я уже говорил, я Эрик Симплтон. Археолог. Бывший специалист по древним культурам Азии и Африки.

Джоун ответила на рукопожатие:

– Соммервиль. Джоун Соммервиль... репортер.

– Ты храбрая девушка, — отпуская ее руку сказал он, шагая рядом с ней по неблагодатной сухой земле. — Молодчина! Ты ведь никогда ранее не дотрагивалась до призрака.

– Призрака?

– Да, раньше я был такой же, как и ты.

– Что происходит, черт возьми!

– Ад! Ад кромешный. Мы должны вместе положить этому конец. Пройдемся немножко, и я тебе все расскажу.

– Да, пожалуйста, а то я сойду с ума.

– Сон о войне, — начал Эрик, помахивая сжатыми кулаками. — Тебе снилось, что ты ищешь своего отца. Я воспользовался этим, чтобы вызвать тебя сюда, на зыбкую границу сознания. Сон — ведь это тоже некая реальность, в которую попадает спящий. А чудеса, которые в нем происходят, объясняются довольно просто.

Джоун в упор посмотрела ему в лицо.

– Отведи глаза в сторону! — шарахнулся он. — Не останавливайся на одной точке! Зрачки постоянно должны находиться в движении. Иначе все исчезнет.

– Я не понимаю...

– Так надо, пойми. Старайся боковым зрением держать в поле видимости какой-нибудь предмет, например меня, но не концентрируй свое основное внимание непосредственно ни на чем.

– Ладно. Я постараюсь. Но...

– У нас не очень много времени, а это очень долгое объяснение. Оставим его до следующего раза и вернемся к нашей теме. Я не могу прийти в твой мир, но ты можешь находиться в моем без особого напряжения.

– Что я должна сделать?

– Там, у вас, есть чудовище. Это чудовище – я. Война уничтожила мое поколение. Те, которые не погибли, спились. Я – зашел еще дальше. Я был исследователем запретных удовольствий, следуя учениям йогов-мистиков и обрядам Хоу-Хоу. Я нашел шкатулку в одном древнем захоронении, благодаря расшифрованному мной китайскому манускрипту. Сопоставил свою находку с мифом о правлении Желтого Императора и открыл ее. Это открытие стало последним...

Эрик дотронулся до ее руки, многозначительно показав на свой движущийся палец.

– Старайся ни о чем не думать. Информация сама запишется в память. Контролируй свое сознание.

Джоун кивнула, обшаривая глазами внезапно обступившие ее стены тоннеля с отверстиями бойниц, забранными кованными решетками. Плесень, многовековая пыль, затхлый запах истории проносились мимо нее.

– После нечеловеческих страданий я нашел чудовище, заключенное в этой коробке, а оно нашло чудовище во мне. Десятилетия я служил аду, обогащая свой сектор новыми жертвами и не помня своего прошлого бытия.

– Но я все равно... не понимаю...

– Я был чудовищем, – продолжал Симплтон. – Но, тем не менее, я был связан определенными законами. Заповеди есть и у ада. Но одна девушка разгадала сущность и выпустила меня.

– Керсти Коттон?

– Да, Керсти Коттон. Благодаря ей я могу сейчас говорить с тобой. Но зла – слишком много, оно очень сильно. Демон затаился в ожидании, держа в сетях мою душу. И теперь он восстал. Зверь обрел плоть. То, чем я был в аду – расковано. Неостановимо.

— Что же мы можем? — после паузы спросила Джоун, проходя через полукруглые арки, подпирающие растрескавшийся потолок.

— Кое-что мы в силах сделать. Но потребуется огромное мужество и самоотверженность.

— Я не знаю, есть ли у меня мужество? Смогу ли я оправдать ваши надежды?

— Джоун, ты только что вошла в другую реальность, в чуждую для тебя жизнь. Ты сильнее, чем ты думаешь.

— Скажите, что нужно делать?

— Есть Врата Ада. Нужно закрыть их. Навсегда.

— А где эти врата? — поинтересовалась Джоун.

— У тебя в квартире, — ответил Симплтон, засунув руку в глубокий, до колена карман брезентовых брюк. — Шкатулка. Он хочет уничтожить ее. Ты должна вернуться назад и провести его через окно в мой мир, в мою реальность, где я — хозяин и властелин.

— А что, если он отберет у меня шкатулку?

— Он не может ее отобрать. Он должен получить ее только из чьих-нибудь рук. Вот поэтому и нужно твое мужество. Поверь мне: он может быть очень убедительным и очень изобретательным...

— Кто это? — оборвала его Джоун, показав на две удаляющиеся от них фигуры, шествующие по развороченной земле Вьетнама.

Рядом с человеком в грязной робе и высоких зашнурованных ботинках на ребристой подошве шла девушка в тонкой ночной рубашке и с длинными золотистыми волосами.

— Это мы. Мы сделали полный круг и вернулись к твоей квартире.

Джоун неотрывно глядела вслед фантомам.

— Действие порождает новую реальность, а поступки формируют бесконечное множество повторов, чуть отличающихся друг от друга. Человек жив только в своем мире. Наркоман выглядит безумным только в земном измерении, а в том, куда он попадает, он ощущает себя полным сил и энергии. Неподвижный йог — подвижен в другой реальности, которую создал сам. Человек не может жить сразу в двух местах, и поэтому, умирая, он поселяется в иной мир. Мир своих мечтаний и желаний, доступ к которому был для него при жизни закрыт. Сон, летаргия, кома, безумие, смерть — все это обратная сторона медали, двери в параллельное бытие. Могу тебя

заверить, что сейчас ты лежишь в своем доме около незашторенного окна.

Джоун потеряла контроль. Все вокруг закружилось, завертелось. Пол покачнулся и стал зыбким, распадаясь на хаотично двигающиеся молекулы.

Симплтон толкнул ее в проем окна и растворился. Джоун очнулась от удара и потерла содранный в кровь локоть.

— Черт! — выругалась она, скрещивая ноги и пытаясь разобраться в творившемся у нее в голове беспорядке. — Что это было? Сон?

Из динамиков радиоприемника, настроенного на «Париж», струилась мелодичная танцевальная музыка. Картавая француженка пела что-то о любви, подмешивая в свой родной язык английские слова, звучащие нелепо на общем фоне. Шторы свешивались по обе стороны окна, опускаясь к полу изящными складками. Город за стеклом начинал свой новый будничный день. Часы пробили семь раз.

— Ну и приснится же такое, черт возьми! — произнесла Джоун, хмуря брови и расчесывая запутавшиеся за ночь локоны.

Внимание ее привлекло темное пятно на внешней стороне рамы, выкрашенной в белый цвет. Присмотревшись к нему и сопоставив с царапиной на локте, Джоун осела на пол, выпуская из пальцев массажную щетку.

Шкатулка, лежащая на сложенной пополам заметке о находке близ Лхолама, блеснула серебряной искоркой, перехватив первый луч восходящего солнца.

* * *

Бильярдный шар, прокатившись по разогретому темно-зеленому полу, врезался в выстроенную пирамиду, разбивая ее на части. Два шара, ударившись о стенки бильярдного стола, попали в угловые сетки. Девушка с кием в руках удовлетворенно хмыкнула и провела мелом по тонкому кончику кия. Стоящий рядом с ней парень в кожаной куртке, увешанной значками и табличками с названиями популярных рок-групп, с восхищением покачал головой, облизывая языком потрескавшиеся губы.

— Учись, Джек, — произнесла, перегнувшись через стол, девушка и точно загнала очередной шар в лузу.

— Здорово, — вымолвил он и в нетерпении постучал «казаком» по полированной ножке стола.

— Ну, а как ты думал? Это тебе не ручки крутить. Если хочешь заработать на выпивку, надо потрудиться и играть лучше других, — нравоучительно сказала девушка.

Джек постоял еще немного в бильярдной и вышел в бар, как он прокомментировал: «Промочить горло и оседлать молнию».

Разноцветные светофильтры ритмично зажигали свои огни, поспевая за ритмом выступающей на сцене группы. Полуобнаженные девушки в кожаных трусиках плавно покачивали бедрами, двигаясь между музыкантами. Два вокалиста в бейсбольных кепках, надетых задом наперед, переговаривались между собой, посыпая диалог в микрофоны, и стараясь заканчивать строчку вместе с басовым тактом.

— Пива, пожалуйста, — бросил Джек бармену, подходя к стойке. Взяв наполненную до краев кружку, он понес ее в угол к столикам, отгороженным друг от друга витражными перегородками.

Гипсовые руки и ноги, торчащие из стены, словно парили в воздухе, сверкая своей белизной на темно-синей мраморной имитации. Джек сдунал обильную пену и посмотрел на эти украшения своей индивидуальной кабинки. Ему показалось, что они качнулись, чуть изменив свое положение в пространстве. «Что-то новенькое», — подумал он, отхлебнув горьковатой жидкости.

Руки и впрямь, разогнувшись в суставах, покачивались в воздухе, создавая иллюзию, будто тянутся к Джеку, намереваясь схватить его за горло.

— Классно! — похвалил он владельца дискотеки и отвернулся, глядя на танцевальную площадку и выискивая глазами знакомых.

Колокол, как тяжелый молот Люцифера, ударил по бронзовому языку. Грохот наполнил пространство, перемещая слои воздушных масс и заглушая все другие звуки.

Кружка, дзинькнув, рассыпалась в руках Джека, обливая его липким пивом.

— Черт! — воскликнул он и хотел добавить что-то еще, но не успел.

Гипсовые руки сошлись у него на шее, перехватывая дыхание и вдавливая кадык. С вытаращенными от ужаса глазами, Джек откинулся на спинку, падая вместе со стулом под стол. Осколки стекла глубоко вошли под кожу, выступая из щек и лба острыми прозрачными фасками.

Со второго этажа, по лестнице, не спеша спускалось чудовище, покрытое шипами гвоздей. Черный плащ был распахнут, выставляя напоказ рельефную гнилую грудь с сотнями белых червей. Бескровное лицо и пронзительные карие глаза выражали брезгливость, граничащую со злобной

решимостью. В руках он сжимал длинный золотой жезл секторной власти, увенчанный сверху змеями и головой шакала.

Танцующие в растерянности остановились, глядя на новое действующее лицо, еще не осознавая опасности, нависшей над ними.

— Ну, что же? — грубым голосом спросил кенобит и стукнул жезлом об пол. — Может быть начнем?

Шквальный ветер пронесся по дискотеке, опрокидывая колонки и раскачивая подвешенных к потолку резиновых монстров.

— Вы ведь так любите экзотику ада...

Длинная цепь вылетела из угла и вонзилась в плечо вышедшей на шум, девушки с кием. Она схватилась руками за крюк, стараясь выдернуть его, но еще дальше загнала его в тело. Две новые цепи, прорезая воздух воинственным свистом, вошли в плотные ряды присутствующих. Крики страха сменились предсмертным хрипом. Лазерные диски, вылетая из музыкального автомата и крутясь вокруг своей оси, натыкались на мягкую плоть. Провода от усилителей, сворачиваясь петлями, растягивали свои жертвы. Бильярдные шары проламывали черепные коробки. Огромные куски льда, приготовленные для коктейлей, втыкались в рот, режа гранями горло. Безумная толпа кинулась к выходу, оставляя раненых и убитых.

Демон захотел и послал им вслед цепь, которая, долетев до двери, обкрутила обе ручки, сковывая их вместе.

Те, кто успел добежать до вестибюля, повернули назад, но встретили на своем пути неистовое стадо пробивающихся на свободу людей. Последние теснили первых, топча их ногами. Несколько топоров ударили в спины, ломая позвоночники. Крючья вырывали куски мяса, отдирая их от костей. Металлические круги сносили по полголовы, заляпывая помещение ошметками мозга. Кровь лилась рекой, затапливая коридор, и просачивалась в щель между полом и дверью, образуя чудовищную лужу со стороны улицы. Стоны, плач, крики носились по всему зданию дискотеки, заставляя шарахаться пешеходов, идущих мимо «Бойлерной». Это было началом первого дня творения. Восставший демон вновь обретал полную силу.

* * *

Джоун сидела на диване, без интереса наблюдая за действием какого-то длинного и нудного фильма. Что же произошло с ней сегодня ночью? Неужели все, что она помнила, имело место на самом деле? Эрик Симплтон, пограничная

реальность, свастика в небе, Вьетнам, каменные стены лабиринта? Она потянулась, достала из-под шкатулки журнальную вырезку и в который раз пробежала ее глазами, остановив взгляд на фотографии археолога.

— Да... — вымолвила она, так и не придя к определенному мнению. — Черт его знает!

Действие на экране телевизора сменилось продолжительной рекламной заставкой, наконец, после паузы, показалась рамка информационной службы.

— Мы прерываем наши передачи, — донесся баритон диктора, — чтобы сообщить о кровавой бойне в здании бывшей котельной, напротив супермаркета «Отари».

Джоун подобралась поближе, увеличив громкость и одев очки.

На отснятых кадрах кинопленки был запечатлен грандиозный фирменный магазин и снующие по дороге легковые автомобили. Камера переместилась в сторону, показывая оттесненную полицией толпу народа, решетки временных заграждений и машины скорой помощи.

— Где мы, скажите пожалуйста? — обратился бородатый репортер к стоящему рядом полицейскому с капитанскими нашивками.

— Мы возле дискотеки «Бойлерная», иначе ее называют еще «Котельная».

— Потише, пожалуйста! — отвлекся репортер, прикрикнув на гудящих зевак. — Идет прямая трансляция!

Кто-то залез под камеру, показав в объектив знак «Победы» из двух пальцев, растопыренных в стороны.

— Нам сообщили по телефону, что здесь много раненых и погибших, так ли это?

— Да, это так, — нехотя отозвался капитан.

— Понимаете, офицер, нам нужна информация для отдела новостей.

— Никакой информации пока нет.

— Но как же так! У вас есть какие-то предположения, догадки... Быть может, вы знаете, что здесь произошло?

— Пока ничего не известно. Все случилось в какие-то считанные минуты. Это все, что я могу сейчас сказать. Уберите камеру. Больше объяснений не будет!

— Как вы видите, — продолжал корреспондент. — Здесь произошло нечто ужасное. Не поддающееся никакой логике и здравому смыслу. Тела умерших изодраны в клочья. Везде цепи и лазерные диски. Похоже, эти орудия превалировали над

валяющимися тут же топорами, копьями и секирами... Скорее всего, здесь разыгралась драма выяснений отношений между двумя враждующими группировками за сферу влияния. Но почему такие странные орудия были использованы для подобной цели?

Джоун, не отрываясь от телевизора, пододвинула к себе телефон и, тыкая указательным пальцем по кнопкам, набрала номер. После продолжительных гудков трубку с той стороны сняли, и сонный голос Дага Спенсера буркнул, явно недовольный тем, что его подняли с постели.

- Говорите...
- Даг, это я, Джоун. Ты телевизор смотришь?
- Какой канал? — спросил оператор, нажимая на сеть и щелкая заевшим пультом.
- Двенадцатый, по-моему, — неуверенно ответила Джоун.
- Ну и?.. — Даг оставил попытку включить поиск и вручную пробежал по ряду программ, останавливаясь на четырнадцатом.
- Мне будет нужна твоя помощь.
- А что я должен делать?
- Собирайся и приезжай к «Бойлерной». Встретимся там.
- Даг пожевал губами: ему явно не нравился такой оборот.
- Ты сам говорил, что я могу тебе позвонить в случае необходимости...
- Хорошо, — согласился Даг. Оттянув свой длиннющий рыжий ус, он посмотрел на себя в зеркало. — Только я ближе к дискотеке, так что буду раньше, учти.

Джоун повесила трубку, посидела в раздумье. Сбросив с себя халат, она облачилась в джинсы и толстую пуховую кофту. Взгляд ее остановился на узорчатой старинной шкатулке. Она взяла ее и засунула в карман своей потертой джинсовой куртки на белом искусственном меху.

* * *

Джоун выходила из такси, когда начался дождь. Грозовые тучи заволокли все осенне небо, закрывая и без того не очень теплое солнце. Откуда-то появившийся северный ветер раскачивал кроны деревьев, стоящих вдоль тротуара. Желто-красные опавшие листья носились по асфальту, подгоняемые резкими порывами ветра.

Джоун, закутавшись в мохеровый зеленый жакет, подошла к немногочисленным наблюдателям у здания дискотеки, стоявшими в ожидании чего-то, не смотря на вот-вот разыграющуюся стихию.

Двери «Бойлерной» были настежь распахнуты. Последняя санитарная машина, сворачивая к шоссе, увозя оставшихся раненых. Грозный на вид полицейский охранял вход, посматривая по сторонам и наблюдая за порядком.

— Скажите, что произошло? — спросила его Джоун. — Я корреспондент восьмого канала телевидения.

Она вытащила удостоверение и, хлопнув корочками, убрала его обратно.

— К сожалению, мне нечего вам сказать, — ответил он, заслоняя проход. — Какая-то катастрофа... Рыцарский турнир, да и только.

Джоун заглянула через его плечо, пытаясь что-нибудь рассмотреть, но электричества не было, вследствие перебитой проводки, и вся дискотека была окутана непроницаемыми сумерками.

— Это ужасно, — полицейский оказался сердитым только на вид. — Там столько убитых... Везде куски человеческих тел. Некоторые изувечены до такой степени, что их невозможно опознать. Мы еще не знаем, что случилось. Это все, что я могу вам сообщить.

— Можно мне пройти? — пытаясь оттеснить его, осведомилась Джоун, используя для этого все свое обаяние.

— Это исключено, мисс! — полицейский повернул ее на сто восемьдесят градусов и слегка подтолкнул в спину.

Джоун отошла, не став спорить. Это было бесполезно. Она обвела взглядом значительно поредевшую толпу в поисках Дага, но не увидела его.

«У каждого заведения есть еще какой-нибудь служебный вход!» — припомнила она слова Терри и уверенно завернула за угол.

Там оказался тупик и свалка строительного мусора. Джей Пи так и не удосужился убрать его после капитального ремонта котельной. Не падая духом, Джоун повернула назад и, стараясь двигаться, не привлекая к себе внимания, обогнула дом с другой стороны. Этот путь оказалась более удачным. Подкатив к разбитому окну старую флягу из-под краски, Джоун уцепилась за треснувшую раму и, рискуя свалиться, повисла на руках, шаркая ногами по кирпичной стене. Рама затрещала, но Джоун уже успела ухватиться за подоконник. Через пять секунд она спрыгнула на пол дискотеки, наступив одной ногой в лужу крови, с плавающими в ней частичками серого вещества. Рядом лежал труп не то девушки, не то парня со снесенным наполовину черепом. Вторая половинка с заскорузлой коркой из окровавленных волос валялась метрах в пяти.

Дождь застучал по железной канистре, гулко отдаваясь в ее пустой утробе, когда Джоун подавила в себе приступ рвоты и, переступив через мертвое тело, прошла в танцевальный зал, выглянув из-за поворота, чтобы не нарваться, ненароком, на полицию.

В хаосе из разломанного инвентаря, битой посуды и негодной теперь уже радиоаппаратуры в самых разных позах лежали трупы, изувеченные до безобразия.

— Даг! — тихо окликнула Джоун, проходя мимо подвешенных на цепях мертвецов.

Но вокруг стояла тишина. Смерть неслышно шелестела складками своего погребального одеяния. Безмолвие окутывало все закоулки котельной, накрывая своей пеленой груды тел, и давило на уши монотонным гудением. Оно было почти осязаемым, дотронься — и ощущишь плотные, слегка колыхающиеся в пространстве тугие сгустки. Сотни освобожденных душ летали в астрале в ожидании суда. Что будет с ними, когда отклонится чаша весов, измеряющая грехи и заслуги? Ведь перышко, положенное в противовес сердцу, так мало и воздушно. И если оно перевесит, светлые апостолы позволяют Люциферу — верховному Богу власти лабиринта, забрать душу с собой в огненно-ледяные застенки пыточных камер.

Джоун почувствовала озноб от пробившегося откуда-то сквозняка, который нарушил тишину и качнул свисающие с потолка цепи. А может, это Смерть потревожила покой, взмахнув белоснежным саваном? Звенья цепей соприкоснулись, издав при этом звук, подобный звону маленького колокольчика. Дзинь. И снова молчание. Дзинь. И опять тишина.

— Здесь нам уже больше нечего делать, — прозвенел совсем рядом голос, внося сумятицу в астральный мир. Миллиарды молекул, несущих в себе информацию, разбились о перегородки и рассеялись в толще стен. А можно и собрать их, объединив воедино, и сложить слова. Ведь вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог?

Джоун поспешила спрятаться за колонну.

- Это точно, — подтвердил второй голос.
- А почему не едут машины из морга?
- А черт их знает! Они всегда не очень торопятся.

В двух шагах от Джоун, направляясь к выходу, прошли два полисмена. Она облегченно вздохнула, и ее глаза остановились на молодом парне, распластавшемся на полу. Его лицо было сплошь изрезано стеклом. Он, казалось, еще пытался оторвать от своей шеи стиснувшую ее гипсовую руку. Это был

звукотехник, домогавшийся Джоун в ее прошлое посещение. Она отстегнула футляр и щелкнула фотоаппаратом. Вспышка на миг осветила помещение бара, и Джоун испугалась, что поступила столь неосмотрительно: ее могли увидеть полицейские с улицы. Но все вокруг, кажется, было спокойно.

Джоун ступила на лестницу и поднялась на второй этаж. Слева ее встретила обитая листами дверь с круглым смотровым отверстием, а справа — раскрытая дверь ресторана. Она заглянула, но не нашла ничего примечательного, что отличалось бы от картины внизу: цепи, крюки, вилки, воткнутые в некогда живое тело, и безумие на застывших лицах. Поколебавшись, Джоун дернула на себя левую дверь, отстранившись, когда та повернулась. Свет от тысяч свечей ослепил ее. Сквозь туман ярких движущихся пятен материализовалась фигура. Под потолком, распятое на цепях, висело изуродованное тело Дага. В нем еще теплилось сознание, но он был слаб, чтобы произнести хоть слово. Он только еле слышно хрюпал, уже не понимая действительности. Кинокамера тянула голову вниз, увеличивая страдания.

— Даг! — жалобно протянула Джоун, пытаясь скинуть с его шеи ремешок от кожаной сумки.

Ненадолго он пришел в себя и повел в ее сторону мутными глазами. На какой-то миг в них отразился гнев, и они потухли навсегда. Мышцы расслабились, более не сопротивляясь оковам, и он, бездыханный, повис над полом. Джоун заплакала, сквозь всхлипы повторяя его имя и посылая проклятия в адрес ада и дьявола.

Сзади повеяло прохладой, стрелой пронесшейся по позвоночнику. Она резко обернулась, ощущая чье-то присутствие и пролепетала:

— Нет...

Гвозди выдавались вперед, выходя из порезов на белом лице археолога. Складки его одежды спускались к полу, перехваченные на поясе подобием ремня, свитым из человеческих жил. Перекрещенные руки покоились на груди, закрыв глубокий вырез на его сутане.

— Невыносимо, правда? — пробасил демон, описывая рукой знак развернутого тессеракта. — Страдания чужих, агония близких... Есть тайная зона в центре человеческого разума. Ее звук — это свист бритвы, разрезающей плоть.

— Ты лжешь! — стараясь поставить барьер ужасу выкрикнула Джоун. — Я не верю тебе.

— Неужели? — усомнился кенобит, наступая на нее.

— Ты даже сейчас слышишь это слабое эхо. И я пришел сюда, чтобы сделать этот звук громче, пронзительнее и соединить два мира: мой и твой. Человечество давно заслуживает наказания. Союз неизбежен. Упадок культуры, обнищание духа, деградация мысли... Все это ведет к неизбежному падению цивилизации. К Содому и Гоморре. Людям не свойственно здраво мыслить. Я подметил, что они глупы по своей природе. Четверть своей жизни они учатся решать однотипные задачи и отвечать на стандартные вопросы, а потом выясняется, что они знают предмет лишь удовлетворительно. И это странно. Только звериное начало работает неуклонно. И я восстал из ада, чтобы помочь ему освободиться и сделать человека наконец-то свободным от предрассудков, чтобы погрузить мир в теплую кровь его же собственных фантазий.

— А я должна остановить вас и отправить обратно, в преисподнюю, — произнесла Джоун чеканя слова и удивляясь своей храбрости.

— Дитя мое, все твои начинания заранее обречены на провал. Тебе ничего не удастся сделать против меня. Я демон! Властелин сектора Шакала! А кто ты? Ничтожный червяк, который грызет яблоко земли. Ты даже не властна над собой, чтобы повелевать другими. Ты — никто. Тебя даже нет. Так что лучше сдайся, иначе твои мучения будут невыносимы.

Джоун выхватила из кармана шкатулку и, держа ее перед собой спросила:

— Что ты на это скажешь, «Властелин»?

— Отдай ее мне, — демон протянул руку. — И я освобожу тебя от будущего. Подумай, что принесет оно тебе? Ты будешь страдать пять лет и в сорок два умрешь от рака. Я уже сейчас вижу, как он съедает твои внутренности, но пока ты этого не чувствуешь.

— Мне не надо твоих лживых предсказаний. Освободи лучше от прошлого себя.

— Прекрати, Джоун, — взбесился кенобит. — Умри! Пока ты сможешь сделать это быстро!

— Попробуй поймать меня, ублюдок, мать твою!

Джоун выскользнула в приоткрытую щель и бросилась вниз, перепрыгивая через ступеньки.

— Ах, какая она храбрая, — усмехнулся демон. — Ну ладно. Прекрасно! Ты у меня будешь истекать кровью. Мне будет приятно сделать так, чтобы ты и сама наслаждалась этим!

Джоун выскочила на улицу, толкнув полицейского у входа и побежала по мостовой. Полисмен узнал ее и недоуменно

посмотрел вслед, удивившись, как ей удалось проникнуть в котельную, но преследовать не стал, не решаясь покинуть свой пост. «Ничего, — подумал он, в случае необходимости, я запомнил фамилию и ее быстро найдут, при желании».

Дождь уже кончился. Только небольшие лужи возвещали, что он был, да палая листва удерживала на себе капельки влаги. Но небо еще хмурилось, предупреждая, что это еще не все. Джоун, тяжело дыша, неслась по дороге, не зная конечной цели, и сжимала в побелевших пальцах квадратную коробочку со сверкающими линиями на поверхности.

Чудовищный взрыв за спиной содрогнул воздух. Джоун обернулась: «Бойлерная» полыхала, объятая пламенем. Огромная витрина «Отари» треснула и упала, перерезав пополам случайного прохожего. Черный дым устремился вверх, стараясь затмить излучающий свет огонь. Длинные тонкие языки лизали сумрачное небо, по которому пронеслась густая сеть электрических разрядов, потонувших во времени. Полисмен на локтях отползл от пожарища, подтягивая свое безногое тело. Направляющийся прямо на Джоун автомобиль, круто повернулся, сталкиваясь с фонарным столбом. Бетон дал излом, заваливаясь на дорогу, но запутался в проводах. Под его тяжестью нити лопнули, и столб рухнул на машину сминая железную крышу. Провода, замкнувшись, упали на капот. По корпусу прошел высоковольтный ток, оплавляя места соприкосновения. Водитель подскочил и наполовину обгоревший, скончался от остановки сердца. Взрыв подбросил автомобиль в воздух, где он перевернулся и упал на землю, охваченный огнем. Пламя засияло, подбираясь к покрышкам. Хлопья копоти закружились едкой спиралью и покрыли все вокруг черной сажей. Лед кипел в огне, пытаясь уравновесить силы и, частично, превращался в плотные облака пара. Вода выплескивалась сквозь пепел, стекая на мягкий асфальт и, собираясь ручейками, образовала большой поток, двинувшийся на Джоун. Оголенные контакты, выдав искрящийся сноп, плюхнулись в жидкость, делая ее носителем электричества. Джоун побежала, но волна перемещалась быстрее, плавно преодолевая препятствия. Вот она уже в метре от нее: струится по камням и несет в себе смерть. И не только смерть, но и весь ужас ада, который следует за ней. Через секунду она захлестнет ноги... Резиновые подошвы сапог еще выдерживают убийственное напряжение. Мгновение... и все будет кончено. Изловчившись, Джоун прыгнула на выкрашенный ствол небольшого дерева, обхватив его руками и ногами. Вода прошла мимо, окатив девушку градом безобидных брызг. Они оторва-

лись от общей массы и вернулись обратно, вновь становясь опасными.

Джоун соскочила на дорогу, наступив на сухой участок. Пролетевший мимо лазерный диск чуть не отбросил ее в открытый канализационный люк. Она подняла голову. Сердце замерло при виде двух чудовищ, двигающихся в ее направлении и материализовавшихся из пунктирного сияния. Один из них поднял руку и вытащил из раскроенной на части головы круглую пластину. Послышался свист, и она пролетела рядом с Джоун, обдав еле ощутимым ветерком. Врезавшись в стену, диск застрял между цементом, скрепляющим кирпичи, и сверкнул выгравированными на нем цифрами и буквами.

Посмотри, что ты сделала со мной, сука, — произнес другой пришелец, из неровной лысой головы которого выступал объектив кинокамеры. — Ты видишь?

— Даг, — жалобно залепетала Джоун, отбегая назад. — Это не я! Нет!

Выходцы из ада следовали за ней, и ад следовал за ними.

— Эй, малютка, ты куда? — спросил неизвестно откуда выскочивший молодой волосатый парень в кожанке поверх полосатой тельняшки.

— Беги! Беги отсюда! — закричала Джоун, скрываясь от кенобитов.

— Куда? Зачем? — удивился парень, явно накачавшийся наркотиками и не понимающий, что происходит. — В чем дело?

Мертвый Даг схватил его за шиворот и приподнял над землей.

Какого дья...

Но договорить он не успел. Объектив выдвинулся из правого глаза Дага и с чудовищной силой пробил черепную коробку парня, выйдя с другой стороны и снимая разворачивающиеся события.

— Теперь ты готова к своему крупному репортажу, Джоун, — засмеялся Даг, — Джей, покажи ей...

Монро вытянул новый диск, украшавший его голову, и метнул его в Джоун. Она увернулась, пытаясь уйти от кошмара, навалившегося на нее. Где-то вдалеке заревела полицейская сирена. Но что она может сделать, если мир превратился в хаос? Из окон домов вырывались клубы дыма и огня. Все кругом полыхало, отравляя атмосферу ядовитым газом. День сменился ночью, а вечер стал утром. Все перемешалось, как в колоде карт, сдаваемой шулером. Что выпадет тебе на этот раз? Туз? Хорошо, тогда у судьбы будет джокер.

Показался третий демон с обгорелым, обмотанным колючей проволокой, лицом. Острые стальные шипы впивались в кожу, прорывая черные струпья ран. В руках он нес автомобильную канистру для бензина, которым обрызгивал все, что попадалось на пути.

Джоун устремилась на звук сирены, ревущей за поворотом. На улицу выскочили две машины и остановились, повернув корпуса перпендикулярно к проезжей части.

– Девушка, — громыхнул мегафон, — отойдите в сторону и уходите подальше из этого места.

– Их нельзя остановить! — задыхаясь крикнула Джоун.

– Успокойтесь, — спокойно ответила ей женщина в полицейской форме, заряжая автоматическую винтовку с оптической трубой.

– Они — не люди! — пыталась убедить их Джоун. Уезжайте!

– Не стоит так волноваться за нас.

– Да будет с вами Бог!

Два автоматчика приготовились вести прицельную стрельбу.

– Не двигаться, полиция! — воззвал мегафон, заглушая все посторонние звуки.

На кенобитов это не произвело впечатления, и они приближались, помахивая при ходьбе руками.

– Огонь! — скомандовал старший по званию.

Автоматчики нажали на спуск, длинной очередью чуть отбросив демонов в сторону. Хлопки же винтовочных выстрелов вообще не причинили тем ни малейшего вреда.

– Спасайтесь! — ухватилась Джоун за плечо женщины.

– Ты еще здесь? Иди...

Начисто срезанная голова ее покатилась по тротуару. Новый залп вновь немного остановил кенобитов, но пули, врезающиеся в их тела, не приносили каких бы то ни было видимых изменений в их высокую организацию. Брошенная бывшим водителем бутылка ударила о капот и разбилась, разливая содержимое.

– Это бензин! — догадался автоматчик и тут же получил удар от проникшего в его грудь очередного СР.

– Неплохой кадр, — позабавился Даг, зафиксировав событие на кинопленку.

Джоун бросилась бежать, не дожинаясь, пока прошитый проволокой обгорелый демон выхлестнет из своего рта огненный столб. Когда она уже была на приличном расстоянии, обе машины, перекувырнувшись, разом взорвались. Одна из них упала на козырек какого-то небольшого магазина и, проломив

крышу, обрушилась на мостовую, подминая под себя горящие тела полицейских. Земля загудела под ногами в ответ на навалившуюся на нее тяжесть. Джоун устремилась вперед, выискивая глазами возможное убежище и проклиная себя, что вообще ввязалась в это дело. Выбор пал на одиноко стоящий костел, выстроенный из древних шероховатых камней. Толкнув железные створки, Джоун встретила священника, спешащего ей навстречу.

Он был несколько озадачен шумом на улице, но полагал, что человеку духовного сана не следует особо интересоваться мирскими делами. Бог все видит и защитит свою духовную обитель.

Страяясь сохранять спокойствие, присущее церковно-служителю, он обратился к Джоун, изобразив понимание на выбритом до синевы лице.

— Я отец Харвас, — представился он. — Дитя мое, в чем дело. Что тревожит тебя?

— С ними нельзя ничего сделать! — пожаловалась Джоун, из последних сил держа себя в руках.

— С кем ничего нельзя сделать? — осведомился отец Харвас и предложил ей покаяние.

— Мне не надо каяться!

— Это тебе только кажется, что не надо, а когда очистишь свою душу, поймешь, что тебе стало легче.

— Черт возьми! Ты оторви свою задницу и посмотри, что делается на улице. Ад наступает. Демоны заполнили город.

— Демоны? — сочувственно переспросил священник, считая ее не совсем здоровой. — На самом деле их не существует. Они были придуманы, чтобы более наглядно показать проявления зла и низость плохих поступков. Это — метафора...

— Так значит вот, кто их создал — вскипела Джоун.

— Вы веками создавали монстров, чтобы укрепить свою религию!

— Нет, дитя мое, это не так. Метафора позволила людям сбросить с себя невежество и повернуться к истинному Богу.

Уступая порыву ветра, металлические двери церкви распахнулись. Цветные витражи вылетели из окон, разбиваясь на мелкие кусочки, но пламя зажженных по углам свечей осталось незыблемым. Священник взглянул в проем открытых дверей и не поверил своим глазам: в ореоле огня возвышалась могучая фигура в распахнутом Развевающемся плаще. Его голова была покрыта сетью порезов с вогнанными в их перекрестья гвоздями. Белое лицо кривилось в безобразной улыбке.

— Метафора? — толкнув монаха произнесла Джоун. — Тогда что это, мать твою!

Отец Харвас ухватился рукой за большой нагрудный крест и выставил его вперед.

— Как ты смеешь, исчадие ада, врываешься в храм Божий! Во имя Отца, Сына и Святого духа, убирайся откуда пришел! — смело сказал он. — Господи, защити нас от лукавого!

Демон захочотал, наступая на него. Крест в руках святого отца потеплел и стал жечь пальцы. Он чуть ослабил руку, но распятие уже разогрелось до красноты. Запах горелого мяса поднимался с ладони. Концы креста оплавились, падая жидкими блестящими каплями на руку и выжигали на ней круглые отверстия. С криком святой отец разжал кулак, срывая крест с шеи и бросая на пол, где он вскоре превратился в застывшую лужицу серебра.

— Не трогай больше свои железные палки, — пояснил кенобит, отстраняя его со своего пути.

Зажав обожженную кисть с почерневшей на ней кожей, священник посторонился, пропуская демона к алтарю. Кенобит сплюнул на образ Божьей Матери и взошел на престол. Скинув стоящий посередине напрестольный крест на четырехгранный ножке, он вытащил из своей головы длинный, поржавевший гвоздь и медленно пронзил им свою ладонь. Второй гвоздь вытянул из головы мерзкого слизняка, который серо-зеленым студнем упал на Библию. Раскинув в стороны руки с ранами, как у Христа, демон от души рассмеялся:

— Я путь к спасению. Поклонитесь мне и узрите Царствие Небесное. Смиритесь со своей участью, и попадете в места райские... Так учили вас Господь?

— Ты будешь гореть в аду за это, — стиснув зубы от боли и бешенства, крикнул священник, с ненавистью смотря на богохульствующего кенобита, который после его слов захочотал еще громче.

— Гореть в аду... Какое ограниченное воображение. Гореть в аду — будешь ты, а я буду лить масло на трое тело, чтобы оно не подгорело на прутьях. Смотри!

Демон бросил взгляд на потолок, на котором тут же спроецировались картины ада, выходящие из его бездонных глаз:

Красноватое небо, чуть подернутое дымкой испарений от каменных строений лабиринта. Ячейки памяти и сознания, сложенные из огромных заплесневевших глыб, вытянутых в изгибающуюся вверх дугу. И над всем этим гигантский узорчатый куб, кружящийся в небе. Миллионы стонов в

ограниченном ярусами пространстве создают, как ни странно, покой и тишину. Она охватывает весь лабиринт, устремляется в неизведанные пределы космоса и возвращается обратно, проделав многовековой путь по бескрайним просторам Вселенной.

— Это мой мир! — воскликнул кенобит. — Жар огня и холод льда, борясь друг с другом за выживание, создали платформу, а вы посеяли на ней эти своды неудовлетворенных мечтаний. Мой мир — это естество, простирающееся до самых далеких звезд и туманностей. Он летит вперед и замыкается сам в себе. А вот, что ждет вас...

Картина изменилась, сфокусировавшись на заброшенном кладбище с едва выступающими из земли могилами. Стая воронов хлопала крыльями и каркала в поисках добычи.

— Вы будете гнить здесь!

Увеличившись, изображение выхватило надпись на одной из гранитных плит: «Дж.Соммервиль».

— Прошло сто лет, — комментировал демон.

Надгробье стало крениться вбок, пока не завалилось на могилу. Деревца зачахли, наклоняясь к земле.

— Еще сто, — продолжал он.

На месте бывших могил не осталось ничего, что говорило бы о погребенных на этом месте бренных останках. Зеленая трава, вскормленная телами умерших, пробивалась из земли, скрывая от людских глаз бывшее кладбище.

— Хватит! — крикнула Джоун.

— Отчего же? — спросил кенобит. — Смею тебя заверить, что на твоих костях будут выстроены дома. Собачки, да и люди тоже, будут справлять свою нужду прямо тебе в лицо. Ты почувствуешь это, если не примешь моего Бога, мою религию! Я сделаю вечным все человечество. Открою двери в его желания и допущу к познанию Истины и Великого Блаженства.

— Ты все врешь! — твердо вымолвил отец Харвас. — Ты Антихрист!

— Нет, я не Антихрист, — спускаясь с престола, произнес демон. — Но если ты так хочешь, я буду им в твоих глазах. И не только им, а и самим мессией.

Кенобит воткнул себе в грудь два пальца, вытаскивая гнилой кусок мяса, покрытый белыми шевелящимися червями. Подойдя к монаху, он схватил его за глазные впадины и заставил открыть рот.

— Это плоть моя. Это кровь моя, — усмехаясь, сказал он, глядя в обезумевшие глаза священника и кладя ему на язык

кусок своего тела. — Приди на мою Тайную Вечерню, и я открою путь к познанию разума... Ну глотай!

— Эй ты, — обратилась к демону Джоун, показывая тибетскую шкатулку. — Иди сюда и оставь его в покое! Забери... Ведь это тебе нужно!

Кенобит выпустил из своих окровавленных рук священника, которого тут же вывернуло наизнанку, и шурша рукавом, протянул руку в ожидании дара.

— Дай ее мне. Я сделаю тебя бессмертной... Такой же, как я. Ты будешь управлять чужими жизнями и страданиями. Тебе будет подвластен весь мир, и все люди придут поклониться тебе, как новой Марии Магдалине. Я увенчу тебя звездным нимбом и дам в твои руки Верховный Скипетр яруса.

— Мне не нужно этого, выродок! — гневно произнесла Джоун и, быстро преодолев расстояние, отделяющее ее от входа, скрылась за открытыми дверями церкви.

— Очень трудно убежать от меня, девочка. Рано или поздно наши дороги пересекутся.

Джоун без оглядки мчалась по полыхающей улице, усеянной трупами мужчин и женщин, умерших в страшных мучениях.

«Что будет со мной? — бился в голове вопрос. — Смогу ли я уничтожить зло, вылезшее из потустороннего мира?»

«Только безусловная вера и самопожертвование помогут тебе сделать это. В руках у тебя ключ к вратам ада. Проведи его через них и навсегда запри замок. Ты сможешь это. И да поможет тебе Иисус», — туманно проплыло чье-то пророчество.

«Но как, как это сделать? Как провести его через окно?» — возвизала Джоун к невидимому прорицателю, но он молчал. Лишь мощная волна далеких слез и стенаний заставила бежать Джоун по направлению к своему дому, сквозь огонь и воду.

Казалось, скованные друг с другом вечной мерзлотой, проносились мимо торговые палатки и автобусы, застрявшие в невиданных ледяных торосах. Рядом свирепствовало пламя, охватывая заброшенные постройки и кроны деревьев. Огонь отступал ко льду, растапливая его и обращая в пар. Пар поднимался вверх и окутывал костры, превращая их в ледяные глыбы. Солнца не было видно из-за наполняющих воздух частиц пепла и гари. Лишь ветер иногда проделывал брешь в клубах мглы, через которую можно было увидеть холодное сумрачное небо Земли и край сидящего низко над горизонтом красного солнца, почти не испускающего тепла от термоядерных реакций в своих глубинах.

Джоун стало страшно. Ужас притуплял мышление и становился своего рода поводырем в жизни. Смерть

подстерегала ее, пытаясь набросить прозрачный саван и погрузить в сладкую бездну сна. Что там, за чертой? Чернота тьмы или светлый день, полный радости и счастья? Демон предрекал первое... Но это лучше, чем ад. А лучше ли? Зачем нужна жизнь, если после нее — только смерть и полное забвение. Чтобы рожать и выращивать детей? Но это глупо — жить только ради этого. Это путь зверя. А человек? Его предназначение должно быть выше. Он разумен. Но в чем заключается его разум? Есть ли он? Господи, помоги мне разобраться в этих мыслях и спасись от стрел Дракона!

Могучий гром колокола обрушился на голову Джоун, сбивая и рассеивая ее мысли. Пред ее взором предстали два кенобита. Джоун резко остановилась и повернула назад. Еще двое подходили к ней с тыла. Среди них была и Терри. Ее остриженную наголо голову покрывала бижутерия, воткнутая прямо в кожу. Медная цепочка с облезшим серебряным покрытием, уходила в одно ухо и выходило из другого, зацепившись замком за щеку. В затылке торчали две вязальные спицы, проникающие в центры удовольствия.

— Теперь мне снятся сны! — темные глаза Терри с выщипанными ресницами смотрели на Джоун, из шеи у нее выдвинулась зажженная сигарета. — Ты даже не поверишь, какие сны мне снятся.

— Терри, бедная девочка! — сочувственно произнесла Джоун.

— Расслабься, крошка! — обращаясь к ней, молвил кенобит, в голове которого работала электромясорубка, перерабатывая ее содержимое. — Это лучше, чем секс. — Я много узнал с недавних пор, — добавил Даг, щелкая кинокамерой вместо глаза. — Вначале я был недоволен, и так же, как и ты, сопротивлялся насилию над собой. Но Он вложил мне сюда, — Даг постучал по лысой голове, — разум. Познание мира и радость быть неотъемлемой его частью. Никаких догм и законов во Вселенной нет. Они существуют только в нашем воображении и только в рамках, теперь уже только твоего, мира. Мы откроем границы реальностей, уничтожив условности материи. Все будет единым целым, подвластным всеобъемлющей энергии. Мы уравняем борьбу льда и пламени, что неизбежно повлечет за собой стирание пограничных реальностей и создаст Ничто, которое есть суть бесконечности времени и пространства.

— Постойте... — начала было Джоун, но прошитый колючей проволокой демон положил свою тяжелую руку ей на плечо, прерывая на полуслове.

— Мы поможем тебе скинуть с себя бремя жизни и стать жрицей Великого Познания Высших Неизвестных.

Джоун с испугом взглянула на Терри, ее явно не устраивала перспектива стать жрицей познания.

— Я не нравлюсь тебе? — заметив ее взгляд, спросила Терри.
— Тем хуже для тебя. Тем более мучительным будет для тебя переход из одного состояния в другое. Ты видишь, я поумнела и теперь так далеко ушла в своем развитии, что между нашим пониманием друг друга лежит пропасть.

Терри провела по лицу Джоун неимоверно длинными, окрашенными в голубой цвет ногтями, заточенными, как грозные охотничьи ножи.

— Сейчас я не жрица. Сейчас я воительница, очищающая реальности от тупых созданий, вроде тебя. Но придет время, и я встану во главе созданного храма Сознания.

— Отпустите меня! — закричала Джоун, вырываясь из схвативших ее рук. — Я не хочу быть такой, как вы.

— Ты не понимаешь, что мы хотим тебе дать, — заглушая шум работающей мясорубки, прорычал демон. — Ты глупа в своем неведении. Ты не хочешь этого, как больной гангреной не хочет ампутации. У тебя заражен весь организм. Он отравлен неправильным пониманием вещей. Ты поймешь это, только умерев и восстав.

— Правильно. Это штучная, ручная работа, — подошел к ним демон с торчащими из черепа гвоздями. — Поиграйте. Массой мы займемся позже. Ты, Джоун, будешь страдать десятилетия, столетия... А это покажется тебе лишь сладостными поглаживаниями.

Демон, при жизни Джей Пи Монро, накинул на Джоун проловолочную петлю и затянул скользящую удавку. Сталь врезалась в кожу, перехватив дыхание. Кровь ударила в мозг, заставив глаза красноватой дымкой тумана.

— Не надо было играть с нами, — продолжал кенобит, — ты только усугубила свои страдания. Обещаю тебе: переход будет страшным и продлится века. Ты постепенно познаешь Высших Неизвестных и рано или поздно станешь, как ты выражаяешься, ублюдком из ада. Я, пожалуй, вставлю тебе в рот фотоаппарат, а голову продырявлю авторучками и карандашами, впрочем, я еще не решил. Может, потом придет идея поинтереснее. Согласись, это несколько банально. А может, врезать в твою пышную грудь пишущую машинку, чтобы она всегда была под рукой?

Джоун ослабла и уже больше не оказывала сопротивления обступившим ее демонам, которые вырывали на ее голове

волосы и выщипывали брови. Рука ее разжалась, и из пальцев выскользнула, со стуком упав на дорогу шкатулка. Ударившись, она выпустила из себя несколько сверкающих импульсов. Холодный голубой свет, концентрируясь в паутинообразные нити, пробежал по ее бокам и застыл в середине.

— *Caput Mortnum, imperet tibi Dominus per vivum et devotum serpentem!..* — под заунывные звуки флейты и волынки отозвался голос из далеких недр сознания. Демоны выпустили свою жертву и она, хрипя и кашляя, повалилась на тротуар, прижимая одну руку к горлу, а другой шаря вокруг себя в поисках шкатулки. Перед глазами непрерывно шли яркие круги, мешающие увидеть, что шкатулка пришла в движение, выдвинув из себя пятигранный стержень, залитый ослепительным светом.

— Господи, помоги мне! — С хрипом выдавила Джоун и, наконец, нашупала шкатулку.

Кенобиты, как завороженные, смотрели на нее, ничего не предпринимая.

— Ну, долго вы будете на нее пялиться! — прикрикнул на них первый пришедший в себя демон и устремился к Джоун.

Но было поздно. Середина шкатулки выбросила энергозвезду, пять лучей которой пронзили тела кенобитов покрывая, их кружевами молний и электрических разрядов. Звезда расслоилась, превращаясь в пентаграмму. Лучи со свистом разомкнулись, сходясь вместе в другом измерении и увлекая за собой демонов. Их лики сделались зыбкими и полупрозрачными, пока не исчезли совсем. Огненный пунктир какое-то время еще удерживал их силуэты, но вскоре он также разбрисался на световые блики, которые развеялись в окружающем пространстве. Проделав разнообразные ломаные линии, луч сложился в три куба, выходящих из одной общей точки. Два сверху и один снизу образовали еще один парадоксальный куб по центру. Джоун оказалась заключенной внутри него. Стенки уплотнились, делаясь прозрачным, но уже материальным объектом. Получилось так, что Джоун сидела на верхней стороне одного куба, а за спиной расположились боковые стенки двух других. Неожиданно они вывернулись, создавая центральный кубик и Джоун с чудовищной скоростью выбросило вперед, в черную дыру, образовавшуюся в результате излома пространства. Все произошло столь стремительно, что она ничего не успела сделать. Это не было похоже на полет, но в то же время она не чувствовала тяжести своего тела, подобно космонавту на орбитальной станции. Ее просто вырвало из этого мира, переместив в другую реальность. В глаза ударили свет,

который показался невероятно ярким после нескольких секунд кромешной, как будто живой, темноты. Джоун прищурилась и тупо посмотрела по сторонам. Выжженная трава, окопы, трупы, запах пороха и дыма... Джоун прикрыла веки, соображая, что с ней произошло. Голова болела, глухими ударами отдаваясь в висках, шея ныла от недавней удавки.

— Черт! — Джоун поднялась на ноги, подобрав сложенную коробочку шкатулки. — Если я не сошла с ума от всего этого, то где-то здесь должен быть Симплтон.

— Эй! — крикнула она, но громкого призыва не получилось.

Убрав со лба грязные слипшиеся волосы, она побрела по полю, расстегивая от жары молнию на своей куртке и поднимая тучи песка и пыли.

«Искупаться бы в ледяной воде. Или хотя бы попить!» — подумала Джоун осматриваясь, но ничего похожего на источник поблизости не увидела. Только в отдалении возвышалось что-то похожее на небольшой перелесок. Туда и направилась Джоун, обмахиваясь шарфом и шаркая ногами, обутыми в теплые осенние сапоги. Она уже ничему не удивлялась в этом безумном круговороте. Она больше не задавала себе вопросов: кто такой Бог; зачем нужна жизнь; что ждет нас после смерти, а просто размышляла о том, кончится все это, наконец, или ей суждено постоянно вести борьбу за все человечество. Не найдя ответа, Джоун упростила задачу: попадет ли она когда-нибудь домой, если он только еще существует, и поверит ли ей кто-нибудь после возвращения? Не решив и этого вопроса, она пожала плечами и постаралась больше ни о чем не думать. Тем более, что разложить все по полочкам у нее в данный момент не получалось.

Подняв с земли две отстрелянны гильзы, Джоун ускорила шаг, поигрывая ими в одной руке и стараясь отвлечься от боли в голове. Но мысли упорно не желали оставлять ее бедную голову.

«Может, прочитать молитву?.. А я не знаю ни одной!»

Она рассмеялась и зациклилась на одной фразе, повторяя ее бесконечное множество раз: «Господи, спаси и сохрани!»

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Незаметно Джоун подошла к заброшенному колодцу, на крышке которого белой краской была кем-то выведена надпись: «Отравлено». Открыв дверцу, она заглянула внутрь выложенного бревнами квадрата, решив раз и навсегда поставить точку на своих мучениях, но ведра на месте не оказалось. Тогда она крикнула и, послушав искаженный звук, бросила в недосягаемую воду две гильзы от автомата Томпсона. Булькнув и выпустив воздушные пузырьки, они скрылись в толще воды, опустившись на далекое дно. Захлопнув крышку и скинув с себя куртку вместе с толстым свитером, Джоун прислонилась к деревянному срубу колодца, подумывая о возможности открыть шкатулку и умереть.

Ее внимание привлек какой-то треск. Он доносился из близлежащего леса.

«Может, дикий зверь набросится на меня и растерзает своими когтями?»

Мысленно представив эту картину, Джоун отвергла ее, прячась за покатой крышей.

Из-за кустов показался молодой черноволосый мужчина с тоненькой полоской пробивающихся усиков, военная форма на нем была расстегнута. Закатанные рукава светло-зеленой гимнастерки открывали загорелые руки с часами и хромированным браслетом с указанием группы крови на запястье. На безымянном пальце левой руки под обручальным кольцом была синяя татуировка «SF» — «Солдат удачи».

— Папа! — крикнула Джоун, выходя из укрытия.

Солдат посмотрел на нее и прикрыл глаза ладонью.

— Ничего не понимаю, — произнес он. — Только что я был в другом месте. Кто-то пришел ко мне и сказал: «Твоя дочь — молодец, иди к ней». Ничего не понимаю...

— Зато я понимаю, — подходя к нему грустно сказала Джоун.

— Это награда. Странно, но ведь я не провела демона через окно... Я твоя дочь...

— Джоун? — смущенно переспросил солдат. — Джоун, это правда ты?

— Да, отец, — переминаясь с ноги на ногу, ответила девушка.

— Джоун, как ты выросла... Они сказали, что у тебя для меня что-то есть. То, что тебе больше не нужно?

— Это? — она посмотрела на шкатулку. — На, возьми.

Солдат положил смуглую руку на кубик и принял его, сжимая в пальцах.

Шкатулка зло блеснула, играя в лучах свастики, а глаза солдата сделались жесткими и колючими, как терновник.

— А откуда ты знаешь, как меня зовут? — что-то заподозрила Джоун. — Я ведь родилась после твоей смерти?

— Думаю, больше не стоит злоупотреблять твоей доверчивостью. Спасибо за дар, Джоун.

Лицо солдата вытянулось и разбилось на квадраты. Усики исчезли, а вместо волос выступили стальные стержни гвоздей.

Прозвенев в ее ушах, грохот колокола осел где-то глубоко в подсознании, записываясь навсегда.

— О, Господи! — оседая вымолвила Джоун. — Я сама отдала тебе шкатулку.

— В эту благодатную почву всегда можно посеять семена сомнения. Твое время пришло!

— Господи, когда же этому придет конец!

— Для тебя очень скоро. Хотя понятия «конец» и не существует в природе. Первоначально оно означало: завершение реконструкции Вселенной и ее полный распад. Я прощаю тебе твое неведение. Ты узнаешь обо всем позже.

— Это нечестно! Ты не можешь...

— Не надо нервничать. Я заберу твою душу. Теперь у меня впереди вечность, чтобы узнать, от чего ты заплачешь.

— Ты негодяй! Ты читал мои мысли!

— Неужели ты думаешь, что они для меня могут быть закрыты... Твой мозг обнажен, как раскрытая книга с надписью на корешке: «Джоун Соммервиль» и голограммой твоей внешности на обложке. Как дверь с торчащим из замочной скважины ключом.

— Дверь? — задумалась Джоун. — Постой!

— Ты хочешь затуманить мой разум, как у Керсти? Ничего у тебя не получится. Я больше не клюну на подобную удочку.

Демон подбросил шкатулку и поймал ее.

— Теперь у меня все звенья цепи к власти над миром, и я могу делать все, что захочу. Никто не в силах остановить меня. Я есть альфа и омега. Начало и конец творения! Я — ничто и все!

Кенобит надменно посмотрел на Джоун, но вместо нее увидел сложную конструкцию из треугольных фрагментов ее

изображения, в беспорядке громоздящихся друг на друге под разными углами.

— Это что еще...

Пирамидки, созданные проломом в пространстве, постепенно накалили свои прозрачные стороны, сгостились до вихрей и лопнули, сформировав Эрика Симплтона, который возник между кенобитом и плачущей Джоун. Демон был несколько озадачен таким оборотом событий и потер гранью шкатулки о шляпки гвоздей. Штыри, немного шевелясь, вызывали приятное чувство жжения в голове.

— Ты ошибаешься, считая, что никто не остановит тебя! — промолвил Симплтон, встав перед демоном.

— Неужели это сделаешь ты? — сопротивляясь притяжению, исходящему от тела археолога, со смехом, спросил демон. — Я сильнее тебя, жалкий призрак!

— Я породил тебя. Войдя через окно ее разума, ты попал в мой мир, где я хозяин! И теперь мы вместе отправимся в ад.

— Может быть, но вначале пропустим даму, — предложил кенобит, сверкнув глазами в сторону Джоун.

Барабан над колодцем закрутился и набросил на Джоун размотавшуюся цепь, сковавшую ее под мышками и поднявшую вверх. Джоун закричала, но тут же подавилась кожаным кляпом, загнанным ей в рот. Тонкие вымоченные ремни стянули ее голову, быстро высыхая под палящей свастикой и сдавливая черепную коробку. Жгучая боль от завязанных по всей длине узлов, огненными иглами проткнула мозг, вызывая нестерпимые муки.

— Нет! — запротестовал Симплтон, глядя на выдвигающийся из песка четырехгранный столб с орудиями пыток.

— Тебе ведь она такой больше нравится, — засмеялся демон, раскинув руки с пробитыми в них дырками.

И мне. А сама она еще не познала Истину, се мы не спрашиваем. Новая жизнь рождается в муках, не правда ли?

Симплтон хотел броситься на помощь Джоун, но гравитационное поле удержало его на месте.

— Не надо противиться и кривить душой. Тебе это приятно — видеть так же, как и мне. Ты же меня создал. Без тебя я не обрел бы плоть. Мы единое целое и весь мир ждет наших свершений. Там столько разных запретных удовольствий... Вдвоем мы будем сильнее и могущественнее. Под нашими ногами расстелются все реальности, слившись воедино. Расслабься и не сопротивляйся исходящей от нас обоих силе.

— Ты прав, — согласился археолог. — Мы должны быть вместе.

Он шагнул вперед и выхватил из его руки шкатулку, но сила, тянувшая их друг к другу, возросла. Демон рассредоточил свое внимание, упуская из него висящую Джоун. Ремни лопнули, оставив на коже узкие синие полосы, звеня цепи разомкнулись и она, без сил упав на сухую потрескавшуюся почву, вытащила кляп и стала отплевываться.

Симплтон, сопротивляясь демону, подался назад, но только он оторвал ногу от земли, как она, словно подброшенная незримой пружиной вернулась обратно. Соприкоснувшись с ногой демона, она слилась с ней. Шкатулка выпала из руки, погружаясь на третью в песок. Углы вывернулись и вытянулись в ромб, образовав две тупые и две острые вершины. Симплтон все еще пытался вырваться, противопоставляя гравитации силу своих мускулов, но сила притяжения была сильнее. Кожа на обеих фигурах растянулась, сливаясь в единое целое, подтягивая и остальные органы, пока не произошло их полное слияние в более стойкую форму — форму демона.

— Итак, на чем мы остановились? — спросило Джоун чудовище, вновь обретя дар речи. — Я совсем... Нет, теперь можно говорить: мы. Мы совсем забыли про тебя, детка, и ты, я вижу, этим воспользовалась. Но я прощаю тебя, милая. Тебе так не хочется умирать.

Джоун поднялась на ноги, желая достойно принять смерть.

— Это похвально, — сказал кенобит, покрываясь шишками и волдырями. — Что такое?

Внешность демона изменилась, уступив место перекошенному лицу Эрика Симплтона.

— Джоун! — искаженным, еле понятным голосом просипел он. — Шкатулка! Отправь меня в ад!

Девушка приблизилась и вытащила из песка острый граненый стержень.

— Не медли! — подстегнул ее Симплтон. — Я больше не могу держаться!

Его голова начала расслаиваться, погружаясь в утыканную гвоздями сущность кенобита. Джоун зажала в кулаке ромб и воткнула его в грудь чудовища, плохо понимая, что делает. Но, видно, ангел-хранитель подсказал ей верное решение. Демон затрясся, как в лихорадке. Синий огонь пробежал по его телу. Огонь становился все сильнее, пока не перешел в пламенную сетку. Она вспыхнула и скрылась в чреве шкатулки, втянув за собой кенобита. Безумный крик прокатился по всей реальности. Смерч поднял с земли кучи песка, завертев его в танце смерти, и подбросил вверх, затмевая вращающуюся колесом свастику. Джоун, испугавшись содеянного, подхватила складывающуюся

на глазах шкатулку и побежала в лес, не разбиная дороги. Миллионы голосов гоготали ей вслед, обрушившись на разум мощным водопадом слов. Иглы хвойных деревьев царапали щеки. Жесткие ветви хлестали по лицу, но Джоун ничего этого не замечала. Она полностью полагалась на судьбу, все дальше убегая от этого места — вглубь пограничного леса.

ЭПИЛОГ

Джоун упала, уткнувшись в желтую траву на берегу какой-то полноводной реки с еле заметным течением. Свежий ветерок трепал ее волосы. Она передернула плечами, пытаясь унять озноб, воздух был действительно холодный.

— Чертова страна! — в сердцах вымолвила она. — То жара, то стужа.

Она взглянула на голубое небо с плывущей по нему стаей ватных облаков. Диск солнца низко опустился, почти касаясь горизонта.

— Солнце... Круглое солнце, — удивилась Джоун и покрутила головой по сторонам, ища подтверждения внезапно возникшей в сознании догадке.

Величавые сосны корабельными мачтами поднимались вверх, раскидывая в вышине свои ветвистые кроны. Недалеко за деревьями послышалась грустная песня какой-то птицы, которую явно не радовал скорый приход зимы.

— Земля, — сделала вывод Джоун. — Наша реальность! Мой мир! Господи, благодарю тебя! А что делать с этим?

Ее взгляд опустился на старинную тибетскую шкатулку, сделанную неизвестным мастером.

Поддавшись внезапно возникшему порыву, она размахнулась и бросила шкатулку в реку. Тут же из воды на поверхность выскочила чудовищная рыба с двумя головами. Поймав на лету шкатулку, она скрылась в реке, ударив напоследок огромным хвостом, усеянным смертоносными шипами. Тучи брызг разлетелись во все стороны, а к берегу подкатила небольшая волна. Ударившись о прибрежные камни, она рассыпалась тучей брызг, окропив Джоун, как при обряде крещения. Это был Левиафан — грозный повелитель лабиринта сознания и разума.

* * *

Тифони выпустила кубики из вдруг ослабевших рук, и они в беспорядке рассыпались по полу. Схватившись за сердце, она повалилась спиной на пол. На ее лице застыло выражение полного покоя и умиротворенности. Карие глаза, теряя живой блеск, застыли, глядя в потолок.